

63
и 907

1650

ИСТОРИЯ Петербурга

№5 (27)/2005

ИСТОРИЯ Петербурга

Дорогие читатели!

На журнал «История Петербурга»
можно подписаться в любом
отделении связи по каталогу
«Роспечати»

Подписной индекс 14244

Журнал «История Петербурга»
выходит 6 раз в год

Наш журнал можно
приобрести в магазинах:

«Летний сад»

(Большой пр. П.С., 82,

тел. 232-2104),

«Дом Крылова»

(Саловая ул., 20,

тел. 310-4487),

«Галерея Третьякова»

(Пионерская ул., 2,

м. «Спортивная»),

«Подписные издания»

(Литейный пр., 57),

а также

во многих центральных
книжных магазинах города

Салон Петербург

АНТИКВАРИАТ ОСН. 1990 Г.

*Живопись, мебель,
прикладное искусство,
ювелирные изделия*

с 10.00 до 20.00 ежедневно

Невский пр., 54

(метро «Гостиный Двор»)

напротив Екатерининского сада

тел.: 571-40-20

nevsky54@mail.ru

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 5 (27). 2005

Содержание

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ

- А. А. Бочаров**
А. А. Колокольников – первый начальник
Обуховского завода 3
С. А. Морозов
А. Ф. Ильин-Женевский – революционер,
историк, шахматист, литератор 8

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

- Е. Н. Ильина**
Дом «рядовой застройки» 12

ГОРОД В XX ВЕКЕ

- С. Н. Полторац**
«Истфак должен знать своих героев»,
или Из истории одной короткой жизни 14

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРОДУ

- М. М. Фокин**
По левому берегу Невы,
или Четыре дистанции архитектора Волкова 16

ПРИГОРОДЫ

- Н. П. Лебедева**
Архитектурная прогулка по Кронштадту 26
В. Б. Зернов
Загадка на аллее парка «Сергиевка» 30

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

- Из воспоминаний Бронислава Брониславовича
Орловского. *Обработал Л. Пискорский* 31

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФОЛЬКЛОР

- Н. А. Синдаловский**
Кровавые опыты русского террора и его
отражение в городском фольклоре 35

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

- ✓ Американцы в Петербурге.
Празднование дня Александра Невского
Публикация, перевод и комментарии
В. Н. Плешкова 42
Т. М. Смирнова
Национальные православные церкви
и приходы Петербурга 48

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

- Н. В. Лаврентьев**
Карл и Эмилия. Легенда и быль 55

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

- М. А. Бойко**
Эвакуация. Всероссийская академия художеств
в Самарканде. 1942–1944. *Окончание* 59
Ю. И. Колесников
Рота особого назначения 66
С. И. Готхарт
Воспоминания блокадницы 74

ПЕТЕРБУРГСКОМУ УЧИТЕЛЮ

- А. Г. Стернин**
Два века славной истории 82
В. А. Николаев
Программа «Информационный справочник
по истории Петербурга» 85

СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ

- Н. П. Столбова**
Военное поселение
Охтинского порохового завода 86
П. Ф. Деряшев
Андрей Подлесный –
герой Цусимского сражения 91

Командующие войсками Ленинградского военного округа

- В. М. Лурье, П. А. Калёнов**
Сорокин Михаил Иванович 93

РЕЦЕНЗИИ

- Т. А. Славина**
Рецензия на монографию Ю. Р. Савельева
«Византийский стиль» в архитектуре России.
Вторая половина XIX – начало XX века» 94

МНЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- С. Н. Полторац**
О книге Р. Ш. Ганелина «Советские историки:
о чем они говорили между собой» 96
Заседание редколлегии
журнала «История Петербурга» 98
Викторина «Лермонтовский Петербург» 99
Сведения об авторах 100

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Е. В. Анисимов, доктор исторических наук, профессор

Ю. С. Васильев, доктор технических наук, профессор, академик РАН

Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор

Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. К. Гуркина, доктор исторических наук, профессор

В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

Е. Я. Кальницкая, кандидат искусствоведения

А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, доцент

Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, доктор технических наук, профессор

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор

В. Л. Пянкевич, доктор исторических наук, доцент

Т. А. Славина, доктор искусствоведения, профессор

А. А. Смирнова, кандидат исторических наук, доцент

Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор

В. П. Третьяков, доктор психологических наук, профессор

И. М. Триодина, кандидат культурологии

С. Б. Ульянова, кандидат исторических наук, доцент

А. Н. Чистиков, кандидат исторических наук

В. П. Яковлев, кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полторак

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел. (812) 324-66-13

E-mail: nestorklio@mail.ru

http://www.spbhistory.ru

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2005

© Авторы публикаций, 2005

© Издательство «Нестор», 2005

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — На Неве у Адмиралтейства. Худ. А. П. Боголюбов. 1870-е гг.

На 4-й странице обложки — Вид Смольного монастыря с Большой Охты. Худ. А. П. Боголюбов. Начало 1870-х гг.

А. А. Колокольцев — первый начальник Обуховского Завода

А. А. Бочаров

Создание и первые десятилетия деятельности Обуховского сталелитейного завода, одного из известнейших промышленных предприятий Петербурга, тесно связаны с именем Александра Александровича Колокольцева, возглавившего завод в 1865 году и руководившего им до середины 90-х годов XIX века. Биография этого человека, участвовавшего в экспедиции на фрегате «Паллада», положившей начало дипломатическим отношениям между Россией и Японией, а впоследствии связавшего свою судьбу с развитием отечественного сталелитейного и артиллерийского производства, заслуживает внимания, а его имя — доброй памяти.

А. А. Колокольцев, родившийся 15 сентября 1833 года¹, происходил из флотской семьи: его отец Александр Васильевич, участвовавший в русско-турецкой войне 1806–1812 годов и в боевых действиях против французов при осаде Данцига в 1813 году, вышел в отставку в 1817 году в чине капитан-лейтенанта. Колокольцевы имели поместье в Осташковском уезде Тверской губернии².

В феврале 1841 года А. А. Колокольцев поступил кадетом в морскую роту Александровского кадетского корпуса, откуда в августе 1844 года был переведен в Морской кадетский корпус. В 1851 и 1852 годах на фрегате «Паллада» и корабле «Смоленск» он совершил свои первые плавания в Балтийском и Северном морях. В 1852 году он окончил корпус и был произведен в первый офицерский чин мичмана с назначением в 23-й флотский экипаж Балтийского флота³.

Сразу же после окончания корпуса Колокольцева ждало участие в ставшем знаменитым плавании фрегата «Паллада» из Кронштадта на Дальний Восток. Целями той

А. А. Колокольцев

А. А. Колокольцев

экспедиции, возглавленной адмиралом Е. В. Путятиным, были, как известно, установление дипломатических отношений с далекой и во многом загадочной тогда Японией и изучение дальневосточного побережья. Участник плавания писатель И. А. Гончаров упомянул в своей книге путевых очерков «Фрегат «Паллада»» наряду с другими членами команды фрегата и молодого мичмана А. А. Колокольцева⁴.

В августе 1854 года после длительного плавания участники экспедиции вынуждены были оставить «Палладу», пришедшую в негодность, в Императорской гавани. А. А. Колокольцев вместе с Е. В. Путятиным и частью команды перешел на фрегат «Диана», направившийся к берегам Японии. Но и «Диану» ждала печальная участь: 11 декабря 1854 года она получила повреждения во время сильного землетрясения в заливе Симода, а 6 января 1855 года погибла при попытке перейти к но-

вому месту стоянки. Команда фрегата нашла убежище в японском селении Хеда на берегу одноименной бухты. Там было принято решение построить парусное судно, на котором русские моряки смогли бы вернуться на родину.

Строительство судна, получившего название «Хеда», возглавил А. А. Колокольцев, подробно описав его позднее в своей статье в «Морском сборнике», подписанной инициалами А. К.⁵ Задача, стоявшая перед строителями, была очень сложной. Создавать судно пришлось в отсутствие квалифицированных специалистов по судостроению, руководствуясь всего лишь кратким описанием яхты главного командира Кронштадтского порта «Опыт», содержавшимся в одном из номеров «Морского сборника» за 1849 год, сохранившимся у членов команды «Дианы». Тем не менее незаурядные технические способности Колокольцева, упорный труд русских матросов и помощь японских ремесленников позволили к апрелю 1855 года успешно завершить строительство шхуны.

Командуя «Хедой», А. А. Колокольцев совершил плавание в Петропавловск. Оттуда из-за угрозы нападения английской эскадры «Хеда» направилась в Императорскую гавань, а затем в устье Амура, куда и прибыла, благополучно избежав встречи с английскими кораблями.

Произведенный в ноябре 1854 года за отличие в лейтенанты, А. А. Колокольцев в декабре следующего, 1855, года был назначен адъютантом к начальнику штаба кронштадтского генерал-губернатора. За «отлично-усердную службу, особые труды и разного рода лишения, понесенные во время плавания в дальних морях» в ноябре 1855 года он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁶.

В 1856–1857 годах Колокольцев на корвете «Оливуца» совершил переход из устья Амура в Кронштадт, прибыв к новому месту службы. Однако пребывание на Балтике продолжалось недолго: в 1858 году А. А. Колокольцев был командирован в Аральскую флотилию. Во главе каравана с грузами и команды моряков, предназначавшейся для усиления флотилии, он отправился из Оренбурга через казахские степи на р. Сыр-Дарью к форту, построенному там русскими войсками. В июне–октябре 1858 года, командуя железной двухпушечной баржей, А. А. Колокольцев плавал в Аральском море. Он обнаружил фарватер, по которому оказалось возможным войти из Аральского моря в Аму-Дарью и подняться по ней до Кунграда.

Вернувшийся в конце 1858 года в Петербург Колокольцев вскоре был командирован за границу в распоряжение своего прежнего начальника адмирала Е. В. Путятина, назначенного первым русским морским агентом в Англии и Франции. В обязанности А. А. Колокольцева входил надзор за производившимися английскими и французскими фирмами работами по выполнению заказов Морского министерства. Произведенный в октябре 1860 года в капитан-лейтенанты, А. А. Колокольцев вплоть до конца 1864 года продолжал находиться в заграничной

командировке. Затем в его судьбе произошла резкая перемена: он был назначен начальником Обуховского сталелитейного завода и в январе 1865 года, вернувшись из-за границы, приступил к исполнению своих новых обязанностей⁷.

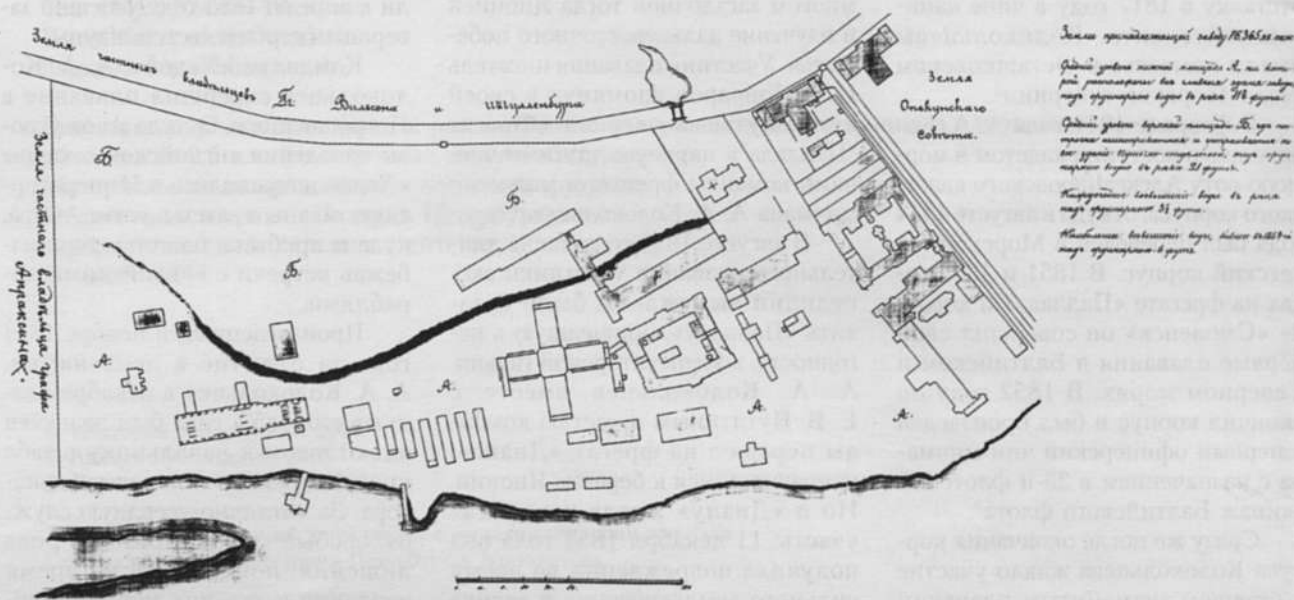
Еще в мае 1862 года комитет под председательством Путятина, созданный по инициативе главы морского ведомства великого князя Константина Николаевича, высказался за строительство близ Петербурга завода для изготовления артиллерийских орудий большого калибра⁸. Местом для него была избрана территория бывшей Александровской мануфактуры, находившаяся у Шлиссельбургского тракта, в двенадцати верстах к юго-востоку от города, и удобная благодаря близости к Неве и Николаевской железной дороге. Согласно высочайшему повелению от 31 мая 1863 года та местность со всеми находившимися на ней постройками была уступлена Петербургским опекуном советом морскому ведомству сроком на 72 года.

Создание нового завода было вызвано желанием морского ведомства создать отечественное сталелитейное и пушечное производство для нужд русского флота, которое было бы полностью независимо от иностранных фирм. Возможность выполнения того требования дали новый способ обработки стали, открытый талантливым горным инженером П. М. Обухо-

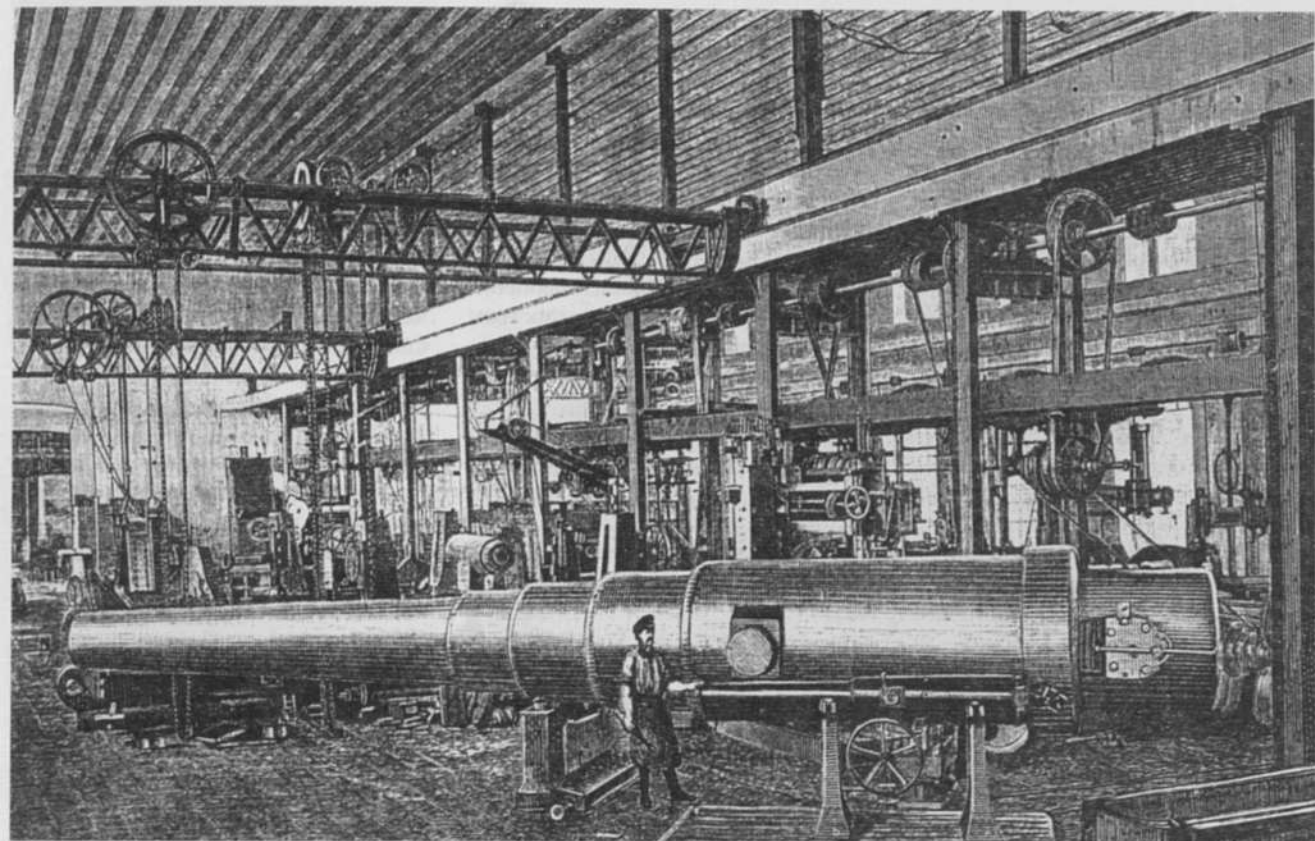
вым, и удачное изготовление под его же руководством небольших орудий в Златоусте, на Урале. Завод был основан в 1863 году. Владельцами его стали сам П. М. Обухов, инженер и предприниматель Н. И. Путилов и купец С. Г. Кудрявцев. Образовав товарищество, они заключили в мае 1863 года контракт с морским ведомством.

С деятельностью завода связывались надежды на развитие в России стальной нарезной артиллерии крупного калибра. Однако масштабы производства и проведение дорогостоящих опытов по совершенствованию орудий и технологии их производства оказались не под силу товариществу, и морское ведомство оказалось вынужденным поддерживать его субсидиями, испрашиваемыми великим князем Константином Николаевичем. Затраты казны оказались столь велики, что владельцы завода не смогли погасить свою задолженность. В связи с этим уже в 1865 году Обуховский завод перешел в совместное с казной управление. В 1883 году Морское министерство приобрело третью часть паев товарищества, а два года спустя, в 1885 году, после удовлетворения интересов частных лиц, завод стал полной собственностью казны⁹.

Как писал впоследствии генерал-майор В. И. Колчак (отец знаменитого адмирала и политического деятеля А. В. Колчака) в работе по истории Обуховского завода,

План Обуховского завода. 1868 г. Из фондов РГА ВМФ

Обуховский сталелитейный завод. 12-дюймовое дальнобойное орудие. Гравюра Рашевского

А. А. Колокольцев обладал «обширными познаниями в заводском деле, приобретенными во время многолетних сношений с английскими заводами в качестве агента Морского министерства»¹⁰. Во многом именно поэтому на него и пал выбор руководства морского ведомства при решении вопроса о назначении начальника завода. На А. А. Колокольцева были возложены работы по общему руководству деятельностью завода и изготовлению орудий. Сталелитейное производство осуществлялось под непосредственным руководством Обухова, в помощь которому в конце 1865 года был назначен полковник (впоследствии генерал-лейтенант) морской артиллерии Р. В. Мусселиус. Однако через три года состояние здоровья М. П. Обухова заставило его покинуть завод; он уехал лечиться за границу, где и умер в январе 1869 года. После отъезда М. П. Обухова сталелитейную часть на заводе возглавил Р. В. Мусселиус. Н. И. Путилов отошел от участия в делах завода еще раньше.

Энергичная деятельность А. А. Колокольцева и финансовая поддержка завода государством,

вопреки мнению скептиков, советовавших ликвидировать производство, принесли свои плоды: уже к 1880 году морское ведомство имело 530 изготовленных Обуховским заводом нарезных орудий, в том числе 209 калибром от 6 до 12 дюймов¹¹. Боевые качества тех орудий, по мнению современников, не уступали качествам орудий знаменитого германского завода Круппа, а стоимость их изготовления была значительно ниже стоимости заказывавшихся за границей крупновских пушек. Кроме орудий завод производил артиллерийские снаряды, пушечные станки, стволы для мин Уайтхеда, валы для судовых машин (в частности, им был изготовлен вал для машины в 1000 л. с. на императорскую яхту «Держава»). Некоторое время на Обуховском заводе существовала и ружейная мастерская, изготовившая для русской армии более 500 тысяч ружейных стволов.

31 июля 1870 года на Обуховском заводе побывал император Александр II, проявивший большой интерес к деятельности вновь созданного завода и высоко оценивший его достижения¹².

Очень сложное и связанное с большими техническими трудностями сталелитейное производство было постепенно доведено на заводе, как отмечали современники, «до высокой степени совершенства». Большинство новейших технических достижений в области сталелитейного производства были впервые применены в России именно на Обуховском заводе. К их числу относились тигельное производство, бессемерование, шинопровальное дело, прессование жидкой стали, закалка в масле больших масс металла, использование мартеновских печей и ковалных гидравлических прессов¹³. Значительную роль во внедрении тех достижений сыграла деятельность инженера молотового цеха известного металлурга и металловеда Д. К. Чернова (1839–1921)¹⁴, разработавшего в 1867–1868 годах новый способ закалики стали, ставший гордостью завода.

Деятельность Обуховского завода нашла признание во всем мире. Завод принял участие во всех знаменитых выставках 60–90-х годов XIX века: Парижской (1867), всероссийской Петербургской (1870), Московской (1872), Венской

(1873), Филадельфийской (1876), Московской политехнической (1882), Всероссийской в Нижнем Новгороде (1896) и всемирной Парижской (1900), получив на каждой из них награды.

Справедливо были оценены и заслуги начальника завода: в 1876 году А. А. Колокольцев был пожалован во флигель-адъютанты его императорского величества, 20 апреля 1880 года ему было объявлено монаршее благоволение за «отлично-полезные 15-летние труды по управлению Обуховским сталелитейным заводом», а в августе 1882 года за отличие по службе он получил чин контр-адмирала¹⁵.

В январе 1890 года исполнилось 25 лет с начала деятельности Обуховского завода и 25 лет его руководства А. А. Колокольцевым. Те события были отмечены небольшим торжеством, состоявшимся 31 января 1890 года. По окончании рабочего дня более 2000 рабочих и служащих завода с их семьями собрались в одной из мастерских приветствовать Колокольцева, встретив его хлебом-солью, при звуках торжественной военной музыки. Затем, когда был отслужен благодарственный молебен и дети, обучавшиеся в заводской школе, пропели кантату, сочиненную спе-

циально к тому дню в честь их почитателя, состоялся прием поздравлений и многочисленных адресов от представителей научного мира, различных учреждений и обществ, заводов и отдельных лиц. «Такая глубокая признательность, — отмечал современник, — была вызвана плодотворною деятельностью юбиляра, представляющей неопенимую заслугу как перед государством — создание могущественного русского орудийного завода, обеспечивающего средства его обороны, — так и перед русскою техникой — образцовой постановкой наитруднейшего производства под руководством избранных Колокольцевым исключительно русских инженеров»¹⁶.

В апреле 1894 года, получив назначение членом Адмиралтейств-совета, А. А. Колокольцев, ставший к тому времени генерал-лейтенантом по Адмиралтейству, оставил пост начальника Обуховского сталелитейного завода¹⁷. В течение 29 лет он отдавал свою энергию, административные способности и умение отстаивать интересы дела развитию сталелитейного и пушечного производства в России. Новым начальником завода стал Г. А. Власьев, долгое время при А. А. Колокольцеве занимавший должность его помощника.

Дальнейшая деятельность А. А. Колокольцева в качестве члена Адмиралтейств-совета не была отмечена значительными событиями. В 1896 году он совместно с командиром Петербургского порта, начальниками Обуховского, Ижорского и Балтийского заводов принял участие в составлении общих правил, «касающихся заработной платы, числа рабочих часов, способов расчетов и взысканий с мастеровых и рабочих», а затем в том же году был командирован во Владивосток для проверки правильности разработанных в Морском министерстве проектов строительства в том порту ремонтных мастерских и эллингов¹⁸. Эти поручения стали последними, отмеченными в его послужном списке. В 1902 году А. А. Колокольцев был награжден одной из высших наград Российской империи — орденом Св. Александра Невского¹⁹.

Умер А. А. Колокольцев 1 октября 1904 года в Петербурге. Незадолго перед смертью, 28 марта 1904 года, он получил свой последний военный чин — генерала²⁰. Прах Александра Александровича Колокольцева, похороненного 4 октября 1904 года, покоится на Никольском кладбище Александрово-Невской лавры²¹.

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 3. Д. 285. Л. 10.

² Там же. Ф. 432. Оп. 5. Д. 4194. Л. 1, 1 об.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1157. Л. 11 об.

⁴ См.: Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. М., 1949. С. 72.

⁵ См.: А. К. [Колокольцев А. А.] Построение шхуны «Хеда» в Японии // Морской сб. 1856. № 8. С. 279–299.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 285. Л. 10 об.

⁷ Там же. Л. 24 об. — 25 об.

⁸ Манн К. А. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880. СПб., 1880. Ч. 2. С. 77.

⁹ Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: Либерал, бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 150.

¹⁰ Колчак В. И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники // Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. СПб., 2001. С. 136.

¹¹ Житков К. Г. Светлой памяти великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала русского флота: (Биограф. очерк). СПб., 1912. С. 108.

¹² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3151. Л. 56–60.

¹³ В. К. [Колчак В. И.] А. А. Колокольцев // Морской сборник. 1904. № 11. Неофиц. отд. С. IV–V.

¹⁴ Подробно о Д. К. Чернове и его деятельности см.: Гумилевский Л. Чернов. М., 1975.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1157. Л. 12, 12 об.

¹⁶ Цит. по: Колчак В. И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. С. 198.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1157. Л. 12 об.

¹⁸ Там же. Ф. 410. Оп. 3. Д. 285. Л. 25 об., 26.

¹⁹ Там же. Л. 20 об. — 21.

²⁰ Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1157. Л. 13.

²¹ Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 206.

А. Ф. Ильин-Женевский — революционер, историк, шахматист, литератор

С. А. Морозов

Имя Александра Федоровича Ильина-Женевского неизвестно многим современникам, но в двадцатые-тридцатые годы прошлого века он был знаменитой личностью — революционером, историком, шахматистом, дипломатом, литератором, публицистом.

Александр Федорович Ильин-Женевский родился 16 (28) ноября 1894 года в Санкт-Петербурге, в семье протоиерея Сергиевского всей артиллерии собора Федора Александровича Петрова и Антонины Васильевны Ильиной, дочери генерал-майора артиллерии В. М. Ильина. В официальном браке родители не состояли, ибо Ф. А. Петров как вдовый священнослужитель не имел права венчаться вторично. Александр был младшим сыном. Его брат Федор, известный в истории России под псевдонимом Федора Раскольникова, оказал большое влияние на формирование мировоззрения младшего брата.

С января 1904 года Александр Ильин учился в реальном училище Принца Ольденбургского, а с августа 1907 года переведен в Санкт-Петербургскую Введенскую гимназию. Первые шаги в революционном движении и на литературном поприще А. Ильин сделал, когда учился во Введенской гимназии. В гимназии были созданы нелегальные ученические кружки и рукописный журнал «Недотыкомка», членом редколлегии которого являлся гимназист Ильин¹.

В 1911–1912 годах он стал одним из руководителей Межученической организации средних учебных заведений Санкт-Петербурга, в 1912 году вступил в РСДРП. В декабре 1912 года Александр Ильин и часть его товарищей были арестованы на нелегальном собрании организации и за участие в собрании решением Министерства на-

Единственная сохранившаяся совместная фотография семьи Ильиных.
А. В. Ильина, Шура — 2 года, Федя — 5 лет, Ф. А. Петров.
Фото 20 апреля 1897 г. Архив С. А. Вязовской

родного просвещения от 11 февраля 1913 года были исключены из гимназии без права поступления в учебные заведения министерства².

А. Ильин — учащийся Санкт-Петербургской Введенской гимназии. 1912 г.
Архив С. А. Морозова

Для продолжения образования он в 1913 году выехал в Женеву, где стал студентом естественного факультета и факультета общественных наук Женевского университета. Проживая в Женеве, А. Ильин выбрал себе псевдоним Женевский. Существует две основные версии появления псевдонима: Александр Федорович стал Женевским в память о встрече с В. И. Лениным, которая произошла в Женеве, или в честь победы на чемпионате Женевы по шахматам в 1914 году. К сожалению, воспоминаний Ильина-Женевского о причинах происхождения псевдонима обнаружить не удалось.

Летом 1914 года А. Ф. Ильин-Женевский приехал в Россию на летние каникулы и в связи с началом Первой мировой войны остался на родине. Добровольцем, на правах вольноопределяющегося, с 9 февраля 1915 года А. Ф. Ильин был в рядах защитников Отечества. 21 февраля его зачислили во 2-ю Петергофскую школу для ускоренной подготовки офицеров. Активно и стар-

тельно проходил он обучение и 14 мая получил чин прапорщика и назначение на фронт.

В двадцатых числах мая он уже был на фронте, 30 мая участвовал в боевых действиях по отражению атак немецких войск на Варшаву, был отравлен удушающими газами. Пройдя краткосрочный курс лечения, получил назначение на Южный фронт, в 3-ю армию. За участие в боях был награжден орденом Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». 9 июля 1915 года у местечка Пяски во время контратаки русских войск А. Ф. Ильин-Женевский был тяжело контужен. Солдаты, любившие своего молодого командира, спасли и вынесли его на ружьях с поля сражения³. Прапорщик А. Ф. Ильин был в полубессознательном состоянии эвакуирован в тыл, а затем доставлен в Петроград. Понадобился год, чтобы восстановить здоровье после тяжелейшей контузии. Одним из последствий было то, что Александр Ильин напрочь забыл, как играть в шахматы. Пришлось учиться заново и одержать в последующем более значимые победы, чем в женевском шахматном чемпионате. После прохождения курса лечения врачебная комиссия забракела А. Ф. Ильина для службы на фронте, и в июле 1916 года он получил назначение в запасной огнеметно-химический батальон, дислоцировавшийся в Петрограде.

Мы можем сравнить две фотографии. На одной (1915 года) Александр вместе с братом гардемарином Федором Ильиным – на снимке совсем юный офицер, можно сказать мальчишка, даже пряжка ремня португеи сбоку. На другой (1917 года) – мужчина с волевым взглядом. За его плечами война.

В 1917 году А. Ф. Ильин-Женевский – редактор газет «Волна», «Солдатская правда», «Голос правды», «Рабочий и солдат», «Солдат». Работая в большевистской печати, проявил себя умелым организатором и блестящим публицистом. Солдаты огнеметно-химического батальона избирали его членом Петроградского совета и районного совета Петроградской стороны. В октябрьские дни Военно-революционным комитетом он был назначен комиссаром своего батальона и гвардейского резерв-

Единственная фотография – братья Ильины вместе. Май 1915 г. Архив С. А. Вязовской

ного гренадерского полка. В качестве комиссара ВРК, вместе с полковым и батальонными комитетами, он организовал патрулирование Петроградской стороны, предотвратил попытку разведения Гренадерского и Сампсониевского мостов, им была организована охрана Народного дома, опытного химического завода, других объектов, а также северных подступов к Петрограду⁴.

Александр Ильин – младший офицер запасного огнеметно-химического батальона. 1917 г. Архив С. А. Морозова

В ноябре 1918 года А. Ф. Ильин-Женевский стал первым начальником созданного Политического управления Петроградского военного округа. В то время Политическое управление проводило организацию различных общественно-политических и культурно-просветительных мероприятий, таких как формирование партийных коллективов, открытие избитален, клубов, театров и кинотеатров, гимнастических залов. Широко была развернута работа по ликвидации неграмотности среди красноармейцев. В войсках округа распространялись книги, газеты и листовки.

В 20-е и 30-е годы А. Ф. Ильин-Женевский был на дипломатической, научной и руководящей работах. На дипломатической работе в 1921–1922 годах – консул РСФСР в Либаве, в 1930–1931 годах – советник полпредства СССР во Франции, в 1933–1935 годах – старший советник полпредства СССР в Чехословакии. С 1924 по 1930 год – заместитель заведующего Ленинградского истпарта, в 1932–1933 годах – заместитель директора Ленинградского института истории ВКП(б). В те годы он создал и опубликовал оригинальные исторические труды и работы. Отдельными книгами были изданы десять исторических трудов, большинство из написанных работ опубликовано в журнале «Красная летопись».

Самым ценным трудом А. Ф. Ильина-Женевского стала книга «От Февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 годе» (Л., 1927). Автор описал период своей жизни с 1914 года по ноябрь 1917 года, свое участие в Первой мировой войне, события и обстановку в Петрограде, Гельсингфорсе и Кронштадте в 1917 году, работу редакций газет «Волна», «Солдатская правда», «Голос правды», «Рабочий и солдат», «Солдат», дал описание событий в Петрограде в дни Октябрьского вооруженного восстания и в Москве в первые дни установления советской власти. В 1929 году вышла книга «Большевики у власти. Воспоминания о 1918 годе». Заслуживают внимания рассказы о работе Народного комиссариата по военным делам, штаба Петроградского военного округа, VII экстренного

съезда РКП(б). В 1931 году была издана книга «Записки Витмеровца», в ней автор рассказал о деятельности ученических кружков в Санкт-Петербургской Введенской гимназии и Межученической организации в 1911–1912 годах. Исторические труды и мемуары А. Ф. Ильина-Женевского являются ценными источниками для изучения истории нашей страны, из них наиболее интересны работы, посвященные истории 1917 года, так как автор сам был непосредственным участником происходившего и под углом своего мировоззрения дал описание и анализ тех исторических событий.

Александр Федорович был разносторонне одаренным человеком, и одним из видов деятельности, где он достиг наибольших результатов, была игра в шахматы. Без преувеличения можно сказать, что А. Ф. Ильин-Женевский для своего времени был шахматистом мирового уровня. Из одержанных им побед наиболее известна победа над чемпионом мира Х. Р. Капабланкой во время Московского международного турнира 1925 года. А так как в двадцатые годы Капабланка считался непобедимым и проиграл только одну партию Р. Рети, то можно понять уникальность победы. Александра Александровна Вязовская, сестра Таисии Ильиной-Женевской, так пишет в своих воспоминаниях: «...чемпион мира с невозмутимым спокойствием положил своего короля, поздравил Женевского рукопожатием и пошел в пресс-центр. В центре Капабланка преобразилась, он был вне себя от волнения. Он громко говорил, размахивая руками, и что-то доказывал окружающим его людям... Александра Федоровича толпа буквально несла на руках, он никак не мог пробиться к выходу из «Метрополя», где конная милиция пыталась навести порядок. В рукописях ходили даже стихи об этой партии...».

В 1925 году он получил звание мастера и разделил 1–4-е места в шахматном первенстве Ленинграда. А потом, в 1926 и 1929 годах, единолично побеждал в чемпионатах Ленинграда. В 1927 году победил в чемпионате профсоюзов СССР и в международном турнире Рабочего Шахинтерна, прохо-

Московский шахматист Н. М. Зубарев и А. Ф. Ильин-Женевский. 1920-е гг. Архив С. А. Вязовской. Публикуется впервые

дившего в Берлине, одержал победу в турнире сильнейших шахматистов Закавказья, состоявшемся в 1928 году.

А. Ф. Ильин-Женевский был одним из ведущих организаторов шахматного движения в нашей стране. Историки шахмат с уважением признают его заслуги как главного организатора первой Всероссийской шахматной олимпиады, проходившей в октябре 1920 года в Москве. Первое место на олимпиаде завоевал А. А. Алехин, а позднее первую олимпиаду стали считать первым чемпионатом страны. В журнале Всеобуча «К новой армии» он открыл первый при советской власти шахматный отдел. Долгое время был ответственным редактором первого советского шахматного журнала «Шахматный листок», вел отделы в «Правде», «Вечерней красной газете». Опубликовал ряд шахматных статей по теоретическим, творческим и организационным вопросам⁵.

А. Ф. Ильин-Женевский – первый председатель Ленинградской губернской секции, в течение многих лет (1924–1937) входил в состав исполнительного бюро Всесоюзной шахматно-шашечной секции. Им написаны четыре книги по шахматной тематике: «Международный шахматный турнир в Москве (Дневник участника)» (М., 1926), «Матч Алехин – Капабланка» (Л., 1927), «Записки советского мастера» (Л., 1929), «Междуна-

А. Ф. Ильин-Женевский за игрой в шахматы. 1920-е гг. Архив С. А. Вязовской

родное рабочее шахматное движение и советская шахматная организация» (М.; Л., 1931).

«Записки советского мастера» носят характер шахматной автобиографии и отражают период начиная с детских лет А. Ф. Ильина-Женевского до 1925 года. В книге автор описал шахматное собрание в Петербурге, чемпионат Петербурга в 1910 году, свое участие в чемпионате Женевы, турнир 1918 года в Петрограде, Всероссийскую шахматную олимпиаду, чемпионат Москвы 1922 года и первый шахматный матч Москва – Петроград.

Изданные в двадцатые–тридцатые годы книги Ильина-Женев-

ского о революционных событиях, об истории шахмат по ряду причин не переиздавались и стали библиографической редкостью. Переиздание их было бы очень познавательно и интересно.

В 1932 году в жизни Александра Федоровича произошло важное событие – он сочетался браком с Таисией Александровной Вязовской. Таисия Александровна была очень одаренным человеком, пела, рисовала, в 30-е годы танцевала в балете Ленинградского мюзик-холла, отлично играла в шахматы и была участницей финала женского чемпионата Ленинграда 1940 года. По воспоминаниям современников, у них была по-настоящему большая и искренняя любовь.

Летом 1935 года А. Ф. Ильин-Женевский был назначен на должность заместителя дипломатического агента в Дипломатическое агентство НКВД в Ленинграде. В последующем перешел на работу в Леноблгорлит, где в 1938–1941 годах работал инспектором библиотечного сектора, уполномоченным отдела иностранной цензуры, начальником сектора художественной литературы и искусств, уполномоченным библиотечного сектора.

На работе в Леноблгорлите он занимал невысокие должности. Вероятно, это связано с объявлением вне закона Ф. Ф. Раскольников по приговору Верховного суда Союза ССР от 17 июля 1939 года.

Московский международный турнир. Тая Вязовская играет с Р. Рети, ее сестра Александра наблюдает за состязанием. 1925 г.
Архив С. А. Вязовской

Братья Ильины искренне, по зову сердца пришли в революцию, и установление сталинского режима в стране было для них глубочайшей трагедией. Единственное, что смог сделать Ф. Ф. Раскольников – это написать статьи «Как меня сделали врагом народа», «Открытое письмо Сталину», «Кремль», в которых он дал жесткую и правдивую оценку происходившему.

С конца тридцатых годов и до наших дней существуют легенды о расстреле А. Ф. Ильина-Женевско-

го как брата врага народа. Но репрессиям Александр Федорович подвергался, несмотря на высокий уровень профессиональной деятельности и личное общение братьев с руководителями советского государства: В. И. Лениным, Н. И. Подвойским, В. М. Молотовым, В. И. Невским и многими другими. Известно, что И. В. Сталин и А. Ф. Ильин-Женевский хорошо узнали друг друга еще в 1917 году. В июле 1917 года Сталин по направлению ЦК партии прибыл в Петропавловскую крепость с целью убедить гарнизон крепости и матросов во избежание кровопролития отказаться от вооруженных действий. Одним из руководителей обороны крепости был А. Ф. Ильин-Женевский, и в первую очередь с ним были проведены Сталиным переговоры о сдаче.

Об А. Ф. Ильине-Женевском не могли просто забыть, и в тридцатые годы он по-прежнему был известным человеком. Была жива и здорова мать – Антонина Васильевна Ильина, которая все годы после революции жила на старой квартире на Симбирской улице и погибла в блокадном Ленинграде. По версии двоюродного племянника А. Ф. Ильина-Женевского – Александра Сергеевича Храповицкого, А. В. Ильина обратилась к В. М. Молотову с просьбой не трогать младшего сына с учетом его прошлых революционных заслуг, что и было сделано по

Т. А. и А. Ф. Ильины-Женевские. 1934 г.
Архив С. А. Вязовской. Публикуется впервые

его устному распоряжению. Других предположений и объяснений выявить не удалось.

В ходе работы над биографией выяснен интересный факт наличия в его домашнем архиве машинописного экземпляра «Открытого письма к Сталину». С середины 1930-х годов чета Ильиных-Женевских проживала с семьей Краскиных на улице Толмачева, в доме 18. Дом уцелел во время военных бомбежек, и Краскины сохранили тот экземпляр «Открытого письма к Сталину», а также дневники, фотографии, книги, вещи. На экземпляре нет надписей и пометок, поэтому трудно сказать, каким путем он попал к Ильину-Женевскому. Но то, что Ильины-Женевские, а затем Краскины, храня эту переписку у себя дома, подвергались опасности, не вызывает сомнения. Сейчас этот экземпляр статьи находится у кандидата технических наук, полковника Владимира Борисовича Краскина.

В июне 1941 года Ильин-Женевский принял участие в полуфинале XIII чемпионата СССР в Ростове-на-Дону. В связи с началом Великой Отечественной войны турнир был прекращен, и он спешно вернулся в Ленинград. 1 июля 1941 года он обратился в призывную комиссию Куйбышевского районного комитета ВКП(б) с просьбой взять его в армию добровольцем. Но 47-летнему военнослужащему запаса высшего комполитсостава, который в то время еще не призывали, отказали. В июле, как и многие ленинградцы, он трудился на возведении оборонных сооружений под Ленинградом. Александр Федорович наравне со студентами Финансово-экономического института копал окопы, рыл противотан-

А. Ф. Ильин-Женевский
с Т. А. Ильиной-Женевской. 1941 г.
Архив С. А. Вязовской

Обелиск на могиле
А. Ф. и Т. А. Ильиных-Женевских.
2004 г. Фото автора

ковые рвы и как руководитель группы оперативно решал организационные вопросы, помогал словом и делом уставшим.

В первых числах сентября А. Ф. Ильин-Женевский вместе с женой эвакуировался водным путем из Ленинграда. 3 сентября при бомбежке фашистскими самолетами советских судов у пирса города Новая Ладога он был смертельно ранен и, не приходя в сознание, скончался. Смерть от немецкого оружия, бывшая с ним, боевым офицером, так близко в годы Первой мировой, настигла его уже во Вторую мировую войну.

Похоронив мужа, Таисия Александровна, не выдержав горя, 7 или 9 сентября покончила жизнь самоубийством (даты смерти в источниках различные)⁶. Супруги Александр Федорович и Таисия Александровна Ильиных-Женевские похоронены вместе в Новой Ладоге на братском мемориальном кладбище, где в 1978 году установили скромный обелиск. Так трагически закончились жизни этих незаурядных людей.

В Новолодожском историко-краеведческом музее собраны материалы об их жизни и деятельности, а шахматным клубом «Ладога» с 1988 года ежегодно проводятся мемориалы А. Ф. Ильина-Женевского.

Имя Александра Федоровича Ильина-Женевского занесено в Книгу памяти и славы ленинградских спортсменов, отдавших свои жизни за Отчизну, за родной Ленинград. В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга ведется работа по созданию фонда А. Ф. Ильина-Женевского.

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2375. Л. 18.

² Рогозин И. И. Политическая борьба за молодежь России 1903–1917 гг. М., 1989. С. 99.

³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 1. Д. 268. Л. 1.

⁴ Большевики Петрограда в 1917 году: Хроника событий. Л., 1957. С. 376–377, 677.

⁵ Батуринский В. Революционер, дипломат, литератор, шахматист // Бюллетень Центрального шахматного клуба СССР. 1987. № 31. С. 10–15.

⁶ Морозов С. А. А. Ф. Ильин-Женевский – общественно-политическая и научно-просветительная деятельность 1910–1941: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 149–158.

Дом «рядовой застройки»

Е. Н. Ильина

Архитекторы и краеведы подсчитали: примерно 70% застройки центральной части Петербурга – здания эпохи так называемого историзма (эkleктики) и модерна. И если сохранившиеся до наших дней постройки XVIII и первой трети XIX веков уже в силу своей немногочисленности считаются (большой частью) объектами, достойными охраны и изучения, то огромное, подавляющее большинство более поздних зданий – всего лишь «рядовая застройка». Обидный и неуместный термин. Взгляните на любой провинциальный город России. Здесь по пальцам можно пересчитать подобные дома; ведь даже в XIX – начале XX века бесчисленные провинциальные города и городки империи были в основном деревянными, а дерево – материал недолговечный. И получается, что старые русские города, возраст которых исчисляется иногда столетиями, являют собой ныне почти целиком плод массового строительства советской эпохи – вот действительно «рядовая застройка», где дома неотличимы, как горошины из одного стручка. А Петербург избалован: здесь не считаются достойными охраны дома, по которым можно изучать историю русской архитектуры такого сложного и неоднозначного периода, как период эkleктики. Их безнаказанно кромсают недрогнувшей рукой: малютку свои «заплатки» офисы и лавочки-«однодневки»; снимают и выбрасывают на помойку уникальные двери парадных, заменяя их железными уродцами, которые уподобляют вход в жилой дом дверям какого-то бункера или склада; искажают «лица» домов сверкающими стеклопакетами, уничтожая изначальный рисунок оконных переплетов... «Улучшают» то, что нужно бы беречь и реставрировать, опасаясь утраты навечно.

Я верю, что за столетие-полтора любой дом перестает быть просто неодушевленной материей: камнем, деревом, металлом, цементом... Андрей Тарковский в одной из бесед со зрителями признавался, что не может жить в новопостроенном доме, ибо своей жизнью и жизнью близких он не сможет, не успеет одушевить стены жилища, наполнить их неким содержанием.

12 лет назад моя семья вселилась в один из «рядовых домов» Петроградской стороны после десятилетнего вялотекущего обмена. Странное дело: лишь только войдя сюда, я поняла, что надоевший обмен закончен – я хочу здесь жить. Все здесь было мило сердцу: и плитки пола с меандровым рисунком в парадном, и витые лестничные перила, и филенчатые двери, и старинный петербургский крюк двери, прославленный Достоевским в «Преступлении и наказании», и розетки на потолке, и диковинный механизм оконных задвижек с замысловатой рукояткой, и рассохшиеся, крашенные-перекрашенные, но паркетные полы. Все это, похожее, – и богаче, пышнее, просторнее! – было видно неоднократно, но никогда не возникало желания поселиться, обживать, «вить гнездо», быть здесь. Это чувство возникло только тут.

Возможная разгадка пришла через несколько лет. Разбирая бумаги семейного архива, я обнаружила почтовые открытки столетней давности, адресованные моей прапрабабушке сюда, в этот дом. Здесь поселилась молодой женой моя прабабушка, здесь родилась моя бабушка. Не отпечаток ли их душ, их голосов в этих стенах сказал мне тогда: «ты дома»?

Петербургцы, прислушайтесь к голосам своих домов, почувствуйте их, разгадайте их тайны, прочтите их историю, узнайте, чья воля и труд создали их, чьи жизни прошли в этих стенах, какие судьбы, счастливые или горькие, свершились здесь...

Я хочу вывести из общего строя «рядовой застройки» свой дом и представить его, как представляют доброго знакомого. Вот он.

Дом 25 по улице Съезжинской в Санкт-Петербурге принадлежит к ранним работам известного петербургского-ленинградского архитектора Д. Г. Фомичева.

Демьян Галактионович Фомичев родился в 1876 году. Крестьянин деревни Починок Галичского уезда Костромской губернии, он приехал на заработки в Петербург во главе артели плотников-односельчан. Способный юноша окончил в столице так называемую школу десятников, получил звание техника-архитектора и в этом качестве принимал участие в проектировании множества зданий: деревянные и каменные особняки, доходные

дома, бани, рынки, лавки. С начала XX столетия он выполнял совершенно самостоятельные работы, уже несшие на себе отпечаток индивидуальной манеры мастера.

Целеустремленность и трудолюбие, свойственные Фомичеву, дали ему обширный практический опыт. За 1907–1915 годы он окончил архитектурное отделение Академии художеств по мастерской профессора А. Н. Померанцева и получил звание художника-архитектора. В те годы он посетил Италию и Францию, где изучал наследие мастеров эпохи Возрождения, влияние которой впоследствии неоднократно сказывалось в твор-

честве мастера (дом 10 по улице Куйбышева, 1912–1914 годы; дом 21 по 4-й линии Васильевского острова, 1913 год).

В советское время Д. Г. Фомичев как член Общества архитекторов-художников работал над конкурсными проектами, занимался не только возведением новых зданий, но и реставрационными работами, обменами архитектурных памятников города, преподавал в архитектурном техникуме. В 1930-е годы, уже зрелым мастером, он создал наиболее известные свои творения – жилой дом «работников искусств» на Каменноостровском проспекте, 14 (где жили художни-

ки А. Ф. Пахомов, К. Петров-Водкин, кинорежиссер А. Г. Зархи, композитор Д. Д. Шостакович и другие – постройка 1934 года); жилой дом для работников студии «Ленфильм» (Малая Посадская улица, 4, 1937–1938 годы). В те годы он достойно продолжал в своем творчестве традиции петербургской архитектуры рубежа XIX и XX веков, и его здания выгодно отличаются как от помпезных псевдоклассических, так называемых сталинских домов, призванных выразить мощь государственности, так и от унылых конструктивистских построек.

К творчеству Д. Г. Фомичева обращались в своих работах Г. К. Лукомский («Современный Петроград», 1917); известный современный архитектор и искусствовед В. Г. Исаченко («Из мастеровых в мастера» // Строительство и архитектура Ленинграда. 1979. № 12. С. 34–37).

Скончался Д. Г. Фомичев в годы Великой Отечественной войны, в 1943 году.

На Петроградской стороне Д. Г. Фомичев построил немало зданий. Здесь он жил и особенно любил эту часть города. Кроме названных домов на улице Куйбышева, на Малой Посадской и Каменноостровском проспекте, он построил примечательный дом на Большой Пушкарской улице (№ 3, левая сторона, 1908 год), в котором жила Анна Ахматова, дом на улице Академика Павлова (№ 14 а, 1909 год), интересное по решению производственное здание на Чкаловском проспекте (1935 год).

Небольшой по размерам дом № 25 на Съезжинской улице был

Мои прадедушка и прабабушка, жильцы дома 25 по Съезжинской улице, надворный советник Владимир Михайлович Войткевич и Александра Ефимовна Войткевич (урожденная Черняк). Фотографии 1900-х гг.

одной из первых самостоятельных работ Фомичева. Этот доходный дом, принадлежавший вдове полковника Марии Николаевне Подгаецкой, возведен в 1901 году, еще до открытия к 200-летию Петербурга сообщения через постоянный Троицкий мост. Детище французской фирмы «Батиньоль», он прочно связал Петроградскую сторону с центральной частью города и дал толчок к разгару небывалой «строительной лихорадки» на Петроградском острове – в год здесь возводилось 200–300 домов. Эта деятельность прервалась событиями Первой мировой войны и последовавшими за ней революциями. Нынешних соседних зданий по Съезжинской улице (домов 23 и 27) тогда еще не было, они оба построены спустя 8 лет, в 1909 году.

Интерьер лестничной клетки. 2004 г.

Не совсем обычно расположение дома. Дом числится по Съезжинской улице, однако развернут фасадом (как и следующий дом 27) по четной стороне Татарского переулка. В месте слияния под острым углом этих двух улиц образуется небольшая площадь, которая дает прекрасную возможность обзора фомичевского дома с противоположной стороны Съезжинской улицы.

Пятиэтажный дом в 12 осей по фасаду отличается композиционной целостностью образа, хорошо уравновешенными, удачно найденными пропорциями членений. Это небольшое здание носит камерный харак-

Дом 25 по Съезжинской улице. 2004 г.

тер, свойственный жилому дому. Выразительный лицевой фасад придает дому индивидуальность характерными для этого архитектора приемами. Двухцветная раскраска сопоставляет близкие по тону теплые цвета: желтовато-бежевые стены и светло-коричневый декор. Два симметричных эркера, охватывающих 2-й и 3-й этажи, разнообразят плоскость фасада, делают его рельефным. Пристрастие архитектора (всегда стремившегося к синтезу искусств) к плотному орнаменту, рельефным вставкам сказалось в нарядных консолях эркеров, украшенных расти-

тельными мотивами. Однако изобразительные мотивы не нарушают пластики объемов, декоративные элементы выявляют членение фасада. Каждый этаж оформлен либо горизонтальными тягами, либо пилястрами (2-й этаж), либо сочетанием трех видов карниза окон, примененных в этой постройке архитектором, – линейный, треугольный, лучковый сандрики.

Характерно для работ Фомичева и стремление к рациональной планировке, организации пространства от интерьера к экстерьеру: так появляются в его построй-

ках уютные, соразмерные человеку вестибюли, взаимосвязанные, хорошо продуманные помещения.

Немногими, но удачно сочетающимися приемами в решении композиции и декоративного убранства здания архитектор сумел добиться редкой выразительности этой небольшой постройки. Даже в обрамлении более поздних соседних зданий, превышающих этот дом по размерам и высоте, он не потерялся; напротив, красочная работа Фомичева смотрится ярким акцентом в ряду сдержанно-сероватых фасадов окружающих зданий.

«Истфак должен знать своих героев», или Из истории одной короткой жизни

С. Н. Полторац

Несколько месяцев назад отмечалось 70-летие исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Накануне празднования в семейном архиве моих петербургских знакомых мне довелось увидеть ряд документов одного из первых студентов-истфаковцев Георгия Михайловича Броунштейна. Судьба этого истфаковца коротка и печальна. В ней, быть может, нет ничего особенного для своего времени, но она достойна внимания и памяти.

О Георгии сейчас известно немного. Он родился 7 апреля 1914 года. Учился сначала в школе на улице Плеханова, а позже – в трудовой школе, что располагалась в доме 32 по проспекту 25 Октября (ныне Невский проспект). В университет он поступил не сразу. Вероятно, несколько лет работал и лишь после того стал студентом-заочником. Скорее всего студентом как тогда говорили, заочного сектора, исторического факультета Георгий стал в 1935 году. Только в 1938 году ему удалось перевестись на очное отделение, о чем свидетельствуют записи в его зачетной книжке. Сама по себе зачетная книжка – документ прелюбопытнейший. Надпись на ее

Георгий Михайлович Броунштейн.
1939 г.

серой обложке сделана тиснением – серебряными буквами. Под словами «Ленинградский государственный университет» в два ряда расположены серебристые полосы, отделяющие их от слов «Зачетная книжка». «Украшательство» из этих полос кажется совершенно нелепым. Но вспомним: в 1938 году был расстрелян А. С. Бубнов, нарком про-

свещения РСФСР в 1929–1937 годах, имя которого еще при его жизни носил Ленинградский университет. Новая зачетка была выдана Г. М. Броунштейну в 1938 году. Вероятно, серебристыми полосками просто уничтожили имя репрессированного государственного деятеля. Тогда еще не было компьютерных технологий, с помощью которых можно было бы легко «снять» любой нежелательный текст.

На обороте обложки зачетной книжки была сделана выписка из какого-то циркуляра. В ней отмечалось, что во всех вузах устанавливались «следующие степени оценок успеваемости студентов (отметки): 1) неудовлетворительно; 2) удовлетворительно; 3) отлично». То есть для «четверок» места не было. Так что в зачетке Г. М. Броунштейна были тройки и пятёрки. Правда, бывший в ту пору еще доцентом будущий известный профессор В. А. Овсянкин в июне 1938 года поставил ему по истории СССР 1914–1925 годов оценку «хорошо». То ли циркуляра не читал, то ли тот циркуляр к моменту выставления оценки уже отменили. Кстати, в 1939 году за спецкурс «История Гражданской войны в

РСФСР-НКП
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЗАЧЕТНАЯ КНИЖКА

Обложка зачетной книжки

Поволжье, Урале и Сибири» доцент В. А. Овсянкин поставил Г. М. Броунштейну «отлично».

Друзья и родные считали Георгия эрудитом и большим талантом. Вероятно, он многого добился бы в жизни, поскольку был целеустремленным человеком с твердым характером. На фотографии, сделанной, скорее всего, в 1939 году, он крайний слева.

Когда Г. М. Броунштейн учился на пятом курсе, началась Советско-финляндская война, и его призвали в действовавшую армию. Он воевал в пулеметной роте где-то севернее Лемболова. Последние письма близкие посылали ему по адресу: Почтовое отделение Парголово, управление КОАУР/а, подразделение Талышева, Литер «Б». В начале 1940 года на несколько дней его отпустили домой в Ленинград. Во время того краткосрочного отпуска Георгий женился. А спустя совсем немного времени, 5 марта 1940 года, Георгий погиб. Это случилось ровно за неделю до окончания войны.

Великая Отечественная заслонила собой многое из той боевой поры. Но трагические судьбы ленинградцев и тысяч других советских людей, погибших «на той войне незначительной», по-прежнему достойны сострадания, памяти и скорби.

У Георгия было много дарований. Он очень увлекался кинематографом и даже мечтал быть кинорежиссером. Как и многие сверстники, увлекался парашютным спортом. А еще он хорошо рисовал. В семейном архиве сохранилась сделанная его рукой «картинная галерея» — дружеские шаржи на однокашников по историческому факультету университета. На обложке тетрадки с шаржами рукой автора было написано: «Истфак должен знать своих героев. С приветом Георгий Броунштейн. 13. IV. 38 г.».

Студенты-истфаковцы. Ленинград, конец 1930-х гг.

Доссель и Латынь

Лукас

Виктор Шварц

Дружеские шаржи

По левому берегу Невы, или Четыре дистанции архитектора Волкова

ЗАМЕТКИ ЭКСКУРСОВОДА

М. М. Фокин

Я предлагаю пройти не по всему левому берегу, а только от Литейного моста до Новоадмиралтейского канала (при этом исключая Адмиралтейскую набережную). Дело в том, что именно этот участок берега в царствование Екатерины – с 1764 по 1788 год – был превращен в роскошную гранитную набережную. Первым путеводителем по городу, описавшим ее, был путеводитель Иоганна-Готлиба Георги. Этот автор интересен тем, что, прежде чем познакомиться с Петербургом, он уже повидал Европу, и ему было с чем сравнивать. Таким образом, его оценки – это оценки человека сведущего. И вот что он писал о набережной: «Сей великолепный берег прочностию, красотою и употребленными на построение оного иждивениями есть единая из наиприимущественнейших достопамятностей и украшений Санкт-Петербурга, и никакой город в Европе не имеет подобного сему украшения».

О том, как проектировалась и строилась эта гранитная набережная, подробно писал Кочедамов в своей книге «Набережные Невы». 29 июля 1762 года архитектор Семен Артемьевич Волков представил план строительства. Сведущий читатель, конечно, не спутает его с архитектором Федором Ивановичем Волковым – автором зданий Морского корпуса, Соляного городка и других. Семен Артемьевич разделил весь берег от Литейного двора до Новоадмиралтейского канала на четыре строительные дистанции. В соответствии с его планом отделка берега гранитом шла постепенно и в 1788 году закончилась у канала. Началось строительство с каменной пристани напротив Зимнего дворца, от-

туда пошло вверх по течению. Вот и нам хорошо было бы вслед за строителями пройти все это расстояние в том же порядке. Но чтобы, дойдя от Зимнего до Литейного, не возвращаться потом назад, мы сразу отправимся в путь от Литейного моста.

Сейчас эта набережная, до Фонтанки, называется набережной Кутузова. По плану С. А. Волкова, это была 3-я строительная дистанция. Названия набережная меняла много раз, и эта тема хорошо отражена в литературе.

Первое название – Гагаринская – напоминает о появившейся еще в петровское время напротив Гагаринской улицы (в советское время – ул. Фурманова) Гагаринской пристани, о том, что долго существовал Гагаринский перевоз отсюда на Петербургский остров. Там сначала были палаты князя М. П. Гагарина, потом – Гагаринский буян.

Перевозы действовали в Петербурге долго, хотя еще в 1727 году появился первый наплавной мост через Неву, а в 1850 году – и первый постоянный. На нашем

пути будет и трасса наплавного Исаакиевского моста, и Благовещенский мост.

Где-то здесь, у Литейного моста, начинался Косой Дементьев канал. Он соединялся с Фонтанкой между д. 6 и д. 8 (там сейчас ул. Оружейника Федорова). Таким образом, от левого берега Невы отсекался треугольник, ограниченный Невой, Фонтанкой и каналом – территория Придворного запасного двора. Тот канал, прорытый в 1719–1720 годах и засыпанный в 1765 году, должен напоминать нам о голландском инженере петровского времени Хармане ван Болесе. Он достоин того, чтобы его помнить, – все (или почти все) мосты в городе при Петре построены по его проектам.

Еще со времен Петра эта часть города была связана с артиллерией. Все знают о Литейном дворе, о разных других заведениях на Литейном проспекте... Во второй половине XIX – начале XX века в д. 2 располагались Окружное артиллерийское управление, начальник артиллерии военного округа, Управление артиллерии гвардейско-

Набережная Кутузова

го корпуса. Само здание в его нынешнем виде появилось в 1851–1853 годах. В нем были офицерские казармы лейб-гвардии Конной артиллерии и 1-й Артиллерийской бригады.

Но набережная, безусловно, знаменита не только военными учреждениями. Соседний д. 4 давно известен как Дом писателей. О том, что когда-то он принадлежал А. Д. Шереметеву, тоже известно широко. Сын Д. Н. Шереметева и внук екатерининского вельможи Н. П. Шереметева – и сам по себе интересная личность. А в 1920-х и 1930-х годах в этом доме располагалось финское кооперативное издательство «Кирья» и редакция финской газеты «Вапаус». Современный вид дом приобрел в 1884 году после перестройки по проекту Тургенева, Пруссакова и Гюгена. Из перечисленных имен только Александр Иванович фон Гюген чем-то знаком читателю.

Поскольку о д. 6 известно многое, подробнее расскажу о д. 8. Его история начала XX века богата и не очень известна. Еще в конце XIX века там размещалась миссия Румынии, которая в 1901 году стала именоваться посольством (а Генеральное консульство Румынии в то время находилось недалеко, на Дворцовой набережной). Так начиналась долгая череда посольств, которые располагались когда-то на левом берегу Невы.

Видимо, уже с образованием партии народной свободы (кадетов) в этом здании расположился их ЦК. «Видимо», потому что в ежегодниках «Весь Петербург» сведений о комитетах партий нет. Мне пришлось руководствоваться мемуарами, автор которых побывал здесь, в ЦК партии кадетов, только в мае 1917 года. Между тем именно с той партией были связаны все те организации, которые действовали в здании накануне и во время мировой войны. Это, во-первых, Всероссийский национальный союз. Его задачи: «Содействие господству русского народа в пределах Российской империи, укреплению сознания русского народного единства и упрочению русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с народными представителями, признание свободы

веры на основе первенства православной церкви». Те же задачи, но в среде студенчества, выполнял Всероссийский национальный студенческий союз.

Известно, что в России давно была популярна идея единения славян. В д. 8 во время войны действовало Галицко-русское благотворительное общество. Оно имело отделения в Москве, Киеве, Одессе, Вильне, Астрахани и других городах. Оно поставило своей задачей содействовать культурному единению галичан, буковинцев и угоруссов с русским народом в России и оказывать им всякого рода материальную и нравственную поддержку. Сходные цели были и у Западно-Русского общества – содействие укреплению русской культуры и развитию духовных и материальных сил русского народа в Западно-Русском крае и изучение его настоящего и прошлого. При обществе действовал (конечно, уже во время мировой войны) Центральный русский комитет по оказанию помощи беженцам.

Д. Мейснер рассказал в своих мемуарах «Миражи и действительность» о собрании в здании учащихся средних учебных заведений, на котором была создана ОУСУЗ (Организация учащихся средних учебных заведений).

Череда посольств продолжалась уже соседним д. 10. В нем с 1892 года располагалось посольство Франции. Именно поэтому в 1902 году Гагаринская набережная стала называться Французской. Кстати, тогда же городская дума обсуждала вопрос о наименовании Каменноостровского проспекта Французским проспектом, но эта идея не прошла. То, что набережная стала Французской, определило и характер ее переименования в 1918 году – в честь французского социалиста Жореса. Набережной Жореса она оставалась до 1945 года.

Председателем Западно-Русского общества (д. 8) был Дмитрий Николаевич Чихачев – сын адмирала Николая Матвеевича Чихачева. Ему с середины 1880-х годов принадлежал д. 12. О том, что в доме жил этот замечательный человек, сыгравший важную роль в истории флота, никакая мемориальная доска не напоминает. Зато есть доска, напоминающая о том,

что с 1934 по 1942 год здесь жил Б. Лавренев. Что ж, он тоже, как мог, прославил флот. В конце XIX века в этом доме располагалось Санкт-Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского казанского университета. Среди членов комитета общества был Яков Алексеевич Веретенников.

В соседнем д. 14 в начале XX века размещалось посольство Японии. В 1920-х годах здание оказалось прочно связано с геодезией и топографией. Здесь разместился Северный полевой округ Высшего геодезического управления ВСНХ, который затем был преобразован в Северное окружное объединение главных горно-топливных и геолого-геодезических управлений ВСНХ СССР, а затем – в Северное областное объединение Главного геодезического комитета ВСНХ СССР. При нем было топографическое училище, преобразованное затем в техникум.

Дом 16 в его нынешнем виде был построен в начале 1860-х годов по проекту Чепьжникова для тогдашней владелицы – почетной гражданки Синябрюховой. В доме тогда поселился архитектор Николай Иванович Матвеев.

7 июня 1905 года Норвегия отделилась от Швеции. Ее посольство разместилось в д. 18. В д. 20 в 1920-х годах располагался техникум сценических искусств, имевший четыре отделения: драматическое, режиссерское, ритмическое, киноотделение.

В соседнем д. 22 в 1920-х годах разместился техникум индустриального земледелия (два отделения – тракторное и сельскохозяйственного машиностроения), который вскоре был преобразован в Польский педагогический техникум с сельскохозяйственным уклоном.

О д. 24 писали многие авторы. И это неудивительно. Владельцами дома были боевой генерал И. И. Меллер-Закомельский, П. В. Мятлев (сенатор, директор Ассигнационного банка, отец знаменитого И. П. Мятлева), П. К. Разумовский, А. Г. Кушелев-Безбородко, М. С. Волконский, А. Г. Елисеев. Я еще перечислил не всех, а только самых значительных. Итак, об истории этого здания в

XVIII и XIX веках сказано много. Я хочу только добавить, что в начале XX века в здании размещалась миссия Швеции и Норвегии, а после Гражданской войны – Петроградский отдел Эстонской контрольно-оптационной комиссии. На политической карте появилась Эстонская Республика, и некоторым жителям Петрограда предстояло разобраться со своим гражданством.

Соседний д. 26 упомянут в знаменитых мемуарах «Пятьдесят лет в строю» А. А. Игнатъева – с 1868 года он принадлежал Марии Ивановне Игнатъевой, жене Павла Николаевича Игнатъева. Автор мемуаров интересно рассказал о роли Павла Николаевича 14 декабря 1825 года. Оказывается, вечером 13-го Павла Николаевича позвала к себе матушка и взяла с него честное слово, что 14-го он будет на стороне Николая. Ну ничего себе, тайное общество! О том, что они затевали, похоже, действительно знал весь Петербург. Павел Николаевич дал матушке слово, и утром 14-го он первый привел своих солдат (а он командовал ротой Преображенского полка) на площадь – за Николая.

Павел Николаевич Игнатъев упомянут не только в мемуарах своего внука. Он был заметной в столице личностью – почетный преобразенец, почетный член Военно-медицинской академии, директор Пажеского корпуса, генерал-губернатор.

Но набережная была названа в 1945 году не в честь него, а в честь того, кто жил поблизости – в д. 30. Хотя, казалось бы, о жизни хозяйина этого дома М. И. Кутузова известно все, в литературе существуют расхождения относительно того, как же он стал хозяином этого дома. Автор известной книги «Кутузов в Петербурге» Мелентьев утверждает, что дом принадлежал И. М. Кутузову (кстати, замечательному военному инженеру, достойному того, чтобы его помнили самого по себе, а не как отца «того самого» полководца). Осенью 1784 года, после его смерти, Михаил Илларионович, разделив наследство отца с братом и сестрой, получил этот дом. А известный петербурговед А. А. Иванов опубликовал относительно недав-

но статью, в которой утверждал, что М. И. Кутузов купил этот дом в 1798 году у Варвары Ивановны Зотовой.

Но, как бы там ни было, М. И. Кутузов жил в этом доме и именно отсюда уехал 11 августа 1812 года в действующую армию. Именно поэтому на фасаде дома в 1912 году появилась мемориальная доска. Вообще 100-летие Отечественной войны отмечалось необыкновенно торжественно. Это особая тема, которую невозможно раскрыть, рассказывая о берегах Невы. В 1962 году было принято решение открыть в этом доме мемориальный музей М. И. Кутузова. Возможно, когда-нибудь это будет сделано. И тогда в доме будет восстановлена домовая церковь архистратига Михаила. Вдова Кутузова устроила ее в 1814 году. В ней был образ Спасителя, который Кутузов всегда брал с собой на войну (а воевал он, как известно, всю жизнь), образ Смоленской Божьей Матери, реликвии 1812 года. Уезжая на войну, М. И. Кутузов дал обет устроить эту церковь. Когда 11 августа 1812 года в 9 утра он сел в карету, набережная была заполнена народом от Гагаринской пристани до Прачечного моста...

Военные подвиги, кстати, всегда вдохновляли поэтов. И война 1812 года немало была отражена в творчестве А. С. Пушкина. Поэтому, наверное, символично, что А. С. Пушкин жил в 1834–1836 годах в соседнем доме 32. Этот адрес хорошо известен пушкинистам, не раз упомянут в различной литературе. Поэтому мы уделим наше внимание последнему дому на набережной.

Это угловой дом – первый по набережной Фонтанки. Здесь могла бы начаться увлекательная прогулка по Фонтанке. Но это другая тема. Итак, д. 36. Он надолго сохранил название «боурский» по первому хозяину Фридриху Виллиму Боуру. Это инженер, который руководил работами по облицовке берегов Фонтанки гранитом. Он купил для себя два начатых строиться дома – один по Фонтанке, другой по Неве, и построил свой огромный дом. Автор проекта этого дома – предположительно Ю. М. Фельтен. Кстати, недостроенный дом по берегу Невы Боур

купил у бригадира Александра Александровича Саблукова. Этот человек интересен читающей публике тем, что его сын Николай, служивший при Павле в лейб-гвардии Конном полку, оставил интересные мемуары, отрывок из которых опубликован в сборник «Цареубийство 11 марта 1801 года». Боур продал свой дом в Дворцовое ведомство. В вышедшем в 1843 году «Путеводителе по Санкт-Петербургу» И. И. Пушкарёв писал о нем так: «В нем живут чиновники придворного ведомства и устроена кладовая камерцалмейстерских вещей». Камерцалмейстерские вещи – это предметы комнатного убранства. У одного из чиновников 2 августа 1865 года родился сын Дмитрий – будущий поэт и писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский. Здесь он провел детство и потом описал этот дом в своих стихах. Правда, у него почему-то получается, что это дом петровского времени, но он поэт, у него свое поэтическое видение действительности.

«Всеобщая адресная книга» за 1867–1868 годы свидетельствует, что здесь жил придворный архитектор Р. И. Кузьмин. Его творений осталось мало, поэтому тем ценнее, что сейчас мы можем видеть одно на противоположном берегу Невы, на Петроградском острове. Это кирпичный футляр над Домиком Петра.

В начале XX века здание принадлежало Министерству двора. В нем располагалось Управление придворно-медицинской части. Там же располагалась медицинская часть штаба гвардейского корпуса. Оставались, как раньше, и квартиры. Из наиболее интересных людей, живших здесь во время Первой мировой войны, я хотел бы назвать художницу Марию Петровну Быкову-Вейнберг (дочь того самого Петра Исаевича Вейнберга) и архитектора Николая Тимофеевича Стуколкина.

Коснувшись некоторых сторон истории «боурского» дома, мы подошли к началу 3-й строительной дистанции. За Прачечным мостом – 2-я дистанция (до Красного канала, которого уж давно нет, значит, чтобы проще сказать, до здания Ленэнерго). Прачечный мост переброшен через Фонтанку. Фон-

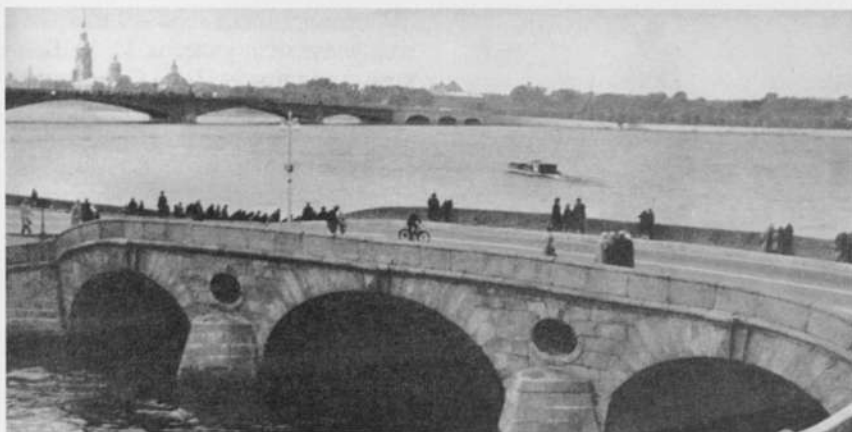
танка – это тоже совершенно особая тема. Здесь я хочу только сказать, что, если мы по привычке называем ее рекой, то, строго говоря, это давно уже канал, а именно – после работ, предпринятых в царствование Екатерины II, когда Фонтанку углубили и облицевали камнем. Интересно, что в то время это было, видимо, яснее, чем сейчас. Во всяком случае в дневнике Ф. де Миранды, гулявшего по Петербургу летом и осенью 1787 года, мы постоянно встречаем упоминание «канала Фонтанки».

Прачечный мост был построен в 1766–1769 годах, однако название это известно (как утверждает вышедшая недавно «Топонимическая энциклопедия») с 1820-х годов. Оно связано с придворным Прачечным домом, который располагался неподалеку (Фонтанка, д. 4). Он переехал туда в конце XVIII века с угла Зимней канавки и Миллионной, то есть первоначально он располагался почти на Дворцовой набережной, почти на нашем маршруте...

За Прачечным мостом начинается Дворцовая набережная. Ее гранитная облицовка включает две строительные дистанции: 2-ю и 1-ю. Нынешняя Дворцовая набережная тоже, как и набережная Кутузова, сменила много названий, и это отражено в литературе. Она стала дворцовой (пусть не по названию еще, но по существу дела) уже при Петре. «К 1725 г., когда Марселиус рисовал свои панорамы Петербурга, нынешняя Дворцовая набережная производила уже чрезвычайно нарядное впечатление», – писал И. Э. Грабарь.

Первый же дом на набережной – д. 2 – связан с такими именами, как И. И. Бецкой и П. Г. Ольденбургский. То, что участок под застройку был отведен И. И. Бецкому, известно точно. А вот кто был архитектором здания? Тут начинается такая разногласия! Авторитетные авторы, которым не верить нельзя, говорят каждый свое. Грабарь говорит, что это был Фельтен (строил этот дворец одновременно со Старым Эрмитажем). Курбатов называет Деламота. Канн – Баженова.

В целом же история этого дома известна достаточно хорошо. Но совсем рядом таится и не столь

Прачечный мост

известная страница истории набережной. Если верить В. О. Михневичу, где-то здесь еще в петровское время должна была появиться конная статуя Петра. В своем путеводителе «Петербург весь на ладони» (СПб., 1874) Михневич писал: «Между почтовым домом и Летним садом, на площадке, царь намеревался воздвигнуть свою собственную статую на коне вышиной в 54 фута. Модели были уже сделаны в 1724 году графом Растрелли». Почтовый дом, как известно, при Петре был на месте Мраморного дворца. Так что, возможно, упомянутая статуя должна была стоять, где теперь стоит памятник Суворову. Этот памятник, кстати, упомянул в своей книге «От Парижа до Астрахани»

А. Дюма-отец. Он побывал в Петербурге, описал его, познакомился со многими замечательными людьми, сам стал героем мемуаров. Советую почитать, как его припечатала в своих мемуарах А. Я. Панаева. Как говорили раньше – строго, но справедливо.

Троицкий мост, которому исполнилось 100 лет, никак не может пожаловаться на недостаток внимания. Поэтому я упомяну только, что Комиссия по постройке постоянного Троицкого моста располагалась недалеко – на Б. Дворянской, д. 9. Занималась она не только вопросами строительства Троицкого моста, но и, попутно, разными мелочами, вроде вопроса о перестройке цепного Пантелеймоновского моста в арочный. Впрочем, это уже ка-

Дом И. И. Бецкого

Памятник А. В. Суворову

сается истории Фонтанки. Касается ее, кстати, и другой вопрос, связанный с постройкой Троицкого моста. Как известно, строила мост французская фирма «Батиньоль». Ее представительство в Петербурге было на Фонтанке, д. 28.

Вернемся, однако, на Дворцовую набережную. Во время блокады мимо памятника Суворову проходил путь из центра города на позиции. Вы спросите, на какие? Город-то был в кольце. Так вот, на позиции у Белоострова – через Кировский мост, по Кировскому проспекту, и т. д. Так что памятник помнит шагавшие мимо него роты.

*Держа в строю
уставное равненье,
Походный отчеканивая шаг,
С утра на фронт
проходит пополненье
Пред гением
стремительных атак.*

Так писал Всеволод Рождественский.

Но мы забегаем немного вперед – ведь мы еще не посмотрели на д. 4, что вплотную к д. 2. Губернское

правление в один день – 9 мая 1784 года выделило участок И. И. Бецкому и рядом – П. А. Соимонову. Дом строился по проекту Д. Кваренги. О нем занятно высказался в своих «Записках» Ф. Ф. Вигель: «Старик Кваренги часто ходил пешком и всяк знал его, ибо он был замечателен по огромной синеватой луковице, которую природа, вместо носа, приклеила к его лицу».

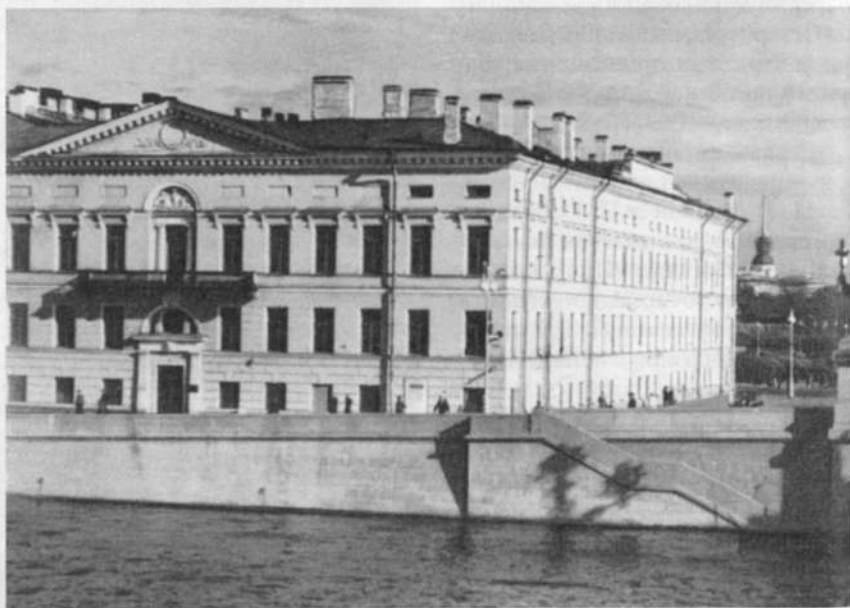
В краеведческую литературу этот дом вошел как «дом Салтыкова» – Н. И. Салтыкову этот дом подарила сама Екатерина. В 1828 году И. Д. Салтыков (так пишет, в частности, П. Я. Канн) сдал дом в аренду посольству Австрии. В нем жил посол Карл Людвиг Фикельмон, его не раз упомянутая и в письмах, и в мемуарах, и в литературе жена Дарья Федоровна и ее мать Елизавета Михайловна – известные всему петербургскому свету Доленька и Голенька. Кстати, Елизавета Михайловна удостоилась в свете имени «Голенька» из-за нескромного декольте. Я видел ее портрет – по нынешним понятиям, ничего особенного. Дарью Федоровну П. А. Вяземский называл «устной газетой политических и светских новостей».

*Зданье Кваренги, мадам Хитрово,
Век девятнадцатый, белая зала...
Время! О, как сохранить нам его
В вальсах безудержных
шумного бала...*

Так писала об очаровании давно ушедших времен Н. Карпова.

Время, действительно, летело. Около полувека (до 1918 года) в нем находилось посольство Великобритании. В конце XIX века располагалось недолго посольство Турции (консульство Турции в то время было рядом – в д. 8, а в 1895 году посольство перебралось туда же).

А в 1920-х годах в здании разместился известный институт. Он сменил много названий. В 1920-е годы, например, это был Ленинградский коммунистический политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской. Его основная задача состояла в подготовке квалифицированного коммуниста (!) – политпросветработника. Факультет был один, с 3-го курса – специализация осуществлялась по трем циклам: школьный, клубный, библиотечный. В 1941–1964 годах он назывался ЛГБИ (Ленинградский государственный библиотечный институт). Не хотелось бы отбивать хлеб у Н. А. Синдаловского, написавшего недавно очень интересную книгу «Мифы и легенды Санкт-Петербурга». Там он подробно пишет о фольклоре, связанном с более поздним названием этого заведения – Институт культуры. И почему-то он не касается фольклора, связанного с названием ЛГБИ. А эту аббревиатуру народное творчество тоже не оставило вниманием. Вот как ее расшифровывали: Ленинградский гитарно-балалаечный институт; Лентяи, Господа Бога Изумляющие и т. д.

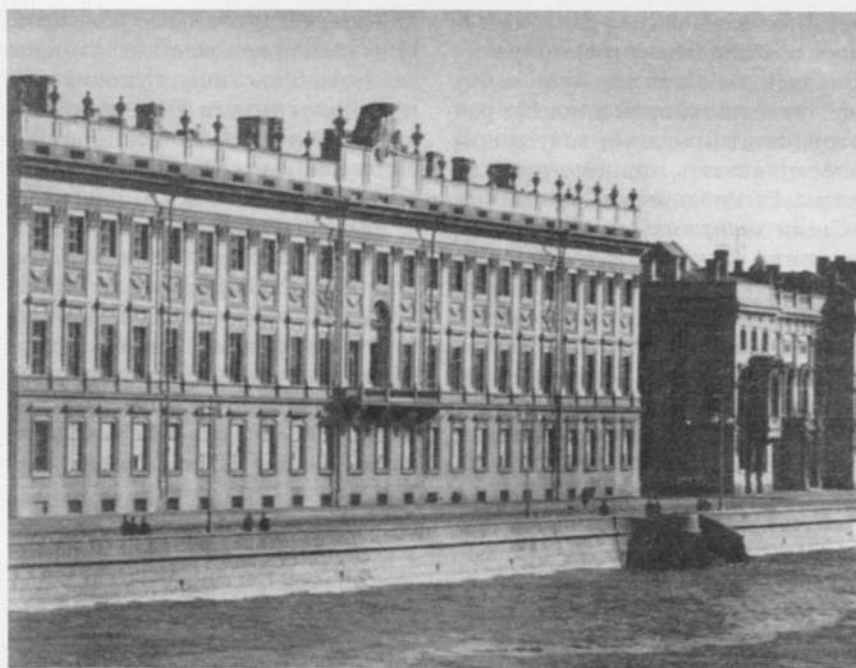

Дом И. Д. Салтыкова

Вот теперь мы перейдем Суворовскую площадь. Напротив дома Салтыкова мы увидим служебный флигель Мраморного дворца, а затем и сам дворец. О них уже столько сказано! Поэтому я не буду говорить ни о Почтовом дворе, который был в петровское время на месте дворца, ни об институте, который открылся в служебном флигеле в 1930 году (о несчастном СЗПИ уж поиронизировали все, кому не лень было).

Служебный флигель дворца был построен в 1780–1788 годах, так что И.-Г. Георги видел его только что построенным. И вот что он написал: «Столь великолепные конюшни, как здешняя, бывают весьма редко». И это когда не было еще знаменитого кладовского фриза, и вообще до перестройки здания было еще очень далеко! О самом дворце очень подробно и очень интересно написал Ф. де Миранда, который видел его в 1787 году, то есть всего через 2 года после окончания постройки. Миранда как наблюдатель ценен тем, что он, как и Георги, человек образованный и повидавший до Петербурга европейские города, так что мог по праву сравнивать. Он подробно описал интерьеры дворца, его убранство – всего этого уж давно нет, уделил внимание и внешнему виду: «Издалека – например, от крепости – это здание поражает красотой пропорций, а когда приближаешься, удивляешься изяществу, простоте и гармоничности отделки». «Наверное, из всех дворцов, виденных мною, для себя я выбрал бы именно этот...» А ведь Миранда, я думаю, повидал немало великолепных дворцов в разных странах Европы. «...Это одно из лучших в мире зданий, заслуживающее внимания любого просвещенного путешественника», – такими словами заканчивает свое описание Мраморного дворца Миранда.

Дворец знал много замечательных людей, которые жили в нем или бывали в гостях. И об этой стороне его истории сказано немало. Скажу немного о размещавшихся там в разные годы учреждения. В конце XIX века здесь находилось Генеральное консульство Монако (посольство Монако было на Английской набережной, в д. 72). Перед большевист-

Северный фасад Мраморного дворца

ким переворотом здесь работал Комитет по сооружению нового Троицкого собора на Петроградской стороне. Председателем комитета был Иоанн Константинович – сын Константина Константиновича, того самого К. Р., о котором так хорошо сказал в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович: «...его талант признавался даже органами печати, враждебными существующему в России строю».

Учреждения, располагавшиеся в здании в советское время, в основном известны. Тем не менее я хочу обратить внимание читателей на некоторые из них. В 1920-х годах во дворце находился уполномоченный Наркомпроса по вузам, рабфакам, научным, научно-художественным и музейным учреждениям Ленинграда. Здесь же было Управление дворцами-музеями, реставрационные мастерские Наркомпроса, Государственная академия истории материальной культуры, Институт археологической технологии. И здесь же – Отдел контроля над вывозом за границу научных и художественных ценностей. «Весь Ленинград» за 1927 год разъясняет, чем этот отдел занимается: «Выдает разрешение на вывоз книг и нот ежедневно, на вывоз художественных ценностей по срд. и сбт. от 1 ч. до 3 ч. после осмотра их комиссией экспертов».

Но в это же время во дворце действовали Общество социологии и теории искусства и Центральное бюро краеведения. Среди функций этого бюро «Весь Ленинград» за 1927 год называет не только идеологическое руководство работой краеведческих организаций, но и научную координацию той работы, и разработку научно-методических вопросов краеведения. Справочник называет и замечательные имена людей, связанных с бюро: председатель – академик С. Ф. Ольденбург, заместитель – Н. Я. Марр, среди членов президиума – В. П. Семенов-Тянь-Шанский, а среди научных сотрудников – Н. П. Анциферов. Тот же «Весь Ленинград» за 1927 год называет по тому же адресу Русское палестинское общество. Это общество было основано еще в 1880-х годах. Оно помогало простым (соответственно, не очень обеспеченным людям) совершать паломничества по Святым местам. Не знаю, как оно умудрялось действовать в 1920-е годы, но то, что еще жива была сама мысль о Святых местах – уже интересно.

Перед дворцом сейчас стоит памятник Александру III работы скульптора Павла Петровича Трубецкого. Конечно, место для памятника выбрано неудачно. Во-первых, он не гармонирует с архитектурой XVIII века, во-вторых, ему

тесно – на площади у Николаевского вокзала он смотрелся лучше. В общем, он здесь случайно и, будем надеяться, временно. Но раз этот памятник здесь, хочу о нем кое-что сказать, точнее, привести слова В. Розанова из его книги «Среди художников»: «В этом памятнике Трубецкой... выразил Россию через 200 лет после Петра... не видя, не зная ее... Это и есть именно наш русский монумент». При этом нужно отметить, что позировал автору, выразившему своей работой эти идеи и эти настроения, не генерал (как когда-то создателю Медного всадника позировал генерал Мелиссино), а самый что ни на есть простой человек – швейцар Государственной думы отставной унтер-офицер Пустов.

За дворцом – Красный канал (которого нет уже давно). Он был вырыт при Петре, соединял Неву и Мойку. Это граница строительных дистанций. Как я уже упоминал, нынешняя Дворцовая набережная охватывает две строительные дистанции – 1-ю (от Зимнего дворца до Красного канала) и 2-ю (от канала до Фонтанки). За каналом – д. 8. Свой нынешний вид он получил после перестройки начала XX века (по проекту И. А. Фомина). Кстати, дальше до самого Новомихайловского дворца пойдут постройки XX века.

Если верить М. И. Пыляеву, при Елизавете Петровне здесь располагалось английское посольство и жил секретарь посольства С. А. Понятовский, и в тот период у него был роман с Екатериной. Турецкое же посольство располагалось здесь вне всякого сомнения – было это не столь давно, и адрес посольства зафиксирован в справочнике «Весь Петербург» – посольство Турции располагалось здесь с 1895 года, до того здесь же располагалось только консульство.

Кроме того, дом интересен своими владельцами – И. Ф. Громов, В. А. Ратьков-Рожнов (он и жил здесь, а по всему городу у него были доходные дома). Но о владельцах домов, как я уже отмечал, написано достаточно. Поэтому и о владельцах следующего дома – д. 10 – я говорить не буду, а скажу об общественной организации, которая располагалась там накануне переворота. Это Императорское рос-

сийское автомобильное общество. Оно находилось под высочайшим покровительством, и почетным президентом его был великий князь Михаил Александрович. Президентом – Владимир Борисович Фредерикс.

Три соседние дома – 12, 14 и 16 сейчас выглядят как один дом. Этот фасад построен после войны. С одной стороны, конечно, жаль, что не стали восстанавливать разрушенные бомбами старые фасады. Но, с другой стороны, архитекторы И. И. Фомин и М. К. Бенуа, как мне кажется, неплохо справились с задачей – вписали новый фасад в старую застройку. Так что даже д. 8, перестроенный в начале XX века для В. А. Ратькова-Рожнова, воспринимается на этой набережной более чужеродным, чем этот более новый фасад.

Дом 12 накануне войны выглядел в соответствии с перестройкой по проекту К. Я. Маевского. Этот архитектор (точнее, гражданский инженер) известен своим домом на Шпалерной (это милое заведение и сейчас используется по первоначальному назначению – там сидят).

В начале XX века в доме расположился Новый клуб. Что это за заведение, я, к сожалению, не знаю, но, видимо, очень фешенебельное – его председателем был Ф. Ф. князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон. Во время Первой мировой войны этот клуб перебрался в соседний д. 14, а в д. 12 открылся лазарет Нового клуба. Во время той войны город был просто набит лазаретами – их открывали и банки, и клубы, и частные лица – даже в императорской резиденции был госпиталь.

Дом 14 был перестроен в начале XX века по проекту Р. Р. Марфельда (известно его здание Библиотеки Академии наук на Васильевском). Он принадлежал тогда Надежде Михайловне Половцевой – той самой, предположительно, внебрачной дочери великого князя Михаила, подброшенной Штиглицу (так что о ней нужно будет вспомнить и на Английской набережной, около дома А. Л. Штиглица, тем более что именно она получила тот дом в наследство) и вышедшей замуж за А. А. Половцева. Перед тем, в середине XIX века, дом перестраивался по проекту Владислава Павловича Львова (архитек-

тор малоизвестный, хотя и автор интересных построек, например, казармы 1-го батальона Преображенского полка на углу Миллионной и Зимней канавки).

О доме 16 известно гораздо больше. Чтобы не пересказывать известное, упомяну только, что в 1899 году дом был куплен для Английского собрания (основанного еще в 1770 году) и в 1904 году перестроен по проекту архитектора Н. Т. Стуколкина. Его мы вспоминали около д. 36 по набережной Кутузова. Он из замечательной, но, увы, не знаменитой семьи Стуколкиных, о которых следовало бы написать книгу. Перейду сразу к соседнему Новомихайловскому дворцу (д. 18).

Впрочем, о здании, где сейчас располагается Институт материальной культуры, тоже известно многое. Я же кое-что дополню. Итак, дворец Михаила Николаевича. В словаре Брокгауза и Ефрона об этом деятеле сказано, что при нем окончательно была усмирена Чечня. Составители словаря не понимали, что окончательного ничего не бывает...

В этом дворце прошла молодость сына Михаила Николаевича Александра Михайловича (автора, кроме всего прочего, очень интересных мемуаров). Здесь он начал собирать библиотеку по истории флота (эта богатейшая библиотека потом сгорела): «Еще в 1882 году я начал коллекционировать книги, имевшие отношение к истории флота, и это мое пристрастие сделалось известным как в России, так и за границей. Крупнейшие книжные магазины Санкт-Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Бостона считали своим долгом помогать мне тратить мои доходы, и тяжелые пакеты приходили ежедневно на мое имя со всех концов мира».

Его отец в то время занимался важными государственными делами. К концу жизни он был членом Государственного совета, почетным вице-президентом Михайловской артиллерийской академии, почетным членом Николаевской академии Генерального штаба, Николаевской инженерной и Военно-медицинской академий, почетным членом Географического общества. Так что неудивитель-

но, что в 1911 году во дворце открылся его мемориальный музей. В нем было собрано более 5 тысяч предметов (где-то они сейчас?!). Были следующие залы: общий зал, зал личной жизни, кабинет, зал последних дней. Музей был открыт по четвергам и воскресеньям с 11 утра до 2 дня. Летом он был закрыт. Хранителем музея был генерал-майор Д. П. Струков. В начале XX века он был начальником Артиллерийского музея. Мы еще встретимся с ним и здесь, и на Английской набережной.

В 1920-х годах во дворце было знаменное отделение Военно-исторического музея. Подробное знакомство с ним станет, вероятно, темой следующей публикации.

Но мы давно не вспоминали о писателях. Поэтому из всех многочисленных владельцев следующего дома (д. 20) я хотел бы вспомнить А. И. Соллогуба, владевшего домом с 1817 по 1827 год. Здесь прошли детские годы писателя В. А. Соллогуба. И он уделил ему внимание в своих воспоминаниях: «Я не могу до сих пор проехать мимо этого дома без сердечного содрогания. Мне все кажется, что он мне улыбается и подмигивает, как будто упрекает, что я ему не кланяюсь». Родился писатель не здесь, а на Фонтанке, в д. 26. Этому дому он тоже уделил внимание, но об этом мы будем говорить, когда пойдем вдоль Фонтанки. А здесь хочется вспомнить еще о том, что, наверное, где-то здесь встретил первый раз герой повести Гаршина «Очень коротенький роман» Машу. Где именно, у автора не указано, сказано просто, что на Дворцовой набережной. По этой набережной он гулял потом, постукивая своей деревяшкой, когда вернулся искалеченный с войны, а Маша тем временем вышла замуж.

О доме 22 вы прочтете много и у Канна, и у Иванова. По Канну, здесь находилось с 1808 года посольство Франции, и сюда Пушкин в день дуэли привез Данзаса к секретарю посольства д'Аршиаку. С этим домом связаны и другие замечательные имена из истории нашей литературы. Но, в общем, это все известно. Менее известно то, что в этом доме с начала XX века заседало Императорское российское пожарное общество. Оно было

основано в 1893 году, занималось созданием пожарных обществ и сельских пожарных дружин. При совете общества имелся музей. Общество выпускало свои периодические издания (редакция иллюстрированного еженедельника «Пожарное дело» находилась рядом – в д. 28, главным редактором был А. Д. Львов). Он же был и председателем совета общества. Почетным председателем был великий князь Владимир Александрович (его дворец был неподалеку – д. 26). Почетными членами – С. Ю. Витте, А. Д. Шереметев, П. Ю. Сюзор, только что упомянутый Д. П. Струков и другие. А. Д. Львов был председателем и размещавшегося здесь же Общества Голубого Креста (Все-российского общества взаимопомощи пожарных деятелей). В 1920-х и 1930-х годах в этом здании размещалось датское генеральное консульство.

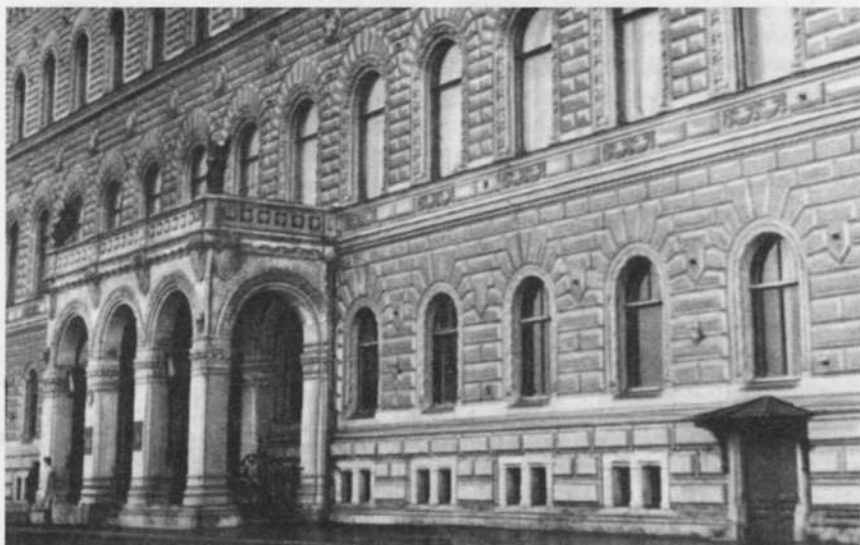
В соседнем доме 24 в конце XIX и начале XX века размещалось посольство Бельгии, в годы мировой войны – Королевская миссия Греции, а в более поздние времена (как сообщает «Весь Петроград» за 1922 год) – Высшая латышская партшкола. 22 июля 1922 года Латышская, Финская и Эстонская совпартшкола были реорганизованы в Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского. Находилось это заведение по адресу: ул. Ракова, 17.

Дворец великого князя Владимира Александровича (д. 26), ко-

нечно, тоже не мог быть обойден вниманием петербурговедов. Я хотел бы обратить внимание на то, что личность хозяина дворца противоречива и непроста для оценки. Великий князь Александр Михайлович, давший в своих мемуарах характеристики всем членам царской семьи (при этом не всегда лестные), писал о нем так: «...обладал несомненным художественным талантом. Он рисовал, интересовался балетом и первый финансировал заграничные балетные турне С. Дягилева. Собирал старинные иконы... Будучи по натуре очень добрым, он, по причине некоторой экстравагантности характера, мог произвести впечатление человека недоступного». Эта противоречивость, по-моему, прекрасно отражается в том, какие он занимал должности. Шутка ли сказать – быть одновременно президентом Академии художеств и начальником столичного военного округа! Многие считают, что, как начальник военного округа, именно он виноват в трагедии 9 января 1905 года. (Государя в тот день вообще не было в Петербурге.) Не потому ли набережную, где находится его дворец, в 1923 году называли набережной 9-го Января?

Интересно вспомнить и то, что картину «Бурлаки» И. Е. Репин написал именно по его заказу, и до революции она висела в этом дворце, в биллиардной. Впрочем, об этом хорошо сказано у П. Я. Канна.

В общем, даже если не вспоминать все версии (по-простому го-

Дворец великого князя Владимира Александровича, ныне Дом ученых

вора, сплетни), бытующие вокруг его имени, приходится признать, что непросто для оценки человеком быт хозяин дворца.

Соседний дом 28 интересен, по-моему, тем, что с конца XIX века там размещалась миссия С-АСШ и одновременно генеральное консульство Румынии. «Весь Петербург» пишет именно так: С-АСШ – то есть Северо-Американские Соединенные Штаты. В те годы не называли в обиходе это государство, одно из многих государств на Американском континенте, просто Америкой, не говорили «Америка и Канада».

Что касается генерального консульства Румынии, любопытно то, кто был генеральным консулом. А был им Лазарь Яковлевич Поляков. Видимо, обязанности консула не мешали ему заниматься основными делами, зато быть консулом было почетно и приятно.

Дом 30 связан в первую очередь с именами Воронцовых и Воронцовых-Дашковых. Уже упомянутый мною В. А. Соллогуб вспоминал великолепные балы у них: «Каждую зиму Воронцовы давали бал, который двор удостоивал своим посещением. Весь цвет петербургского света приглашался на этот бал, составлявший всегда, так сказать, происшествие светской жизни столицы». Впрочем, некоторые исследователи полагают, что эти знаменитые балы происходили в другом дворце, принадлежавшем Воронцовым-Дашковым, на Английской набережной, д. 10.

Не очень известно, что дворцом некоторое время владел великий князь Алексей Александрович. Все привыкли к его более поздней резиденции – дворцу на Мойке, великолепному произведению М. Е. Месмахера. В 1920-х годах здесь размещался Петроглавмузей. Его реставрационным отделом заведовал Л. А. Ильин.

Эрмитажный театр (д. 32). Что ж, попробую что-нибудь сказать и о нем. Начну с «Путевых заметок...» Карла Рейнгольда Берка (отрывок из них приведен в сборнике Ю. Беспятых «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях»). Он писал о старом Зимнем дворце, что был на этом месте: «Архитектурные украшения есть только на фасаде, выходящем на Неву, да и они не

особенно дорогие. Колонны кирпичные, а скульптуры под окнами и статуи и морской наградной венком... вверху на фасаде – все это деревянное». Эти заметки относятся к 1735 году, значит, речь в них идет о дворце, построенном в 1725–1727 годах по проекту Д. Трезини. При Анне Иоанновне в нем уже были квартиры итальянских комедиантов. При Елизавете Петровне во дворце недолго размещался основанный в 1759 году Пажеский корпус. Пажи и учились, и несли придворную службу. Учились они, однако, уже тогда основательно. В списке предметов – геометрия, тригонометрия, языки, философия, история, артиллерия, фортификация, геральдика, придворный церемониал. Корпус сменил несколько адресов, но большая часть его истории прошла, как известно, на Садовой улице, во дворце графа Воронцова. Георги отмечал, что в старом Зимнем дворце был лейб-компанский дом и придворный театр. Первое упоминание о нынешнем Эрмитажном театре я нашел все у того же Ф. де Миранды. В 1787 году здание было построено, и в том же году Миранда его посетил. Он отметил, что театр своей формой напоминает тот, что построил Палладио в Виченце. Вопрос о влиянии Палладио на архитектуру Петербурга вообще очень объемный. Им достаточно занимались специалисты. Я отмечу только, что если горячие поклонники Палладио были среди русских архитекторов (самый яркий пример – Н. А. Львов), то итальянцу Кваренги быть поклонником Палладио тем более естественно.

Я хочу отметить одно общество, правление которого заседало в этом здании в начале XX века. Это Императорское российское общество садоводства. Его основал в 1858 году профессор Э. Л. Регель. Об этом человеке и об обществе написала немного в 2001 году Н. Н. Веснина в статье, посвященной Александровскому саду, в журнале «Жизнь и безопасность». Она упомянула Э. Л. Регеля только потому, что он в 1872 году сделал проект сада. Может быть, следовало остановиться и на том, что именно он сделал проект Екатерининского сквера перед Александринским театром. Но сейчас нас интересует другое. В 1855 году Ре-

гель был приглашен на должность директора Императорского ботанического сада. Основав в 1858 году общество, он стал его вице-президентом. Президентом был великий князь Николай Николаевич-старший, потом – С. А. Грейг.

Как сказано об этом обществе в ежегоднике «Весь Петербург» за 1906 год, оно «имеет целью служить развитию отечественного садоводства, плодородства и огородничества и возбуждать интерес к занятию этого рода отраслями хозяйства. Разделяется на отделения: 1) садоводства, 2) плодородства, 3) огородничества и 4) комнатных культурных растений». Кстати, в то же время при Сельскохозяйственном музее в Соляном городке (Фонтанка, 10) действовало Общество любителей комнатных растений и аквариумов, задачи которого, видимо, пересекались с задачами последнего упомянутого отдела Общества садоводства. Сам Сельскохозяйственный музей был основан в 1859 году и находился первоначально, кстати, в Экзерциргаузе Зимнего дворца. Почетным президентом общества с 1898 года была Елизавета Федоровна (та самая «тетя Элла», о которой так тепло написал в своих мемуарах Александр Михайлович). В том же году членом общества стал Арнольд Эдуардович Регель – сын профессора Э. Л. Регеля.

Деятельность общества заслуживает детального анализа, который возможен лишь в специальной работе. Мы же двинемся дальше, через Зимнюю канавку. Она тоже хорошо описана. Я лишь напомним, что она была прорыта при Петре, как и Косой Дементьев, и Красный канал, но ей повезло сохраниться до наших дней. На противоположном берегу ее – д. 34, то есть Большой, или Старый, Эрмитаж. Вдоль канала – лоджии Рафаэля. Если верить И. Э. Грабарю, организовать их создание было поручено И. И. Винкельману, а если верить В. Ф. Левинсон-Лессингу – то И. Ф. Рейфенштейну. Первым дал их описание (вернее, упоминание о них в своих записках) опять-таки Ф. де Миранда, видевший их в 1787 году: «...прошли на галерею, где располагаются копии ватиканских Лоджий Рафаэля, и будь они сделаны немного искуснее, они затмили бы подлинные».

Я вспоминаю слова знаменитой «Ленинградской песни» А. М. Городницкого:

*На Невском рекламы кино,
А в Зимнем по-прежнему Винчи.*

Дело в том, что обе картины Леонардо да Винчи, которыми располагает Эрмитаж, находятся не в Зимнем, а здесь, в Старом Эрмитаже. Но это опять же поэтическое видение – А. М. Городницкий писал не путеводитель.

О Малом Эрмитаже (д. 36) сказать, пожалуй, нечего – все уже сказано. Можно лишь добавить, что Ф. де Миранда в своих записках уделил внимание и ему. Он отметил, что все стены его увешаны картинами – 3 или 4 тысячи полотен: фламандские, голландские, испанские, меньше итальянских. Поразил его воображение и зимний сад. Он отметил, что там были птицы из Азии и Америки.

Уже перед Великой Отечественной войной здание принадлежало Государственному Эрмитажу.

А вот Зимний дворец (д. 38) целиком стал принадлежать Эрмитажу только в 1945 году. До того там что только не располагалось (хотя с 1922 года этому музею принадлежала большая часть здания). Я хочу отметить лишь отдельные штрихи к его портрету.

Как пишут многие авторы, в 1718–1725 годах на месте нынешнего Зимнего дворца были построены дома Крюйса, Рагузинского, Апраксина и Кикина. Дом Ф. М. Апраксина особенно удостоился внимания современников-иностранцев, побывавших в городе. Ф.-В. Берхгольд писал о нем: «...лучший и самый роскошный во всем городе». Карл-Рейнгольд Берк высказался определеннее: «...большой и по петербургским понятиям красивый дом». Речь

шла, конечно, о доме, построенном в 1716 (или 1717) году по проекту Леблона. До этого были дома, построенные по проекту Д. Трезини. Бездетный Ф. М. Апраксин в 1728 году завещал свой дом Петру II, и на основе этого дома и строился дворец для Анны Иоанновны. Об этом дворце Джон Кук сказал: «Это, вероятно, одно из прекраснейших зданий в Европе».

Когда в 1732 году начали строить Зимний дворец Анны Иоанновны, из соседнего дома Кикина выселили Морскую академию, которая размещалась там с 1718 года. Академия переехала на Васильевский остров, где под разными названиями существовала почти все время и существует по сей день.

История Зимнего дворца изложена у разных авторов хорошо и подробно. Не забыты и балы (сколько мемуаристов писали о них), и история электрического освещения дворца. Я, как всегда, расскажу немного о размещавшихся здесь учреждениях, причем о тех, которые были здесь в 1920–1930-х годах.

Итак, в 1918 году дворец переименовали в Дворец искусств. До 1922 года в нем размещались приемный пункт для военнопленных старой армии, общежитие детской колонии дошкольного возраста, штаб по устройству массовых торжеств и другие учреждения. В 1919 году во дворце находился Музей революции. Председателем ученого совета музея был Г. Е. Зиновьев. В ученый совет входили Горький, Луначарский, В. Фигнер. Это было очень интересное учреждение, совершенно не похожее на то, что открылось в 1957 году в особняке М. Ф. Кшесинской. Он был посвящен не одной лишь Великой Октябрьской социалистической ре-

волюции, а мировому революционному движению в целом. Он включал такие экспозиции: революционная борьба в царской России, каторга и ссылка, МОПР, социалистическое строительство в СССР, революции в Европе и другие. Был газетный отдел, был листовочный фонд. Музей революции в Зимнем был закрыт в мае 1941 года. После 1953 года он открылся в Петропавловской крепости, и только потом – в особняке Кшесинской. В 1932 году здесь открылся другой весьма любопытный музей – музей Ленинского комсомола. Однако часть дворца принадлежала и Государственному Эрмитажу. А когда он стал принадлежать этому музею весь, началась совсем другая его жизнь.

Зимний дворец был последним зданием на Дворцовой набережной. Адмиралтейской набережной мы касаться не будем, так как ее при Екатерине не было и С. А. Волков не учитывал это расстояние, когда делил левый берег на строительные дистанции. Здесь, как известно, сквозного проезда по берегу не было. Лучшие архитекторы думали о том, как все-таки связать Дворцовую набережную с Сенатской площадью и Английской набережной. Так, Карл Иванович Росси предлагал построить эстакаду, чтобы устроить проезд над нынешней Адмиралтейской набережной, чтобы проезжающие не мешали спуску на воду кораблей, которые строились на Адмиралтейской верфи. Проект, конечно, был грандиозен. Росси писал: «Размеры предлагаемого мною проекта превосходят те, которые римляне считали достаточными для своих памятников. Неужели побоимся мы сравниться с ними в великолепии?»

Окончание следует

Архитектурная прогулка по Кронштадту

Н. П. Лебедева

Архитектурную прогулку по Кронштадту мы начинаем с самой старой из сохранившихся до наших времен кронштадтских улиц, она идет вдоль южных границ города и сегодня называется Макаровской, в начале XVIII века она именовалась Дворцовой.

В этой части острова уже с 1704 года стали возникать городские постройки: казармы, склады, дома для вельмож, моряков и других пока еще малочисленных жителей. Все строения первых лет были деревянными или мазанковыми. Рубленным из дерева был и дом для царя Петра, он почти полностью повторял тот, что был построен на берегу Невы, недалеко от Петропавловской крепости¹. Лес был вокруг, и русские плотники лучше всего умели строить бревенчатые избы. По обычаю дома строились не на улицу в линию, а отступая в просторный двор. Но не такой представлял себе новую столицу России Петр I. Путешествуя, он видел европейские города, застроенные кирпичными, с высокими черепичными крышами домами, стоявшими вдоль улиц тесно прижавшись друг к другу.

В 1712 году появился первый проектный план новой российской столицы. В отличие от хаотичной застройки всех европейских городов, возникших в эпоху Средневековья, Петр I решил возводить новый город по единому плану. Такой подход был необычен и осуществлялся впервые в русской истории. И этот первый план предполагал строительство парадного центра новой столицы на острове Котлин². План был подкреплен указом Петра о выделении из учрежденных в 1708 году губерний 3000 человек для «строения на Котлине острове фортеции и жилья»³.

В том же 1712 году на острове начал работать кирпичный завод, его продукция использовалась для строительства оборонительных сооружений, а позднее и для камен-

Памятник Петру I.
Скульптор П. П. Жако.
Фото А. Рязанцева

ных жилых домов, получивших название губернских⁴. Их сооружение диктовалось указом Петра от 10 марта 1714 года, предписывавшим всем губернаторам России подготовить и с 1715 года начать это строительство⁵. Еще до того, как город на острове Котлине стал называться Кронштадтом, было построено более двадцати каменных домов, которые составили первый в России крупный городской ансамбль. В дальнейшем мысль о столице на острове в 25 верстах

от устья Невы была оставлена из-за большой уязвимости острова, но строительство продолжалось.

В Государственном Эрмитаже хранится рисунок Иоганна Браунштейна, сделанный около 1722 года. Он изображает город в том виде, в каком его предполагалось строить по тому плану. Не все, что изображено на рисунке, было осуществлено, но мы узнаем канал, вдающийся далеко в гавань между двумя широкими дамбами, два симметричных пруда – знакомый нам Итальянский и второй на месте Петровского парка. В 1720–1722 годах здесь был построен кирпичный трехэтажный дворец Петра I. Известно, что в 1752 году императрица Елизавета Петровна давала в нем банкет по случаю открытия Петровского дока. В 1788 году дворец сгорел, пруд перед ним был засыпан⁶.

На рисунке видны губернские дома, построенные «скобой» около канала вплотную друг к другу так, чтобы одна стена была общая. Наблюдал за строительством архитектор И. Браунштейн. Можно предположить, что он был автором проекта и, изобразив на рисунке уже строящиеся дома, дополнил картину соответственно проекту.

К сожалению, рисунок, показывая общий план построек, не передает архитектурный облик тех зданий. Известно лишь, как выглядел дворец первого губернатора

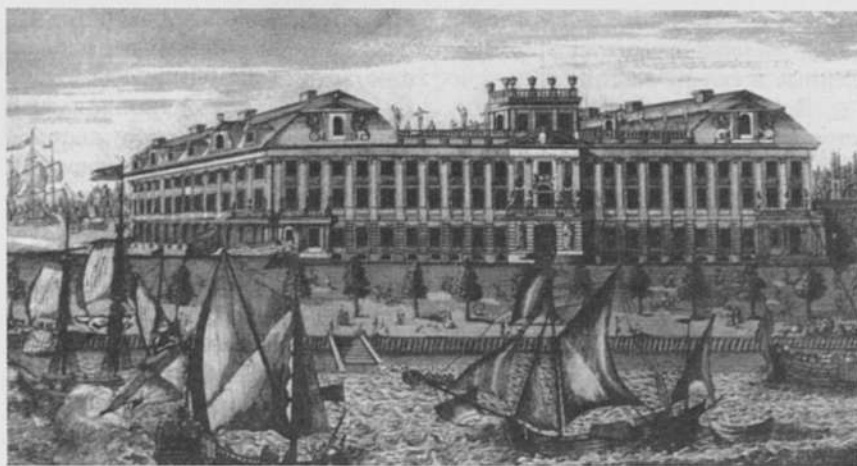
Проект Кронштадтской гавани с маяком Н. Микетти и И. Браунштейна.
Рис. И. Браунштейна. 1722 г.

Санкт-Петербурга А. Д. Меншикова. Он руководил строительством домов от Петербургской губернии и два дома распорядился строить для себя по особому проекту. В собрании Библиотеки Академии наук хранится гравюра голландского художника Оттомара Эллигера «Вид дворца А. Д. Меншикова в Кронштадте». Созданная в 1727 году, она дает исчерпывающее представление и позволяет судить о том, что этот дворец был самым большим и красивым из всех российских построек первой четверти XVIII века. Он намного превосходил дворец Меншикова на Васильевском острове⁷.

Старинное здание, в котором сейчас размещается Кронштадтский матросский клуб, мало чем напоминает роскошный Итальянский дворец всеильного князя А. Д. Меншикова, оно претерпело многочисленные перестройки.

Точно не известно, как выглядели другие губернские дома первоначально. В течение XVIII века они неоднократно ремонтировались, в первой четверти XIX века с них были сбиты архитектурные детали, заложены галереи первого этажа, в которых располагались лавки. Вместе с дворцом Петра I они образовали парадную набережную будущего города и, несомненно, несли черты архитектурного стиля, зародившегося в Петербурге и получившего название Петровское барокко.

На формирование этого стиля оказали влияние различные европейские архитектурные школы. Для решения грандиозных градостроительных задач Петр I выписывал из-за границы все новых и новых искусных строителей. Работавшие в России иностранные архитекторы трудились в специфических русских условиях, они подчинялись диктату строительных ведомств и нередко выполняли распоряжения самого Петра. Кроме того, они попадали под воздействие памятников русской архитектуры. В петровское время первоочередное внимание уделялось строительству не дворцовых и храмовых зданий, а общественных и жилых построек. Недостаток материалов и необходимость вести строительство быстрыми темпами, нехватка мастеров и рабочих огра-

О. Эллигер. Итальянский дворец в Кронштадте. 1727 г.

ничивали практические возможности. В отличие от западноевропейской архитектуры фасады зданий облицовывались не кирпичом, а штукатуркой с гипсовыми деталями, что позволяло применять окраску. Фасады окрашивались в два цвета: основное поле – охра, красно-брусничный, голубой, на этом ярком фоне, традиционном для русского зодчества, выступали белые пилястры, тяги, лопатки, наличники окон, швы руста. Типичным памятником архитектуры петровского барокко, хорошо сохранившим декоративные черты стиля до нашего времени, является здание Двенадцати коллегий на Васильевском острове, построенное в 1722–1742 годах. Оно может служить аналогией кронштадтским губернским домам. Со временем вид здания Двенадцати коллегий не слишком изменился, оно сохранило и яркую окраску, и декоративные детали стиля. Губернским домам повезло гораздо меньше, про них известно лишь, что они строились «с украшением»⁸. Почти единственная сохранившаяся на фасаде декоративная деталь – пилястры – плоские прямоугольные выступы стены в виде колонны с капителью и базой.

В январе 1725 года умер император Петр I. Он оставил Россию обновленной, с обращенной к Европе столицей, создававшейся с великими жертвами в ходе войны и в борьбе со стихией. Так случилось, что в XVIII веке после смерти Петра российский трон, если не считать небольших перерывов, занимали женщины-императрицы. Они обжили и украшали град Петров, пре-

вращали суровый город в столицу, блиставшую золотом дворцов и великолепием храмов.

В середине XVIII века стиль барокко получил в России новое развитие. В Петербурге и пригородных резиденциях строились нарядные здания, украшенные скульптурой, яркая окраска фасадов дополнялась золочением, парадные лестницы вели в светлые, сверкавшие золотом и зеркалами анфилады комнат. Архитектура того стиля призывала радоваться жизни, прославляла Россию, ставшую сильной европейской державой.

Нельзя сказать, что государыни-императрицы Анна Иоанновна и Елизавета Петровна совсем не обращали внимания на Кронштадт, но роскошных дворцов и храмов здесь не строили, поэтому в Кронштадте нет ни одного здания в стиле русского развитого барокко.

Высокое строительное искусство во все времена зависело от заказчиков, от власть имущих. В России каждое царствование совпадало с периодом господства вполне определенного художественного стиля. В начале 1760-х годов эстетические вкусы общества изменились. В то время на престол взошла императрица Екатерина II, которая предпочитала роскоши благородную простоту, в России стали распространяться идеи французского Просвещения и идеалы античности. Новые прогрессивные идеи в области социальной и культурной жизни общества нашли выражение в архитектуре. На смену пышному и яркому барокко пришел строгий и величественный классицизм. Появились

новые типы зданий – торговые ряды, учебные заведения, промышленные и складские строения.

В 1780-х годах интенсивное строительство началось и в Кронштадте, оно было связано с планом перевода сюда Адмиралтейства. Этот план сыграл решающую роль в дальнейшем развитии города.

По выражению А. С. Пушкина, «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль – при стуке топора и при громе пушек»⁹. Новая столица страны, выраставшая на отвесных берегах Балтики, должна была стать центром российского кораблестроения, мореплавания и торговли. Важная роль в этом была отведена Кронштадту.

Первое торговое судно пришло в Петербург из Голландии в 1703 году, его команду щедро одарил сам Петр I. Внешняя торговля приносила стране огромные доходы, Петербургский порт развивался и не раз перемещался на разные участки Невы и ее рукавов, почти все реки и каналы Невской дельты так или иначе имели отношение к порту, на разных участках их берегов строились причалы, размещались разные склады.

По реке из отдаленных районов страны везли продовольствие для столичного города и товары для продажи за границу – пеньку, лен, кожи, строевой лес, парусину. По морю иностранные купцы доставляли из Европы шерстяные и шелковые ткани, краски, кофе, вина, пряности, стекло и прочие товары для знати.

Вход с моря в Неву был сложен, а для крупных судов из-за мелководья Невской губы вообще невозможен, потому значительная часть морских судов останавливалась в Купеческой гавани, построенной на острове Котлине. Кронштадт не считался отдельным торговым портом, но Купеческая гавань из года в год наращивала свой грузооборот. На стенках гавани уже к 1720 году были построены здания таможи, Биржевого двора, пакгаузы для хранения товаров, голландская кухня, где столовались моряки торговых судов, нередко зимовавших в Кронштадте. С окончанием строительства кронштадтских гаваней в них стали приходить на зимовку и военные корабли. С самого начала «сто-

яния» флота здесь стали проводить ремонтные работы, строить небольшие суда, а в 1719 году по замыслу Петра I началось строительство грандиозного гидросооружения – системы сухих доков для ремонта кораблей. Полностью этот план не был осуществлен, так как после смерти царя работы прекратились.

Возобновились они в 1734 году под руководством военного инженера И. Л. Любераса. По его предложению был пересмотрен и сокращен проект сооружений, и в 1752 году строительство благополучно завершилось торжественным открытием дока-канала, получившего имя Петра Великого. В то время в Европе не было ни одного сооружения, равного ему, и с началом работы дока Кронштадт стал главной российской судоремонтной базой на Балтике¹⁰.

Петр I открывал своей стране дорогу к морю, для того чтобы Россия вошла в ряд самых сильных морских держав того времени, а для этого необходимо было строительство нового флота. Первая судостроительная верфь в Петербурге была заложена в 1704 году на левом берегу Невы, почти напротив Петропавловской крепости. Она получила название Адмиралтейство, что означает место постройки, оснащения и ремонта военных судов, включающее в себя склады, мастерские, верфи. Со ступеней петербургского Адмиралтейства только в петровское время было спущено около 40 кораблей. Первоначально адмиралтейская верфь состояла из деревянных и мазанковых зданий, расположенных «покоем» – в форме буквы «П», открытой в сторону Большой Невы. В построенной в центре башне со шпилем размещалась Адмиралтейств-коллегия – высший орган управления флотом.

К востоку от Адмиралтейства вдоль Невы выстроились палаты знатных людей и царский Зимний дворец. С другой стороны поселились моряки и корабельные мастера, служившие в Адмиралтействе. Еще в начале строительства верфи от нее были проложены дороги, по которым везли строительные материалы из глубины страны. Главным въездом в город стала одна из дорог, идущих от Адмиралтейства до Новгородского тракта. Она получила название Большой перш-

пективной дороги и еще при жизни Петра была вымощена камнем. Въезжавшему в Петербург уже с большого расстояния был виден «прекрасный и довольно высокий шпиль, который выходит прямо против проспекта»¹¹.

В 1732 году императрица Анна Иоанновна приказала: «Адмиралтейскую башню, на которой шпиль, за ветхостью ныне немедленно разобрать и для прочности сделать вновь всю каменную и шпиль поставить»¹². Работа была поручена И. К. Коробову, талантливому русскому архитектору и инженеру. По его проекту была построена башня со шпилем высотой 72 метра, шпиль обили «медными в огне позолоченными листами»¹³, на его вершине поместили вызолоченный корабль. Адмиралтейство стало архитектурным центром строившегося города, оставаясь при этом пожароопасным производством.

Пожары в Адмиралтейской части города случались почти каждую неделю, не случайно первая пожарная команда в Петербурге была создана в 1722 году из рабочих Адмиралтейства¹⁴. 13 мая 1783 года загорелся склад леса, запасенного для постройки кораблей, пожар чуть не перекинулся на стоявший рядом Зимний дворец. Встревоженная этим императрица Екатерина II уже 28 мая подписала указ о переводе Адмиралтейства в Кронштадт. Комиссия, в которую входили члены Адмиралтейств-коллегии, в том числе и Главный командир Кронштадтского порта адмирал С. К. Грейг, осмотрела остров и избрала местом размещения адмиралтейских зданий территорию вокруг дока-канала¹⁵.

По плану, «сочиненному адмиралом Грейгом», Адмиралтейство должно было занять весь центр Кронштадта и отделиться от остальной территории города Обводным каналом. С внешней стороны канал предполагалось оградить металлической оградой с фонарями, а вокруг оставить широкую и чистую улицу¹⁶.

Непосредственным исполнителем плана стал архитектор М. Н. Ветошников, он составлял детальные проекты и руководил строительством.

Самой первой постройкой кронштадтского Адмиралтейства

стал Канатный двор. Канатный, или Прядильный, двор, «где канаты вертят» для военно-морского флота, был перенесен из Москвы в Петербург по указу Петра I в 1718 году и находился там, где ныне проходит нечетная сторона Конногвардейского бульвара¹⁷. Пожар 1783 года почти полностью уничтожил его строения. Новое двухэтажное здание канатного завода со смольней и пеньковым сараем было построено в Кронштадте в 1786 году к востоку от Петровского дока на стенке строившегося Обводного канала. Кронштадтский канатный завод считался в свое время одним из лучших не только в России, но и за границей¹⁸.

Рядом находилось еще одно предприятие – сухарный завод. Здание для него строилось по проекту архитектора В. И. Баженова, который после смерти М. И. Ветошников стал главным архитектором Адмиралтейства. В. И. Баженов представил также очень обстоятельные чертежи усовершенствованных им хлебопекарных печей. В одноэтажном здании завода, построенном в 1797 году, размещалось 30 печей, в которых изготавливалось по 700 килограммов в сутки отличных сухарей, они заменяли морякам хлеб в долгих плаваниях и боевых походах¹⁹.

Между бассейном Петровского дока и центральной частью Обводного канала разместились четыре здания парусных мастерских. Три корпуса мастерских строились в 1787–1798 годах, четвертый – в 1802–1806 годах, когда главным архитектором Адмиралтейства стал Ч. Камерон. Позднее это здание было перестроено под артиллерийские офицерские классы.

За Якорной площадью вдоль центральной части канала стояли здания провиантских и адмиралтейских магазинов (складов), за поворотом канала на западной его части, обращенные торцом к каналу здания угольного и лесного сараев. Строевой лес из глубинных районов России везли в Петербург и Кронштадт для продажи за границу, уголь со второй половины XIX века стал главным импортным товаром, проходившим через Купеческую гавань, в нем остро нуждались оснащавшиеся паровыми машинами петербургские промышлен-

ленные предприятия. Ближе к Купеческой гавани, с которой соединяется западный рукав Обводного канала, построили еще два здания адмиралтейских магазинов. Обводный канал строился с 1785 по 1827 годы, в процессе его строительства он облицовывался камнем и с городской его стороны устанавливалась высокая железная ограда с чугунными колоннами. По проекту адмирала Грейга «глубину онный ров полагается быть от 8 до 9 футов ниже ординарной воды, дабы всякое судно, которое через Петербургский фарватер пройдет, могло бы и в онный войти». Несколько мостов, переброшенных через канал, были разводными.

Здания Адмиралтейства, построенные в самом центре Кронштадта, аскетичны, строги и даже угрюмы. Это соответствует их сугубо утилитарному назначению. О В. И. Баженове, Ч. Камероне, принимавших участие в их проектировании и строительстве, написаны книги, в Петербурге по их проектам строились дворцы, храмы, величественные общественные здания, в Кронштадте же им следовало пуще всего беречь казенные деньги, а художественные качества таких построек адмиралтейских чиновников интересовали мало.

Одновременно с производственными зданиями «позади Адмиралтейства к нордовой стороне» был построен жилой комплекс офицерских и служительских флигелей, который спроектировал архитектор Ветошников, руководствуясь требованиями Адмиралтейств-коллегии, «чтоб для сокра-

щения излишних издержек уважена была единственно прочность таковых строений»²⁰.

Военный городок был распланирован со строгой геометрической точностью: дома для штаб- и обер-офицеров параллельно Обводному каналу, за ними улица, перпендикулярно которой служительские флигели для унтер-офицеров и рядовых.

В строительство и перестройку тех зданий внесли свой вклад сменявшие друг друга на посту главного архитектора Адмиралтейства В. Баженов, Ч. Камерон, А. Захаров.

В 1840-х годах офицерские дома по распоряжению императора Николая I были перестроены и обрели новые фасады, обращенные к улице, шедшей вдоль канала и получившей название Большая Екатерининская (с 1918 года – Советская). В 1848 году она украсилась бульваром и стала одним из любимых мест прогулок кронштадтцев²¹.

В 1856–1858 годах по инициативе великого князя Константина, брата Николая I и руководителя Морского управления, был перестроен один из офицерских флигелей для Кронштадтского морского собрания и Морской библиотеки²² (сейчас в этом здании находится Кронштадтский дом офицеров). В дальнейшем комплекс офицерских домов мало изменился и в основном сохранил облик и характер строений последней четверти XVIII века. Он отличается благородной строгостью, четким ритмом. Архитектуру называют застывшей музыкой. В этой части улицы Советской слышатся звуки военного марша.

¹ Розадеев Б. А. и др. Кронштадт: Архит. очерк. Л., 1977. С. 11.

² Там же. С. 15.

³ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 34.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Розадеев Б. А. и др. Указ. соч. С. 19.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Канн П. Я. Площадь Труда. Л., 1981. С. 13.

¹⁰ Розадеев Б. А. и др. Указ. соч. С. 33.

¹¹ Чеснокова А. Н. Невский проспект. Л., 1985. С. 6.

¹² Сашонко В. Н. Адмиралтейство. Л., 1973. С. 21.

¹³ Пыляев М. И. Старый Петербург. Л., 1990. С. 20.

¹⁴ Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград: Энцикл. справочник СПб., 1992. С. 500.

¹⁵ Розадеев Б. А. и др. Указ. соч. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Канн П. Я. Указ. соч. С. 6.

¹⁸ Розадеев Б. А. и др. Указ. соч. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Розадеев Б. А. и др. Указ. соч. С. 45.

²¹ Там же. С. 85.

²² Там же. С. 86.

Дворец в Сергиевке.
Вид с западной стороны. 1900-е гг.

Загадка на аллее парка «Сергиевка»

В. Б. Зернов

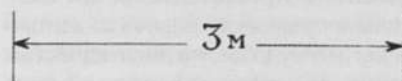
Между Старым Петергофом и станцией Мартышкино расположено большое имение князей Лейхтенбергских, точнее – старшей дочери императора Николая I Марии Николаевны. Ныне это – железнодорожная станция Университет. Название «Сергиевское» («Сергиевка») происходит от имени прежнего владельца имения Сергея Румянцева.

Большой красивый парк с прудами, дворцом, коттеджем, церквями и служебными постройками территориально принадлежит ныне факультету биологии Петербургского государственного университета.

На аллее парка, тянущейся в западном направлении от дворца, метрах в ста пятидесяти от него, прямо из земли смотрит на восток и на гуляющих посетителей парка огромная гранитная мужская голова. Ширина лица – 3 метра. Голова эта погружена в землю до усов.

Летом 2002 года во время экскурсии по парку я никакой точной информации об этом объекте не получил. В Управлении по охране памятников истории и культуры мне рекомендовали обратиться к местному краеведу В. А. Гуцину. В том же году он издал интересную брошюру «А. И. Штакеншнейдер и парк Сергиевка» (Петергоф, 2002). Но, к сожалению, ни брошюра, ни ее автор моего любопытства не удовлетворили. Есть предположение, что эта голова появилась в парке во второй половине XIX века, так как на плане парка первой половины века она не обозначена и о ней никто из знаменитых гостей имения не упоминал.

Осмотрев гранитное лицо, можно заметить, что скульптор работу по каким-то причинам не завершил: нет правой ноздри, правая часть щеки и висок имеют множественные следы обработки инструментом и не доделаны начисто. Судя по монументальным формам лица, можно предположить, что автор – опытный мастер, обладавший знаниями пластической анатомии. Возможно портретное сходство с кем-то...

Собственно головы как таковой нет. Сразу за верхом лба идет понижение гранитного камня, тмени нет, а есть подсыпка земли с края аллеи. На уровне правой щеки из земли бьет источник.

По одной из легенд, А. С. Пушкин именно здесь «набрел» на сюжет о голове в поэме «Руслан и Людмила». Но мне кажется, что, исходя из хронологических данных, гранитная голова скорее всего «иллюстрирует» поэму А. Пушкина. Ведь если посмотреть на голову в профиль, мы увидим не только круглое отверстие у горбинки носа, замечаемое всеми (якобы

Каменная голова в парке Сергиевка. 1970-е гг.
Из книги В. А. Гуцина

для детали шлема), но и подтесанную поверхность носа от отверстия до кончика, что подтверждает идею о шлеме.

Я, конечно же, попробовал сделать реконструкцию, которую предлагаю вниманию читателей. Возможно, найдутся среди них те, которые сообщат более точные сведения об этом интересном объекте в Ингерманландии.

Авторская реконструкция гранитной головы в парке «Сергиевка»

Из воспоминаний Бронислава Брониславовича Орловского

Я родился 29 декабря 1914 года в Петрограде. Мои родители, Бронислав Францевич Орловский и Ядвига Юлиановна Орловская (урожденная Нашукевич), происходили из местечка Крошин Новогрудского уезда Минской губернии. Крестьянская семья отца была многодетной, в ней было шестеро сыновей и дочь. Отец был призван на военную службу и направлен в лейб-гвардии Измайловский полк. После окончания службы он устроился дворником у военного инженера Станислава Константиновича Будзинского, хозяина дома на Офицерской улице, 51 (ныне ул. Декабристов). Небольшая полуподвальная комната в этом доме стала моим первым обиталищем. Родился я без отца, тот в это время воевал на фронтах Первой мировой войны, после пулевого ранения в живот попал в плен и вернулся домой лишь в 1918 году. Устроился работать кладовщиком в Горкомхоз. Генерал Будзинский после революции, оставаясь крупным инженером-строителем, продолжал заниматься сооружением и эксплуатацией важных портовых сооружений и доков. Его дочь вместе с мужем и сыном подались в эмиграцию, а он остался один в огромной квартире в бывшем собственном доме. Он попросил моего отца переселиться к нему с семьей на условиях материальной поддержки. У генерала, знавшего пять иностранных языков, была огромная библиотека, и он сумел пробудить во мне любовь к книге.

Мама очень хотела, чтобы из меня вырос поляк. С шести лет она определила меня в польскую школу при костеле святого Станислава, где я проучился два года. В семье мать старалась говорить по-польски, и я, маленький, разговаривал с ней и привык к польскому языку. А отец говорил по-русски и со мной, и с матерью. Мама води-

ла меня в костел на богослужения, в которых я участвовал как министр, там же я пел в хоре и с упоением качал меха для органа. Вообще костел с его торжественностью и тишиной, весь четкий ритуал службы, звучание органа сильно действовали на меня.

Учиться я пошел в общеобразовательную школу № 54, находившуюся в Тюремном переулке (ныне Матвеева) напротив сожженного во время революции Литовского замка. Учился я с большим старанием, много читал и увлекался физкультурой. В школе я стал постепенно отходить от костела, пока наконец почти совсем потерял интерес к религии – другие «ценности» окружали меня. Но в пионеры я так и не вступил, видимо, потому, что в церкви там относились крайне враждебно, а чувства моей матери оставались для меня святыми.

Строя социализм, страна нуждалась в квалифицированных рабочих кадрах. Почти весь наш класс подался в химическое ФЗУ. Там я отучился полтора года и стал работать аппаратчиком на Охтинском химическом комбинате, одновременно учась на рабфаке Ленинградского университета. Работа была архитяжелая, но я работал упорно, с большой отдачей. Вскоре меня назначили бригадиром в безизлещеллоидном цехе. Пробы полученного продукта я носил на проверку в центральную лабораторию, там познакомился со своей будущей женой Мусей. Мы подружились.

После окончания рабфака я был зачислен на физический факультет университета. Учился я с воодушевлением, экзамены сдавал «на отлично», получал повышенную стипендию. Вскоре женился на Мусе, учившейся в Технологическом институте. В июле 1937 года наша студенческая группа в очередной раз проходила военные

сборы в лагерях, где мы изучали правила стрельбы по воздушным целям. По окончании я был аттестован командиром взвода зенитной артиллерии, и мне присвоили воинское звание младшего лейтенанта запаса.

21 августа 1937 года я застал дома рыдающую мать. В слезах она мне сказала, что папу арестовали. Я был подавлен, напуган, меня охватила какая-то пассивность. Две ночи я простоял в огромной очереди в справочное бюро на Литейном. Когда дошел мой черед, мне сказали, что отец осужден по 58-й статье, пункт 10, на десять лет лишения свободы без права переписки. Много лет спустя мне стало известно, что он уже был расстрелян. В последних числах сентября маму, меня и Мусю выслали из Ленинграда в Таджикистан. Местом проживания нам назначили кишлак Шайдан. Муся была вынуждена оставить свой Технологический институт, я – университет. На последнем студенческом собрании меня громили как «члена семьи врага народа». Молчали лишь мои друзья, понимая всю нелепость происходящего. Когда мы прибыли на место назначения, Муся стала работать в артели «Мехмат», я устроился работать счетоводом в райкомхоз. По совместительству сделался районным спортивным инструктором, наладил сдачу норм ГТО, устраивал шахматные турниры...

В начале 1940 года в нашем районе развернулась большая стройка: тут проходил один из участков Ферганского канала. Был острый дефицит специалистов, и местное начальство решило использовать кое-кого из ссыльных на этих работах. Вначале я был помощником геодезиста, потом руководил производством работ на одном из участков. В это время у нас родился сын.

Еще перед отъездом на стройку я написал письмо товарищу Стали-

ну. Писал долго, обдумывая каждое слово и отделявая каждое выражение. И вот весной, в апреле 1940 года, пришла долгожданная весть о реабилитации. В Ленинграде мы поселились у Мусиной мамы на улице Радищева, 19. С этим адресом оказался связан большой период нашей жизни. Условия жизни здесь были очень тяжелыми: сырые помещения на первом этаже с окнами, выходящими в полутемный колодец внутреннего двора.

По возвращении жена снова стала студенткой Технологички, я же восстановился в университете на третьем курсе. Муся сдала последний экзамен 21 июня 1941 года, и утром следующего дня мы с ней собирались поехать «на острова». А на улице у репродукторов уже толпились люди, слушая сообщение об объявлении войны с Германией...

Уже 7 июля в университете началась запись добровольцев в народное ополчение, и я тотчас прибыл в ЛГУ. Я – боец Красной Армии, иду на фронт защищать Ленинград.

Меня назначили командиром взвода артиллерийского полка. Вскоре нас в составе батареи 76-миллиметровых полковых пушек срочно перебросили на передовую в районе Лигово. Здесь пришлось испытать и радость ведения точного артиллерийского огня по накануне разведанным вражеским целям, и горечь от огневого налета вражеской артиллерии на наши позиции. В результате налета комбат был ранен, я контужен, половина расчетов выведена из строя, пушки разбиты. Меня перевели к минометчикам – командиром взвода управления.

Наш наблюдательный пункт находился в одиноком трехэтажном кирпичном доме с трубой, стоявшем за линией наших передовых дозоров. Через день, с рассвета до наступления темноты, я вел наблюдение с чердака этого дома, прячась за трубой. Со мной был лишь один связист. Не было дня, чтобы немцы не вели огонь по нашему дому, мины, пролетая через разбитые перекрытия, рвались внизу. Наконец, немцы этот дом завалили, при этом мой сменщик был ранен.

В декабре меня назначили командиром роты, державшей оборону на переднем крае. В то время глав-

Июль 1941 г.

ным нашим противником стал голланд. Сперва люди заметно распухали, затем при ходьбе начинали валиться с ног. В нейтральной полосе мои разведчики обнаружили необработанное капустное поле и натаскали замерзших кочанов. Потом мне было приказано взять «языка». Только на третий раз наши попытки увенчались успехом. Всем участникам операции объявили благодарность, а меня удостоили увольнением в Ленинград. От стен больницы Фореля (теперь там ДК «Кировец») я шел до проспекта Стачек, наслаждаясь тем, что можно идти во весь рост. Проспект был перегорожен двумя баррикадами: мешки с песком, бревна, болванки, рельсы, «колючка», бетонные надолбы и дзот с орудием в амбразуре. Проверка документов. На попутке доехал до Садовой. По дороге видел лежавших в снегу людей, которым ничего уже не было нужно. Видел: ленинградцы на детских саночках везут покойников, завернутых в простыни. Идут с бидонами и чайниками за водой. Трамваи не ходили. Город обстреливался крепко, но он стоял...

Мои близкие были в эвакуации за Волгой, и я шел на Петроградскую сторону в надежде заскочить на Дивенской кого-нибудь из Кобриных, друзей моей матери. К счастью, дома оказалась сама Алина Михайловна. Сготовили еду из

моего сухого пайка. Натопив снега и согрев воды, я помылся в ванной. Съел тарелку супа с рисом. Наговорились. Наутро я отправился обратно к себе «домой», на передовую. Мой рассказ о Ленинграде потряс моих товарищей...

Вскоре пришел приказ полку сняться с позиций и походным порядком прибыть в Рыбацкое. С санками и волокушами мы шли вдоль линии фронта. Неожиданно связной доставил мне записку от комбата с приказом сдать немедленно роту политруку и отправиться в штаб Ленинградского фронта, на улицу Каляева. Там оказался сборный пункт командиров РККА – от младшего лейтенанта до майора. У всех у нас была одна особенность – будучи советскими гражданами, мы были нерусской национальности: поляки, финны, немцы, чехи. Из девяти поляков лишь один я умел читать и немного писать по-польски. Через несколько дней под командой капитана – старшего нашей польской группы – мы были сначала доставлены на поезде до Ладожского озера, а потом на грузовиках перевезены через Ладогу. На станции Волховстрой только что прошли жаркие бои. В ожидании восстановления пути мы долго стояли в холоде и полном мраке. На станции уже был кипящий котел, и, встречая Новый год, мы пили кипяток, произнося желанный для всех нас тост: «За Победу!».

Дальше мы ехали в «теплушке», и хотя нам еще ничего официально не объявляли, но мы догадывались, что нас, как поляков, хотят использовать в Польской армии, формируемой где-то в СССР. В пути я подружился с Винцентом Войцощем. На Ленфронте он был командиром пулеметной роты. По прибытии в Саратов мы явились в штаб Приволжского военного округа, а там не знали, что с нами делать – формируемая Польская армия Андерса уже переместилась в Среднюю Азию, ближе к южным границам СССР. В конце концов эта армия покинула пределы Советского Союза. Нас определили в запасной стрелковый полк. Там проходили формирование и обучались маршевые роты перед отправкой на фронт. Мне поручили готовить стрелковые роты, а Войцощ готовил пулеметчиков. Про-

были мы в том полку почти год. За то время я успел подготовить к отправке на фронт 12 или 14 маршевых рот, по 250 человек каждая. Вдруг нам, полякам-командирам Красной армии, приказали срочно явиться в Москву. Нас было четверо. Оттуда мы поехали в военный лагерь в Сельцах, на реке Оке, под Рязанью. Там нас встретил генерал Берлинг. Тут и выдали нам польскую военную форму. Выглядели мы в ней, конечно, молодцевато, но сперва нам было как-то необычно – все вертелось перед зеркалом.

Мои солдаты-добровольцы, поляки, приехавшие из далекой Сибири, постигали военную науку с большим усердием. Я старался обращаться к ним на родном польском языке, и это сильно повлияло на результаты учебы. Через три месяца, в сентябре 1943 года, наша дивизия была выдвинута на фронт под селение Ленино, что находится на самом востоке Белоруссии. Меня оставили при штабе дивизии – исполнять обязанности офицера связи. В первом бою мне неоднократно пришлось добираться до атакующих и обороняющихся полков, а там выходить из-под сильного обстрела, чтобы доставить сведения в штаб дивизии. Армейское обеспечение наступления нашей дивизии оказалось малоэффективным: из-за сильного

Учебный отдел и преподаватели объединенного офицерского училища. г. Рязань. Конец 1944 г.

тумана артподготовка запоздала, и командарм вообще ее прервал. Наши танки, переходя через Мерею, завязли в трясине. Вся тяжесть боя легла на плечи пехоты. Немцы встретили наши цепи точным огнем, и мы понесли большие потери. Когда наши солдаты отбили у врага участок два на два километра, немцы полезли в контратаку, поддерживаемые танками. Но поляки устояли. Одна из девушек нашей роты автоматчиц Анеля Кшивонь, защищая штабную машину, сгорела в огне. Посмертно ей присвоили звание Героя Советского Союза и удостоили высшего польского ордена «Виртути Милитари». Так она стала первой женщиной-иностранкой, награжденной медалью «Золотая Звезда». Через три дня тяжелых боев наша дивизия, понесшая большие потери, была отведена в тыл.

В марте 1944 года группа польских офицеров, человек тридцать или сорок, была отправлена под Москву, на учебу. После окончания высших курсов «на отлично» мне присвоили звание майора, и пришел приказ о переводе меня преподавателем в польское офицерское училище, которое в то время находилось в Рязани.

На две недели мне дали отпуск – повидаться с семьей. Три года разлуки... Первой встретила меня мама, форма польского офицера привела ее в восторг. Сын Вовочка застенялся и долго не мог подой-

ти к своему папе. Прибежала Муся из школы. Через два дня я уезжал, нежно попрощавшись со своими родными.

В Рязани я был назначен старшим преподавателем тактики. Потом меня выдвинули на должность помощника начальника учебного отдела. Через полгода я стал заместителем начальника училища.

С освобождением Кракова было принято решение расквартировать училище в этом городе. Преподаватели переехали из Рязани вместе с семьями, а я прожил почти год один: Муся заканчивала учебу в Технологическом институте. После защиты ею диплома мне посчастливилось пожить в Кракове вместе с семьей больше года.

На посвящение в офицеры выпускников училища приезжал маршал Войска Польского Роля-Жимерский. После торжества маршал провел у нас два дня. За это время он подолгу беседовал со мной, вникал в тонкости планирования учебного процесса. Осенью 1946 года, во время отпуска начальника училища генерала Новака, в течение месяца я исполнял его обязанности. Весной 1947 года неожиданно пришел приказ нам, польским офицерам, командированным из Советской армии, немедленно сдать свои дела и, забрав семьи, явиться в Варшаву для дальнейшего отъезда в Москву. Прощай, милый Краков! Прощай, Польша!

Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования офицерского состава «Выстрел», г. Солнечногорск Московской обл. Март-июль 1944 г.

Пристанищем для нашей семьи в Ленинграде стала та самая комната Мусиной мамы, в которой мы поселились после возвращения из ссылки в 1940 году. Ожидая нового назначения, я зашел в университет. Заместитель декана физического факультета, сам недавно демобилизованный из армии, встретил меня очень сердечно, поддержал мое намерение восстановиться на четвертом курсе.

При увольнении в запас мне было выдано солидное выходное пособие. Учиться было тяжело, но трудности быта лишь побуждали к борьбе. В углу я выгородил себе платяным шкафом небольшое пространство для занятий. Ночами просиживал за учебниками. От перенапряжения мне начали сниться кошмары. На пятом курсе я стал «подавать надежды». Заведующий кафедрой ядерной физики Борис Сергеевич Желепов, впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР, решил взять меня и еще двоих студентов на практику к себе в Радиевый институт Академии наук. Мне надо было, применяя особую чистоты соли всех лантанидов, выплавить в шахтной печи ряд фосфоров и сконструировать сцинтилляционный фотометрический прибор, которым можно было измерить величину свечения под воздействием нейтронов. Не зная английского языка, я с большим напряжением перевел для себя статей сорок. Уяс-

С женой и сыном. г. Краков, 1946 г.

нив проблему в теории, я приступил к практической работе. На финише профессор Родионов дал мне хвалебный отзыв, заключив, что результаты могут быть использованы для написания кандидатской диссертации. Но в Москве меня не утвердили в аспирантуре. Пришлось забрать диплом и искать работу самому. На факультете все недоумевали: подполковник Советской армии, прошедший войну и имеющий боевые награды, страдает за отца, осужденного в тридцать седьмом году! Но даже заступничество президента АН СССР Сергея Ивановича Вавилова, с сыном которого я окончил курс, ничего не дало. В спецотделе Государственного оптического института капитан, глубоко вздохнув, разъяснил мне: «Никто помочь вам не сумеет. И «форму два» вам не дадут. Есть вещи посильнее нас...»

Брат жены помог мне устроиться работать в центральную лабораторию завода «Знамя Октября» руководителем группы спектрального анализа. Завод изготавливал корабельную арматуру. В ЦЗЛ я проработал двадцать шесть лет. За это время внедрил десятка три методик определения химического состава металлов спектральным способом, большую часть из них разработал сам. Наша группа стала передовой по Министерству судостроительной промышленности, многие обращались к нам за помощью и консультациями.

Хотя я всегда оставался беспартийным, в парткоме завода меня считали своим доверенным лектором и посылали с выступлениями в подшефные совхозы и школы. Пять лет я редактировал стенную заводскую газету, был членом товарищеского суда, стал ученым секретарем заводской ячейки НТО, заместителем председателя группы общества «Знание». Два года я преподавал математику на курсах мастеров, читал физику для наших молодых рабочих, поступавших в вузы. И все эти двадцать шесть лет я по совместительству учительствовал в школе рабочей молодежи, ведя уроки по физике по учебнику Перышкина...

В 1964 году на заводе «Электрик», где Муся работала технологом в лакировочном цехе, началась запись в строительный кооператив.

1978 г.

И в том же году мы въехали в двухкомнатную квартиру – в так называемую «хрущевку». Счастью нашему не было предела.

Еще в 1958 году на наш запрос пришла бумага о посмертной реабилитации моего отца. В мартирологе, публикуемом в газете «Вечерний Петербург», я прочел за номером 6991: «Орловский Бронислав Францевич, 1878 года рождения, уроженец м. Крошин Новоградского уезда Минской губернии, беспартийный, поляк, кладовщик треста «Водоканалстрой», проживал в Ленинграде. Приговор приведен в исполнение в сентябре 1937 года». Мои друзья по польской дивизии настойчиво приглашали меня приехать к ним погостить. Но я отказался – по состоянию здоровья, тогда они предложили приехать моим детям. И вот туда поехал Володя со своей дочкой Юлией, моей внучкой. Оттуда друзья писали мне, что он произвел хорошее впечатление и хорошо говорил по-польски. Сын и внучка побывали в Белостоке, Варшаве, а потом поехали в Краков, где когда-то Володя жил мальчиком. Сын нашел улицу, нашел дом, но вспомнить, к сожалению, ничего не смог...

Бронислав Брониславович Орловский скончался 16 августа 1996 г. в Санкт-Петербурге.

**Воспоминания Орловского
записаны 24.10.1994 г.
Обработал Леон Пискорский**

Кровавые опыты русского перфора и его отражение в городском фольклоре

Н. А. Синдаловский

Вступление на престол императора Александра II, последовавшее в 1855 году после кончины его отца Николая I, русское общество связывало с надеждами на коренные изменения как во внешней, так и во внутренней политике государства. В большой степени эти надежды разделял и сам государь. Он хорошо понимал, что сокрушительное поражение России в последней Крымской войне и последовавшая затем полная политическая изоляция России в Европе в первую очередь явились прямым следствием неудачной внутренней политики его отца. Требовались радикальные и немедленные перемены. Уже в 1856 году Александр II подписал Парижский мирный договор с Турцией, а в 1861 году предпринял один из самых значительных внутриполитических шагов за всю историю страны – отменил крепостное право. Затем одна за другой последовали судебная, земская, университетская, военная реформы.

Популярность Александра II достигла наивысшей точки. В народе его прозвали «Освободителем». Казалось, его царствование будет наиболее либеральным. Но в январе 1863 года вспыхнуло очередное польское восстание. Пламя восстания перекинулось на Литву, часть Белоруссии и Правобережную Украину. В 1864 году восстание было подавлено, Александр был вынужден провести в Польше ряд прогрессивных реформ, однако авторитет царя был подорван. Это нашло отражение и в фольклоре. В качестве примера можно привести популярную песенку, которую распевали в Петербурге во время очередной русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Напомним, что в то время русскими войсками на Кавказе командовал брат Александра II – Михаил, а в Болгарии другой брат – Николай:

Император Николай I

*На Кавказе – Миша,
На Дунае – Коля,
А над ними – Саша,
Потому и каша!*

В обществе начали поговаривать о возврате к старым, николаевским порядкам, с которыми, понятно, надо бороться. На том фоне почти одновременно в Москве и в Петербурге появились первые в России тайные революционные организации Н. А. Ишутина, М. А. Натансона и другие. В значительной степени их идеология сводилась к насильственному уничтожению политических противников, в первую очередь царя, членов царской фамилии и их ближайших сподвижников. В России началась эпоха террора. И началась с беспрецедентной охоты на императора.

Надо сказать, что Александр II уже давно жил под мучительным знаком предсказания, данного будто бы еще при его рождении юродивым Федором. Непонятные, загадочные слова блаженного Федора вот уже несколько десятилетий из уст в уста передавались в наро-

де: «Новорожденный будет могуч, славен и силен, но умрет в красных сапогах». Три первых пророчества сбылись, что же касается «красных сапог», то это пока еще понималось буквально. Кто мог предполагать, что взрывом бомбы царю оторвет обе ноги и он, обливаясь кровью, умрет в страшных муках через несколько часов после дьявольского покушения.

Первое покушение на Александра II было совершено 4 апреля 1866 года во время его прогулки в Летнем саду. Стрелявшим оказался московский студент, революционер-народник, член московского тайного общества ишутинцев Дмитрий Каракозов. Выстрел был неудачным. Каракозов промахнулся. Его тут же арестовали и вскоре решением Верховного уголовного суда приговорили к смертной казни. 3 сентября того же года он был повешен. Предположительно похоронен на острове Голодай.

Юный цесаревич Александр с матерью – императрицей Александрой Федоровной

История русского террора, уходящая своими корнями во вторую половину XIX века, полна удивительных и необъяснимых мистических совпадений. Одно из них странным образом связало биографию Каракозова с жизнью другого известного террориста, старшего брата В. И. Ленина – Александра Ульянова, с которым нам еще предстоит встретиться на страницах этого очерка. Оказывается, Александр родился всего за несколько дней до покушения Дмитрия Каракозова на царя, а сам Каракозов, живя в Нижнем Новгороде, обучался математике у отца Александра – Ильи Николаевича Ульянова.

Но вернемся к событиям в Летнем саду. Каракозов стрелял почти в упор, но, к счастью для царя, оказавшийся случайно рядом крестьянин Осип Комиссаров отвел руку убийцы. Россия песнями славил Бога, спасшего императора:

*В шестьдесят шестом году
Бог пронес мимо беду.
Стукнем, брякнем чаша в чашу
Богу – честь, царю хвала!
Не помрут в потомках наших
Александровы дела.
Стукнем, брякнем чаша в чашу
Богу – честь, царю хвала!
Комиссаров подлетел
И спасти царя успел.
Стукнем, брякнем чаша в чашу
Богу – честь, царю хвала!
Туча черная прошла –
Царя пуля обошла.
Стукнем, брякнем чаша в чашу
Богу – честь, царю хвала!*

Согласно общепринятой версии, которую, между прочим, начали оспаривать уже современники, Комиссаров, случайно оказавшийся рядом со стрелявшим, проявил мужество и смело отвел руку убийцы. На самом деле, как утверждали очевидцы, все происходило не так. Оказывается, террористу Каракозову в момент выстрела никто не мешал. Он просто промахнулся. А на «спасителя» ткнул пальцем оказавшийся на месте преступления городской, когда ему стали досажать вопросами. Таким образом, спасителем императора Комиссаров стал совершенно случайно. Спасителем его просто назначили.

Между тем судьба нечаянно оказавшегося в нужном месте и в

нужное время крестьянина с того момента резко изменилась. Уже 13 апреля вышел указ императора о присвоении Комиссарову потомственного дворянского титула, по поводу которого в Петербурге распространился анекдот, впервые опубликованный в берлинских газетах.

– Вы слышали, что в Петербурге в русского царя стреляли?

– Да, слышал. А не знаете ли, кто стрелял?

– Дворянин.

– А кто его спас?

– Крестьянин.

– Чем же его наградили за это?

– Сделали дворянином.

На Комиссарова посыпались награды. От австрийского императора. От Луи Бонапарта из Франции. Ему дарили поместья. В его честь устраивались званые обеды и заседания аристократических клубов. Мариинский театр устроил в честь «спасителя» специальное представление оперы Глинки «Жизнь за царя». Журналисты с завидным рвением открывали все новые и новые подробности его жизни. Оказывается, он родился в нескольких верстах от родины Ивана Сусанина, да и имя его почти такое же, только у Комиссарова – Осип Иванович, а у Сусанина наоборот – Иван Осипович. Выдержать все это простому крестьянину было невозможно. Пройти медные трубы славы он не смог. В конце концов Комиссаров запыл. А вскоре умер от белой горячки.

Тем временем охота на царя продолжалась. В июне следующего, 1867 года император по приглашению Наполеона III находился в Париже. 6 июня, когда Александр в одной карете с французским императором ехал по Булонскому лесу, поляк А. Березовский выстрелил в царя из пистолета. Но промахнулся. Не на шутку перепуганный Александр обратился к знаменитой парижской прорицательнице. Ничего утешительного он не услышал. На него будет совершено восемь покушений и последнее окажется роковым. Надо сказать, что в народе жила легенда, что однажды, еще в юности, находясь в Аничковом дворце, Александр II повстречался с известным призраком этого дворца – «Белой дамой», которая в беседе с ним пред-

сказывала, что царь переживет три покушения. Но восемь?!

Между тем два покушения из предсказанных парижской вещуньей к тому времени уже состоялись. Третье произошло 2 апреля 1869 года. В царя прямо на Дворцовой площади выстрелил террорист А. Соловьев. Промахнулся. 18 ноября 1879 года террористы взорвали полотно железной дороги, по которой должен был проследовать императорский поезд. Поезд успел проехать раньше, до взрыва. 5 февраля 1880 года произошел знаменитый взрыв в Зимнем дворце, осуществленный Степаном Халтуриним. Было убито несколько караульных солдат, но царь по счастливой случайности не пострадал. Летом того же года террористы Желябов и Тетерка заложили под Каменным мостом через Екатерининский канал в створе Гороховой улицы динамит, но судьба вновь оказалась благосклонной к Александру II. Он выбрал другой маршрут следования. Это было шестое покушение на царя.

Новых покушений ожидали с постоянным и неослабевающим страхом. Столичные мистификаторы манипулировали именами пяти царских детей: Николая, Александра, Владимира, Алексея и Сергея. Если их написать столбиком и прочитать как акrostих, то при чтении сверху вниз получится: «на вас», а снизу вверх – «саван». В ужас приводило как то, так и другое.

За пару недель до последнего, рокового покушения на свою жизнь Александр обратил внимание, что перед окнами его спальни каждое утро валяется несколько убитых голубей. Впоследствии оказалось, что на крыше Зимнего дворца поселился невиданных размеров коршун. Коршуна едва удалось заманить в капкан. Мертвые голуби больше не появлялись. Но неприятный осадок остался. По мнению многих, это было дурное предзнаменование.

Наконец, 1 марта 1881 года произошло последнее, трагическое, закончившееся мученической смертью царя-освободителя покушение. Организатором и непосредственным участником покушения была известная народница, член исполкома «Народной воли» Со-

фья Львовна Перовская. Известная революционерка была правнучкой графа К. Г. Разумовского. Она родилась в семье петербургского гражданского губернатора Льва Николаевича Перовского. По легендам, которые любили распространять большевики, характер Льва Николаевича был тяжелым. Он «издевался над женой, заставлял сына Василия бить свою мать и не любил дочь». Будто бы это и толкнуло Софью на путь террора. Ее несколько раз арестовывали, заключали в тюрьму, отправляли в ссылку. После последнего побега из ссылки она перешла на нелегальное положение. Участвовала в подготовке нескольких покушений на Александра II и руководила последним, совершенным 1 марта 1881 года. 10 марта того же года Софья Перовская была приговорена к смертной казни и через несколько дней повешена на плацу Семеновского полка вместе с другими участниками убийства императора. Однако в народе долгое время жила легенда, что вовсе не повешена Софья Перовская на Семеновском плацу, что «жива она не жива, но только призрак ее появляется» в Петербурге.

И действительно, если верить городскому фольклору, каждый год в марте, когда Петербург темен, а на улицах пусто, и ветер и мокрый снег глаза слепит, на крутом мостике Екатерининского канала появляется Софья Перовская. Как тогда, 1 марта, когда она, взмахнув белым платком, «сигнал подала, чтобы бомбу бросали под черные сани императора».

Если считать бомбы, брошенные по сигналу Перовской народо-вольцами Рысаковым и Гриневицким с интервалом в несколько минут, за два покушения, то парижской ведунье удалось-таки предсказать порядковый номер последнего. Оно оказалось восьмым. Никто не мог понять, как это целое государство не смогло уберечь одного человека. После убийства Александра II художник Константин Маковский нарисовал портрет: царь и рядом с ним – кудлатый пес. Говорили, что другой художник, Василий Верещагин, увидев портрет, предложил назвать его: «Пес, который не уберег царя». А еще в народе говорили, что царя убили

Роковое покушение на Александра II

дворяне «в месть за освобождение крестьян».

Весть о смерти царя-освободителя болью отозвалась по всей стране. На этот раз песни были иного характера. Вот одна из них, записанная в Костромской губернии аж в 1900 году, через сорок лет после убийства:

*Как и наш-от белый царь
Во сенате жизнь кончал,
Во сенате, в Петербурге.
На вороном коне
Со дворика соезжал.
Со дворика соезжал,
На собор молиться стал.
Не успел перекреститься –
Бонба с порохом летит,
Бонба с порохом летит,
Таково прытко шумит.
Всю повозочку разбила,
Царя белого убила.
Мы подумаем, друзья,
Мы про белого царя.
Милостивый государь
Александра Второй царь
Ко всем любовью горел,
Всем свободу дать хотел.
Под крыло он всех держал
И от казни избавлял.
Справлял он все законы,
Слышал бедных людей стоны,
Всем на помощь поспешал
И злодеев укрощал.
Стали злодеи судить,
Как бы царя истребить.
Много казни потребили,
Отчаянных подкупили,
Дали в руки им гранаты,
Они от Бога прокляты,*

*Везде мины подводили,
Государя не убили.
Караулы везде стояли,
Государя сохраняли.
Пораженный царь упал,
Жалобно слова сказал:
«Поднимите меня, дети,
Отжил я теперь на свете».
К нему слуги подбежали,
Под белы руки подняли,
На руках его держали,
Слезно плакали-рыдали,
Горько слезы проливали.
По всему Питеру тревога,
Государя стражи много;
Со всего Питера сбегались.
Все стояли во дворце.
Все на царский флаг взирали,
Рокового конца ждали.
Когда царский флаг спускали,
То кончину возвестили.
А когда черный флаг подняли,
Траур черный надевали.
Когда черный флаг подняли,
И все плакали-рыдали,
Черный траур надевали,
Все покой души сказали.
Ударил в телеграмм:
Затмение солнца нам.
Возвестили на Кавказ,
Полились слезы у нас из глаз.
Там было большое смятенье,
По всей земли потрясенье,
Солнечные лучи закрылись,
Царя белого лишились.
Будем, братья, царя помнить,
Покой души воздавать.*

В России император Александр II навсегда получил новое имя: «Царь-мученик».

Понятно, что не обошлось без злорадства. По столице ходил анекдот, по обилию конкретных бытовых деталей, скорее, похожий на полулегендарную курьезную правду. В конце февраля 1881 года серапульский купец поехал в Казань по делам. Возвращаясь обратно, он заехал в Березовку. Это случилось как раз в марте. В Березовке он услышал об убийстве Александра II. И вот купец, желая поделиться с женой сильным впечатлением и, кстати, заодно предупредить ее о своем приезде, послал ей такую телеграмму: «Сделал дело. Царя убили. Топи баню».

И еще одна немаловажная деталь. В тот несчастливый день 1 марта 1881 года по возвращении с прогулки император будто бы должен был подписать первую за всю тысячелетнюю историю России конституцию.

В тот же день на Екатерининском канале, вокруг места, где произошло чудовищное убийство, был установлен забор и поставлен часовой. На другой день, 2 марта, городская дума на своем чрезвычайном заседании постановила просить нового императора, Александра III, «разрешить городскому общественному управлению возвести часовню или памятник». На это император ответил: «Желательно бы иметь церковь, а не часовню». Но первоначально все-таки установили часовню, в которой ежедневно служили панихиду по убиенному императору. Часовня была возведена по проекту архитектора Н. Л. Бенуа.

Одновременно был объявлен конкурс на создание храма-памятника. В конкурсе участвовали крупнейшие архитекторы того времени. Победителем оказался Альфред Парланд. Дальнейшую работу он вел совместно с другим архитектором – архимандритом Троице-Сергиевой пустыни Игнатием, в миру И. В. Малышевым. Идея создания храма-памятника царю-освободителю и мученику стала заветной мечтой отца Игнатия сразу же после трагического покушения. Уже 25 марта он сделал наброски плана фасада, а затем, по преданию, с помощью набожной княгини Александры Иосифовны довел до сведения царя, что ему во сне будто бы явилась Богородица и показала «главные основы храма».

Император Александр II

Закладка храма состоялась 6 октября 1883 года, освящен же он был почти четверть века спустя – в 1907 году. Строительством храма руководил сын убиенного царя великий князь Владимир Александрович. Длительное строительство вызывало самые невероятные толки, вплоть до обвинений в растрате средств, воровстве и прочих преступлениях. По Петербургу ходили язвительные стихи:

*И строит, и строит
все Влади-эмир,
И долгой постройке
дивится весь мир.*

Собор, созданный «в русском стиле», украшен мозаичными пан-

но, выполненными по рисункам В. М. Васнецова, М. В. Нестерова и других известных художников. Внутри храма соорудили специальную сень, под которой находится сохранившийся в неприкосновенности фрагмент набережной Екатерининского канала: часть решетчатой плиты тротуара, бульжники мостовой, на которые упал, истекая кровью, царь-освободитель. Народная молва утверждает, что до сих пор, если подойти к этому мемориальному месту, можно услышать стоны невинно убиенного государя.

В начале XX века в Петербурге сложилась необычная традиция. Посетители бросали на фрагменты мостовой монетки. Мемориальный характер собора подчеркнут и другим любопытным обстоятельством. Высота храма от его пола до верхней точки креста над куполом составляет ровно 81 метр – число, входящее в дату 1881 – год гибели царя, освободившего народ от крепостного права. И еще одна немаловажная деталь. До революции в соборе не совершались никакие ритуальные службы. Здесь не крестили младенцев, не отпевали умерших и не венчали молодоженов. Здесь совершались только ежедневные поминальные службы и произносились проповеди. Ритуальные службы начались только после 1923 года, когда собор на короткое время получил статус кафедрального.

Храм «Спас-на-Крови», воздвигнутый на месте гибели Александра II. Фото 1913 г.

За время советской власти мемориальный собор успел побывать и свалкой мусора, и складом театральных декораций, и даже моргом. Во время блокады в помещенные собора свозили трупы с городских улиц. В 1920–1930-е годы в храме было устроено овощехранилище. Ленинградцы вспоминают, что в то время собор называли: «Спас на картошке».

С «Воскресенским собором», или «Храмом на Крови», как называют этот мемориальный собор в народе, связана удивительная легенда о долговечности и устойчивости верховной власти. В Петербурге эта тема стала традиционной. Впервые она обозначилась в городском фольклоре во второй половине XIX века в связи с постоянными ремонтами и подновлениями Исаакиевского собора. Тогда говорили, что царская власть падет, как только со стен собора снимут леса. Леса начали снимать не то в конце 1916, не то в начале 1917 года. И закончили буквально накануне отречения Николая II от власти. Затем эта тема надолго выпала из поля зрения фольклора. Но вот в 1970-е годы, после полувеква поистине варварского глумления над мемориальным храмом на Екатерининском канале, вокруг «Спаса на Крови» появились строительные леса. Началась реставрация собора. В нем предполагалось открыть музей керамики. Но, как обычно это бывает, работы затянулись. Сначала на пять лет. Потом – на десять. На пятнадцать. К строительным лесам привыкли. Они стали достопримечательностью Ленинграда. Их непременно показывали туристам. Они попали в стихи и песни. Появились весьма осторожные в ту пору предсказания. Мол, стоять советской власти до тех пор, пока стоят леса вокруг «Спаса на Крови».

Леса разобрали только в 1991 году, почти перед самыми августовскими событиями в Москве, когда советская власть пала.

Позолочены кресты,

Храм отделан заново.

Наконец сбылись мечты

Саши Розенбаума.

А еще верующие люди утверждают, что среди икон «Спаса на Крови» есть одна, на которой будто бы можно разглядеть все роко-

вые даты российской истории – 1917... 1941... 1953... «И еще какая-то дата, – загадочно добавляют они, – да вот непонятно, какая».

Первомартовским событиям 1881 года в городском фольклоре посвящен любопытный сюжет, связанный с давней враждой между двумя древними русскими родами – Долгорукими и Романовыми. Еще в 1660-х годах некий монах пророчил смерть всем Романовым, которые решатся связать свою судьбу с Долгорукими. О вражде родов в обществе хорошо помнили, однако о пророчестве забыли и впервые вспомнили сразу же после безвременной кончины юного императора Петра II, случившейся в 1730 году, неожиданно, за несколько дней до его свадьбы с Екатериной Долгорукой. А через полтора столетия о пророчестве вновь заговорили в трагический день гибели императора Александра II. Оказалось, что его смерть опять же связана с его венчанием уже с другой Долгорукой, но тоже Екатериной, известной княгиней Юрьевской, вот-вот готовой стать императрицей Екатериной III.

В Петербурге Екатерина Михайловна Долгорукая была известна как официальная любовница Александра II, от которого еще при жизни законной супруги императора имела троих детей – двоих дочерей и сына. Почти сразу после смерти жены Александр II вступил с Екатериной Михайловной вmorganaticкий брак, а через полгода именным высочайшим указом Екатерине Юрьевне Долгорукой был присвоен титул светлейшей княгини Юрьевской. После обряда венчания злые языки уверяли, что очень скоро состоится и коронация. Будто бы был даже заказан именным вензель для новой императрицы – «Е III», то есть Екатерина III. Готовому было разразиться династическому скандалу помешала гибель Александра II в марте 1881 года. Городской фольклор тут же связал эту трагедию с именем Екатерины Михайловны. По городу распространилась крылатая фраза, в которой умело обыгрывалось имя несостоявшейся новой императрицы и название канала: «Александр Второй влюбился в Екатерину Долгорукую и погиб на Екатерининском канале».

С гибелью Александра II террор в России не прекратился. Очередной его жертвой был избран новый император – Александр III. Одним из активнейших участников и организаторов подготовки покушения на него был старший брат В. И. Ленина Александр Ульянов, с 1886 года ставший членом террористической фракции «Народной воли». Покушение не состоялось. Александр Ульянов был арестован, судим, приговорен к смертной казни и повешен во внутренней тюрьме Шлиссельбургской крепости вместе с четырьмя другими участниками подготовки покушения.

Александр Ульянов стал героем петербургского городского фольклора благодаря одной из самых нетрадиционных фольклорных версий случившейся Октябрьской революции. Оказывается, его брат Владимир Ильич Ленин якобы задумал и осуществил революцию исключительно для того, чтобы отомстить Романовым за казненного Александра. Довольно последовательная и стройная легенда представляла собой сентиментальную историю о том, как мать Ленина, Мария Бланк, приняв крещение, стала фрейлиной великой княгини, жены будущего императора Александра III. Хорошенькая фрейлина завела роман с наследником престола и вскоре забеременела. Во избежание скандала ее срочно отправили к родителям и «сразу выдали замуж за скромного учителя Илью Ульянова, пообещав ему рост по службе». Мария благополучно родила сына, назвав его Александром – в честь отца.

Далее события, как и положено в легенде, развивались с легендарной скоростью. Александр, будучи студентом, каким-то образом узнал тщательно скрываемую семейную тайну и поклялся отомстить за поруганную честь матери. Он примкнул к студенческой террористической организации и взялся бросить бомбу в царя, которым к тому времени стал его отец. В качестве участника подготовки того покушения Александр Ульянов был судим и, как мы уже знаем, приговорен к смерти. Накануне казни к нему приехала мать. Но перед посещением сына, согласно легенде, она встретила с императором, который будто бы согласился простить своего сына, если

тот покается. Как мы знаем, Александр Ульянов покаяться отказался и был казнен. После того В. И. Ленину будто бы ничего не оставалось, как мстить не только за мать, но и за брата.

Остается напомнить о странных мистических совпадениях той печальной истории. Оказывается, прокурор Неклюдов, добившийся в суде смертного приговора Александру Ульянову, обучался в гимназии, где преподавал отец подсудимого Илья Николаевич Ульянов.

Террор между тем не прекращался. 15 июля 1904 года член «Боевой организации эсеров, террорист Евгений Созонов бросил ручную гранату, или «апельсин», как она называется на жаргоне уголовников, в карету Вячеслава Константиновича Плеве. Этот видный государственный деятель в царствование Николая II отличался исключительно реакционными взглядами. Он считал, что Россию выведет из кризиса только «маленькая победоносная война». На посту директора департамента полиции Плеве прославился разгромом «Народной воли». С 1902 года он занимал должность министра внутренних дел. Был шефом корпуса жандармов. Широко известен как инициатор борьбы с революционным движением так называемым методом «полицейского социализма», смысл которого сводился к организации подконтрольных полиции рабочих организаций с целью их разваливания изнутри. Провокации священника Гапона и жандармского полковника Зубатова в значительной степени лежат на совести Плеве.

От взрыва карета Плеве разлетелась в щепки. Сам Плеве был убит на месте. Это произошло почти рядом с домом № 16 на Фонтанке, у Цепного моста, где располагалось знаменитое Третье отделение. Петербургский городской фольклор откликнулся на это жестокое убийство соответствующими стихами:

*Жил высокий господин
Маленького роста.
Разорвался апельсин
У Цепного моста.
Где высокий господин
Маленького роста?*

Притушить страшное пламя разбушевавшегося пожара русско-го террора более или менее удалось

только с приходом в 1906 году в правительство Петра Аркадьевича Столыпина. И это несмотря на то, что сам П. А. Столыпин неоднократно подвергался покушениям и в конце концов стал жертвой того самого террора, с которым безжалостно боролся. Свою работу в правительстве П. А. Столыпин начал с реализации знаменитой аграрной реформы, вошедшей в русскую историю под его именем – «стольпинская». Отметим только, что после проведения реформ зажиточных хуторян, во множестве появившихся в России, стали называть «стольпинцами».

В государственной политике он был сторонником так называемой «сильной руки». Его имя связывают с расцветом в России черносотенного движения и началом реакционной политики после подавления революции 1905 года. Между тем именно ему принадлежит честь начала беспощадной борьбы с террором, борьбы, в которой все средства были пригодны. «Сначала успокоение, потом – реформы, – говорил П. А. Столыпин и добавлял: – Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». По стране прокатилась волна политических арестов. Тысячи были осуждены на смертную казнь. Если до Столыпина в России совершалось в среднем 9 казней в год, то при нем их количество увеличилось с невероятной быстротой: в 1906 году их было 574, в 1907 – 1139, а в 1908 – 1340. Правда, затем количество казней резко упало. В 1908 году было приведено в исполнение 717 смертных приговоров, в 1910 – 129, а в 1911 – 73. Надо отдать должное П. А. Столыпину, хотя городской фольклор и не щадил этого яростного борца с политическими уголовниками. Именно благодаря фольклору в широкой разговорной практике появились такие понятия, как «стольпинский вагон» – специальные пульмановские железнодорожные вагоны для перевозки заключенных, и «стольпинский галстук» – выражение, означавшее виселицу. Это крылатое словосочетание родилось в недрах Государственной думы во время страстной полемики вокруг внутривнутриполитического курса правительства Столыпина. Оно принадлежит депутату от партии кадетов некоему Ро-

дичеву. Говорят, П. А. Столыпин, которого не зря часто называли «последний дворянин» (известно, что дальними родственниками Столыпина были М. Ю. Лермонтов и А. М. Горчаков), защищая свою дворянскую честь, вызвал Родичева на дуэль.

Чем закончилась эта ссора, мы не знаем. Зато хорошо известно, что политика усмирения террора вызвала волну ненависти лично к П. А. Столыпину. На него было совершено девять покушений. Одно из них удалось избежать при самых невероятных обстоятельствах. Однажды Столыпин вместе с другими членами правительства присутствовал на одном из первых в России авиационных испытаний. Один из авиаторов обратился к нему с просьбой полетать вместе с ним. Ни минуты не колеблясь, П. А. Столыпин принял предложение и более получаса провел в воздухе. А когда самолет приземлился, Столыпину доложили, что полиция обладает сведениями, полученными за несколько дней до этого. Оказывается, Столыпин летал с авиатором, который принадлежал к одной из наиболее опасных террористических организаций. Но самое удивительное заключалось в том, что и П. А. Столыпин был осведомлен об этом, когда «согласился подняться в воздух».

Между прочим, петербургский городской фольклор утверждает, что этим авиатором был один из первых русских авиаторов, выпускник Харьковского технологического института и Николаевской морской академии Лев Макарович Мациевич. В 1910 году он учился в летной школе А. Фармана во Франции. В том же году удачно совершил первый в России ночной полет на аэроплане.

Осенью 1910 года в Петербурге на территории Удельного скакового ипподрома на бывшем Комендантском поле проходил 1-й Всероссийский праздник воздухоплавания, на котором Л. М. Мациевич должен был совершить несколько показательных полетов на аэроплане «Фарман». 24 сентября во время одного из таких полетов, на глазах у потрясенных участников праздника и многочисленных зрителей, аэроплан Мациевича рухнул. Летчик погиб.

Мацевич был торжественно похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, а на месте его трагической гибели в 1912 году по проекту архитектора И. А. Фомина был установлен памятный камень.

Тогда же в Петербурге родилась любопытная легенда о гибели Л. М. Мацевича. Сюжет ее удивительным образом переплетается с легендой о несостоявшемся покушении на Столыпина. Будто бы Мацевичу, члену партии эсеров, незадолго до праздника воздухоплавания было дано задание: убить премьер-министра П. А. Столыпина, даже если при этом придется погибнуть самому. Согласно легенде, Мацевич отказался от роли камикадзе, после чего по указанию руководства партии эсеров ему тайком повредили самолет, который и «сломался в воздухе». Есть, правда, и другая версия той же легенды. Будто бы Мацевич сам покончил с собой после того, как отказался подчиниться партийной дисциплине.

Между тем 1 сентября 1911 года в Киеве на Столыпина было совершено очередное покушение. Он был смертельно ранен террористом, эсером Дмитрием Богровым. В газетах того времени были опубликованы математические расчеты известного петербургского предсказателя Сар-Донаила. Расчеты были основаны на цифровых комбинациях с именем, отчеством и фамилией П. А. Столыпина. Из расчетов следовало, что убийство председателя Совета министров произошло точно в день и час, указанный в них.

Так закончился первый и, как оказалось впоследствии, далеко не самый трагический период отечественного террора. «Отцы-основатели» террора становились героями художественных произведений в кино, литературе, живописи, монументальной скульптуре. Именами террористов назывались улицы, города и поселки. Их жизнь ставилась в пример подрастающим поколениям. И, как это сегодня ни выглядит чудовищно и парадоксально, террористы не считались ни уголовниками, ни убийцами. На них равнялись. Их биографии являлись образцами для подражания. Имена Каляева, Лаврова, Халтурина, Пе-

Мемориальная доска на доме, в котором жил П. А. Столыпин

ровской, Желябова и других идеологов и практиков террора украшали адресные таблички многих центральных улиц Ленинграда.

Все поставило на свои места время. В 1990-х годах многим улицам, более полувека носившим

имена террористов, запятнавших свои руки кровью соотечественников, были возвращены их исторические названия, и только бывшая Сергиевская остается улицей имени великого композитора Петра Ильича Чайковского, потому что к террористу Н. В. Чайковскому никогда никакого отношения не имела.

Таковыми были трагические уроки кровавого террора, во власти которого страна, сама породившая это уродливое общественно-политическое явление, находилась практически всю вторую половину XIX и в начале XX столетия. К тому же не надо забывать, что именно тот террор стал предвестником новых потрясений, разрушительным шквалом обрушившихся на Россию в следующие пятьдесят лет ее существования.

Но это уже новая эпоха – эпоха кровавых революций и опустошительных войн, и о том, как она отразилась в зеркале городского петербургского фольклора, мы поговорим в следующем очерке.

Источники фольклора:

- Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979.
 Боханов А. Явление Екатерины III. Династический скандал 1880 года // Родина. 1998. № 2.
 Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1992.
 Волков С. История Санкт-Петербурга от основания до наших дней. М., 2001.
 Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996.
 Гребельский П., Мирвис А. Дом Романовых. СПб., 1992.
 Иванова Т. «Уготовили бомбы страшные...» // Родина. 1997. № 9.
 Канкрин А. В. Мальтийские рыцари. М., 1993.
 Кани П. Я. Прогулки по Петербургу. СПб., 1994.
 Кириков Б. М. Храм Воскресения Христова // Невский архив. М.; СПб., 1993.
 Колиандер Тито. Петербургское детство // Невский архив. 1995. Сб. 2.
 Ленинград: Путеводитель. М.; Л., 1931.
 Лукаш И. Карта Германна // Стереоскоп. 1992.
 Недопекина А. Читая между строк // ПРОспект Санкт-Петербург. 2001. Март – апр.
 Никитина Е. Призраки Невской дельты // ПРОспект Санкт-Петербург. 2001. Янв. – февр.
 Орлов В. Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980.
 Равинский Д. Столичные скоробрешки // Родина. 1997. № 7.
 Рагимов О. Былые небылицы. М., 1994.
 Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
 Солженицын А. И. Двести лет вместе. М., 2001.
 Стереоскоп. СПб., 1992.
 Фразеологический словарь литературного русского языка конца XVIII – начала XX века. Новосибирск, 1991.
 Храмы Петербурга. СПб., 1992.
 Шаломова Т. Вера Засулич: история одного оправдания // Петербургский Час пик. 1998. № 17.
 Шахнович М. И. Петербургские мистики. СПб., 1996.
 Шварц В. С. Архитектурный ансамбль Марсова поля. Л., 1989.

Кроме источников, перечисленных выше, при работе над очерком автор широко пользовался передачами радио и телевидения, самозаписью, а также фольклором, предоставленным ему близкими друзьями и просто хорошо знакомыми петербуржцами.

Американцы в Петербурге. Празднование дня Александра Невского

ПУБЛИКАЦИЯ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ В. Н. ПЛЕШКОВА

В российском придворном календаре среди множества праздничных дней особым вниманием пользовалась дата 30 августа – день св. Благоверного князя Александра Невского. Своим возникновением он обязан императору Петру I, прекрасно понимавшему, говоря современным языком, роль патриотического воспитания, соединенного с духовным обоснованием почитания святых и необходимостью зрелищ. В 1710 году Петр I в честь победы над шведами 15 июля 1240 года на берегу р. Невы дружины великого князя Александра Ярославовича, удостоенного за это почетного прозвища Невский, повелел построить монастырь Живоначальные Троицы и св. Благоверного великого князя Александра Невского. Осенью 1723 года мощи Александра Невского были доставлены в Шлиссельбург, а 30 августа 1724 года торжественно внесены в монастырь. В присутствии императора, членов императорской семьи, почетных гостей и множества зрителей рака с мощами была помещена в верхнем двухсветном этаже Благовещенской Александро-Невской церкви, только что построенной по проекту Д. Трезини. С того времени Александр Невский стал считаться небесным покровителем Санкт-Петербурга, а день 30 августа по установлению Петра I ежегодно торжественно отмечаться.

С тем событием тесно связано и учреждение в 1725 году ордена Александра Невского, орденские знаки которого императрица Екатерина I собственноручно возложила на себя для придания большего авторитета новоучрежденному ордену. В иерархии российских орденов этот орден занял четвертое место после орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Георгия 1-й степени и Св. Владимира 1-й степени. 30 августа стало ежегодным кавалерс-

Орденские знаки ордена
А. Невского

ким праздником ордена Св. Александра Невского. С 1748 года императрица Елизавета Петровна ежегодно совершала крестный ход из храма Казанской иконы Божьей Матери в Александро-Невский монастырь с обязательным участием кавалеров ордена Александра Невского. Ее примеру долгие годы следовала императрица Екатерина II, пока возраст и болезни не помешали ей соблюдать традицию. В дальнейшем государи уже не участвовали в крестном ходе, но практически всегда посещали 30 августа монастырь, переименованный в 1797 году

волею императора Павла I в Александро-Невскую лавру.

Празднование дня св. Благоверного князя Александра Невского было одним из излюбленных праздников петербуржцев. Привлекало оно и внимание иностранных гостей российской столицы, некоторые из которых оставили о нем письменные свидетельства. Среди них стоит отметить материалы американского происхождения. Для представителей Нового Света в России было много необычного. Но особый интерес вызывала православная церковь. Как справедливо отмечала американская исследовательница Анна Баби, «большинство путешественников от американской до русской революции часто высказывались о богослужении и обрядах русской церкви, столь отличных от американских обычаев»¹. Сенатор Дж. А. Бейард, посетивший в 1813 году Санкт-Петербург в составе дипломатической миссии, писал своему другу: «Ничто не может превзойти великолепие и затраты на содержание их церквей»². Из дневника первого американского посланника в России Дж. К. Адамса видно, как часто посещал он петербургские храмы, причем не только по праздникам и торжественным случаям, как того требовала его должность. Он выставлял службы, любовался иконами русского письма и великолепными полотнами религиозного содержания Рафаэля, Рубенса, Ван-Дейка, Гверчино и других мастеров в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры, Исаакиевском и Казанском соборах. Особенно его привлекала икона Казанской Божьей Матери. Посещал Дж. К. Адамс и католическую церковь Св. Екатерины на Невском проспекте, звучащие органа в которой считал «совершенным». Бывал он в церквях и других деноминаций.

Вид раки с мощами св. Благоверного князя А. Невского.
Литография О. А. Кочетовой. 1890 г.

Среди многочисленных дневниковых записей Дж. К. Адамса, посвященных описанию благодарственных молебнов по торжественным поводам, больших религиозных праздников (Рождество, Пасха), различных православных

обрядов (крестины, похороны) и т. п., внимание привлекает и описание празднования дня Александра Невского 11 сентября 1810 года по новому стилю.

Другое описание этого праздника оставила спустя 75 лет супруга

очередного посланника США в России Алмира Ван Несс Лотроп. Первым официальным мероприятием, в котором участвовал американский посланник с супругой после вручения верительных грамот и представления императору Александру III и императрице Марии Федоровне, стал день св. Александра Невского, совпавший с тезоименитствами императора Александра III и великого князя Александра Михайловича, а также с днем рождения королевы Вюртембергской Ольги Николаевны.

Читателям предлагается ознакомиться с дневниковыми записями Дж. К. Адамса и письмом А. Лотроп. Документы датированы авторами по новому стилю. Перевод осуществлен по изданиям:

Memoirs of John Quincy Adams comprising portions of his Diary from 1795 to 1848 / Ed. by Ch. F. Adams. Philadelphia, 1874–1877. Vol. 2. P. 162–164, 524–525;

The Court of Alexander III. Letters of Mrs. Lothrop, wife of the late Honorable George Van Ness Lothrop former Minister Plenipotentiary and Envoy Extraordinary of the United States to Russia / Ed. by W. Prall. Philadelphia, 1910. P. 14–18.

¹ Babey A. M. *Americans in Russia 1776–1917. A Study of the American Travelers in Russia from the American Revolution to the Russian Revolution.* New York, 1938. P. 51.

² Дж. А. Бейард – С. А. Родни 30.08.1813 / James Asheton Bayard Letters, 1802–1814 // Bulletin of the New York Public Library. July 1900. Vol. 4. № 7. P. 242.

³ Shepard J. *Cannibals of the Heart. A Personal Biography of Louisa Catherine and John Quincy Adams.* New York, 1980. P. 132.

«11-е [сентября 1810 г.] Ежегодный праздник Св. Александра Невского, князя Новгородского, правившего около 1250 г., а также то, что они называют именины Императора¹. В одиннадцать часов я с г-ном У. Смитом² поехал в монастырь³, где была большая толпа, а по обе стороны улицы от Перспективы⁴ до церкви чрезмерное скопление народа. Когда мы добрались до церкви, обнаружили затруднения с установлением определенных для нас мест. Из иностранных посланников не было никого, кроме графа Шенка⁵, который пришел вслед за мной и, как и я, оказался в большом затруднении. Он занял место среди офицеров, сопровождавших императорскую семью, но нашел его не подходящим, и вернулся туда, где стоял я. Граф Румянцев⁶, наконец увидев

Второй Лаврский мост через р. Монастырку

меня, подошел и простоял рядом со мной всю церемонию и объяснял мне многие стороны действия. Серебряная гробница святого⁷ находится с правой стороны клироса, когда вы главным приделом поднимаетесь к алтарю. Перед гробницей расстелен большой ковер, на котором занял свое место император с императрицей⁸ по левую руку; рядом с ней императрица-мать⁹; затем великие князья Николай¹⁰ и Михаил¹¹ и великая княгиня Анна¹² позади своей матери. Придворные и сопровождающие лица выстроились в ряд за императором до ступеней, ведущих к гробнице святого. Муж великой княгини Екатерины¹³ принц Ольденбургский¹⁴, брат императрицы-матери принц Вюртембергский¹⁵ и ряд офицеров и иностранцев стояли перед алтарем с правой стороны придела; несколько дам и толпа женщин – с левой.

Обряд совершался архиепископом¹⁶ и другими священниками, которые обычно служат в императорской церкви, и с тем же хором¹⁷. Но это был не обычный *Te Deum*¹⁸, он отличался во многих отношениях от обычных обеден. Граф Румянцев сказал мне, что два подсвечника, которые архиепископ время от времени берет в руки, один с тремя горящими свечами, а другой с двумя, и которыми он крестообразно осеняет молящихся, символизируют Троицу и двойственность природы Христа¹⁹. Кокс²⁰, я полагаю, упоминает об этом. В определенный момент церемонии над алтарем взвивалась или, вернее, задерживалась некая расшитая материя²¹. Граф сказал, что это было во время произнесения символа веры и выражало неопределенность времени начала таинства снисхождения Святого Духа – греческая церковь не считает установленным точный момент.

По завершении обедни император подошел к гробнице святого, преклонил колени и поцеловал серебряный гроб три раза – дважды по сторонам и один раз сверху. Императрица, великие князья и великие княгини все проследовали в свою очередь и повторили тоже поклонение святому. Великая княжна Анна, красивая принцесса примерно семнадцати лет²², исполнила свой долг чрезвычайно гра-

Собор во имя Пресвятой Троицы.
Арх. И. Старов. 1776–1790 гг.

циозно и с полным достоинством. Когда императрица-мать сходила по ступеням, император протянул руку, чтобы ей помочь. Затем императору и двум императрицам были вручены три небольшие картины в рамках и каждому из членов императорской семьи небольшие круглые хлебцы.

При выходе из церкви толпа была столь огромна, что проход к экипажу путем, которым мы пришли, оказался совершенно исключен. Я последовал за толпой императорских офицеров единственным свободным путем, предположив, что он ведет к другому выходу, пока неожиданно не оказался в апартаментах архиепископа, куда император и его свита были приглашены на завтрак. Один из посыльных обер-церемониймейстера указал мне, что присутствие иностранцев было не предусмотрено, и я наконец нашел дорогу к своему экипажу. Толпы людей на улицах при нашем возвращении оставались такими же огромными, какими были, когда мы направлялись в монастырь. Было около трех часов, когда мы вернулись домой».

«11-е [сентября 1813 г.] В четверть двенадцатого сегодняшнего утра я вышел вместе с г-ном Смитом и присутствовал на праздни-

вании тезоименитства императора в монастыре Св. Александра Невского. Было без десяти двенадцать, когда мы прибыли, и толпа делала церковь почти недоступной. Императрицы, великие князья Николай и Михаил и великая княжна Анна прибыли через полчаса. Была обедня, освящение медалей и *Te Deum*. Медали серебряные, размером с полрубля, выбитые в память кампании и освобождения 1812 г. На одной стороне око, заключенное в треугольник, эмблема провидения Божьего, а на другой надпись на русском «Не намъ, не намъ, а имени твоему». Эта медаль должна раздаваться любому, участвовавшему в кампании 1812 г., от высшего офицера до рядового солдата включительно, и носиться в петлице, прикрепленной голубой шелковой лентой²³. Императорский указ, посвященный этой медали, был прочитан военным министром Горчаковым²⁴. Освящение проводилось митрополитом Амвросием. Службу проводил другой архиепископ. Императорская семья молилась у гробницы святого. Все придворные сияли от хороших новостей из армии – император находится в пределах слышимости колоколов Дрездена, и французы терпят поражения повсюду – в предвкушении более значительных

побед в ближайшие дни. Домой мы вернулись после трех часов. Драма Наполеона движется к своей развязке».

11-е сент. 1885 г.

«...Сейчас я пишу, чтобы поведать тебе о церемонии, на которой мы сегодня присутствовали, пока она свежа в моей памяти. Русские, похоже, празднуют день святого, в честь которого они названы, вместо дня рождения, и Александр Невский – святой покровитель императора²⁵. Я слышала историю этого святого, которой ты можешь верить или не верить. Он был великим князем, способствовавшим поражению шведов и отчасти забытым. Когда была вскрыта его могила, вспыхнуло пламя и уничтожило гроб. Вследствие этого был изготовлен великолепный серебряный саркофаг, в который были помещены его кости, с этого времени лица, прикоснувшись к нему, исцеляются²⁶. Церковь Св. Александра очень богатая, с доходом в миллион рублей (или долларов, я не помню); она владеет большой территорией, на которой находится резиденция митрополита²⁷. Глава русской церкви император; у нее нет патриарха. Митрополит²⁸ – немощный старец, невысокий и полный, передвигается в карете, запряженной четверкой лошадей, и перед ним всегда несут крест²⁹. От джентльменов, приглашенных на церемонию, требовалось явиться в униформе, так что ваш отец был одет в костюм, каковым по торжественным случаям является форма американского посланника³⁰. Он отправился вместе с г-ном Уиртсом³¹ в его экипаже, А.³², Э.³³ и я – в нашем. Церковь находится в лучшем месте езды от нас, и уже с полпути люди толпились на тротуарах, чтобы увидеть процессию. Много офицеров верхами по мере приближения к церкви поддерживали свободный проезд. Поначалу немного дождило, но затем погода была прекрасной. У входа в монастырь толпились священники, ожидая, я полагаю, великих князей и княгинь. Мы прошли сквозь толпу, затем по длинному коридору, образованному офицерами в пышной форме, остановившись на минуту,

чтобы обменяться рукопожатием с князем Солтыковым³⁴. Затем вошли в церковь (очень большую) и прошли вплоть до алтаря. Придел с одной стороны алтаря предназначался для императорской семьи, с другой – для дипломатического корпуса. Я полагала, что наши места окажутся позади, ибо ваш отец является посланником, а не послом³⁵, но так как жен послов и ни одной другой из жен посланников не было – они почти все за городом – я имела удовольствие стоять впереди. Зрелище было великолепным. Императора и императрицы³⁶ в городе не было, но присутствовали великие князья и княгини. Дамы были в белых шелковых или атласных туалетах, белых шляпках и украшениях, большинство или все с широкими алыми лентами ордена Св. Екатерины³⁷ и драгоценностями. В том же приделе во всем блеске располагались высшие правительственные сановники. На нашей стороне послы и посланники в мундирах, украшенных золотым шитьем и множеством орденов. Стоявший рядом со мной баварский посланник барон Гассер³⁸ в ярко-красном мундире и белых брюках с орденами на груди – сплошная масса золотого шитья – производил блестящее впечатление.

Я не знаю, как и описать одеяния священников, столь великолепными они были. Многие в шелковых или атласных белых одеяниях, почти полностью покрывавших другую их одежду. Верхние одежды – ризы, закрывавшие затылок, были темно-малинового

бархата, негнувшиеся от золотого шитья и камней, выглядевших как драгоценные. Большинство священников высокие, хорошо выглядящие мужчины, все с длинными волосами и бородами. Церковные прислужники, державшие свечи, знамена³⁹ и т. п., были в одеждах из желтой с золотом материи. Митрополит в розовом шелковом одеянии с золотыми фигурками и белой короне, усыпанной драгоценностями⁴⁰. Церковь (насколько мы могли видеть) была полна офицерами; с одной стороны гвардия императрицы в белом⁴¹, с другой – группа офицеров в роскошной униформе. За ними могли быть люди в штатском платье, но я никого не видела. В русских церквях за алтарем находится святилище⁴², с большими дверями из резного дерева, позолоченного, как я полагаю. В это святилище не может войти ни одна женщина, даже императрица, но может любой мужчина. Когда мы были у дверей святилища в соборе Св. Исаакия, ваш отец вошел в них, и Роберт, ливрейный слуга, последовал за ним, сняв шпагу. Священник покачал головой, когда я заглянула, и мысль о том, что произойдет, если я войду, пришла мне в голову. Я после читала, что в таких случаях церковь должна быть заново освящена.

Но вернемся, представь всех на своих местах во всем великолепии, которое эта страна может придать зрелищу! Алтарь просторный; с одной стороны – хор из мужчин и мальчиков в малиновых одеждах; с другой – в голубых, отделанных зо-

Александровская лавра. Современная фотография

лотом. В России в церквях нет органов, но пение было самое восхитительное. Детские голоса – дисканты и богатые контральто. Мужские – превосходные тенора и глубокие басы, подобные звукам органа. Мы простояли (в греческой церкви никто не сидит) два часа, и пение, кажется, продолжалось половину этого времени. Не было ни единой ошибки; была нежнейшая, благозвучнейшая гармония, полнейшее и богатейшее совершенство пения. При исполнении антифонов⁴³ звук умирал в долгом, мелодичном диминуэндо, произвисте которое казалось сверх возможности человеческого горла. К концу службы двери святилища закрылись, за ними был опущен красный занавес, и я подумала, что все закончилось, как священники и прислужники вернулись. Теперь они пели что-то ангельское, и двери открылись снова.

Митрополит с большинством духовенства значительную часть времени провел за дверями.

Я утомлю тебя, если попытаюсь описать непрестанные поклоны, крестные знамения и падения ниц, которые проделывали священники и присутствовавшие. Постоянно кадили. Использовалось некое особенное устройство – два триединых подсвечника: три свечи в нескольких дюймах друг от друга, горящие единым пламенем на одном подсвечнике⁴⁴. Митрополит берет по одному в каждую руку и осеняет ими народ направо, налево, перед собой и затем скрещивает их. Это повторялось несколько раз, у многих священников тоже прекрасные голоса. По окончании службы несколько священников подошли к императорской семье, неся две иконы (большие картины, на которых все, кро-

ме лиц и рук, покрыто золотом и драгоценными камнями), которые они целовали, крестясь и кланяясь. Священники затем образовали процессию и пронесли три иконы и несколько знамен по улицам к церкви Казанской богородице или две. Толпы людей стояли вдоль улиц.

Сегодня днем мы пошли на Марсово поле посмотреть гулянье. Там было устроено большое сооружение наподобие театра, а в нем жонглеры, карусели и различные увеселения для народа. Были огромные самовары и множество людей, пивших чай и евших хлеб и пироги. Продавались фрукты, а также большие картины, прославлявшие доблесть Св. Александра. Толпа была спокойная и добродушная, надеявшаяся, как мне сказали, выпить вечером, т. е. этого желала ее мужская часть⁴⁵.

¹ Александр I Павлович (1777–1825) – старший сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, в 1801–1825 гг. – император России.

² Смит Уильям Штойбен (1787–1850) – внук президента США Дж. Адамса и племянник Дж. К. Адамса. В 1809–1812 гг. – личный секретарь американского посланника в России.

³ Имеется в виду Александро-Невская лавра.

⁴ Т. е. Невского проспекта.

⁵ Шенк де Кастел Дешинген, граф – посланник Вюртемберга в России.

⁶ Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф – российский государственный деятель и дипломат. С 1779 г. камергер, с 1801 г. сенатор и член Государственного совета, с 1807 г. управляющий МИД, в 1808–1814 гг. министр иностранных дел, с 1809 г. государственный канцлер, в 1810–1812 гг. председатель Государственного совета. Из-за разногласий с Александром I постепенно отошел от дел, в 1814 г. вышел в отставку, сохранив пожизненно звание канцлера. Крупный коллекционер, bibliophil, основатель Румянцевского музея.

⁷ Александр Невский, скончавшийся 14 ноября 1263 г., был первоначально погребен в соборной церкви Рождественского монастыря во Владимире. В 1380 г. его мощи были найдены нетленными и положены в раке поверх земли. В 1547 г. князь был причислен к лику святых, а в 1697 г. суздальский митрополит Илларион поместил мощи в новую раку, украшенную резьбой и покрытую драгоценным покровом. В 1753 г. повелением императрицы Елизаветы Петровны мощи были перенесены в пышную серебряную гробницу, на изготовление которой мастерами Сестрорецкого оружейного завода пошло около 90 пудов серебра. В 1790 г. после завершения строительства собора Пресвятой Троицы гробница была перенесена в этот собор и размещена за правым клиросом. В 1922 г. гробница была передана в Государственный Эрмитаж, где экспонируется и поныне. Сами мощи св. Александра Невского были переданы в Музей истории религии и атеизма, а в 1989 г. возвращены в Троицкий собор Александро-Невской лавры. Описание гробницы см.: Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра 1713–1913. СПб., 1997. С. 530–532.

⁸ Елизавета Алексеевна (1779–1826), урожд. Луиза Мария Августа принцесса Баден-Дурлахская – с 1793 г. супруга вел. кн. Александра Павловича, с 1801 г. – императрица России.

⁹ Мария Федоровна (1759–1828), урожд. Доротея София Августина Луиза принцесса Вюртембергская – с 1776 г. супруга вел. кн. Павла Петровича, с 1796 г. императрица России. Мать императоров Александра I и Николая I.

¹⁰ Николай Павлович (1796–1855) – вел. кн., сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, в 1825–1855 гг. – император России.

¹¹ Михаил Павлович (1798–1855) – вел. кн., младший сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. С рождения (фактически с 1819 г.) генерал-фельдцейхмейстер, с 1844 г. главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами, с 1826 г. член Государственного совета, с 1834 г. сенатор.

¹² Анна Павловна (1795–1865) – вел. кн., дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. В 1816 г. вышла замуж за наследного принца Вильгельма Оранского, с 1840 г. королева Нидерландов.

¹³ Екатерина Павловна (1783–1818) – вел. кн., дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, в 1809–1812 гг. супруга принца Г. П. Ольденбургского, затем Фридриха Вильгельма Карла крон-принца Вюртембергского, с 1816 г. королева Вюртемберга.

¹⁴ Ольденбургский (Петр Фридрих Георг) Георгий Петрович (1784–1812) – принц. С 1808 г. генерал-губернатор Эстляндии, в 1809–1812 гг. генерал-губернатор Тверской, Ярославской и Новгородской губерний и главный директор путей сообщения. Первый муж сестры императора Александра I вел. кн. Екатерины Павловны.

¹⁵ Вюртембергский Александр Фридрих Карл (1771–1833) – принц, родной брат императрицы Марии Федоровны. На русской службе с 1800 г. в чине генерал-лейтенанта. В 1811–1812 и 1815–1822 гг. белорусский военный губернатор, в 1812–1815 гг. в действующей армии, в 1815–1822 гг. главноуправляющий путями сообщений, с 1826 г. член Государственного совета.

¹⁶ Имеется в виду Амвросий, в миру А. И. Подобедов (1742–1818) – митрополит (с 1801 г.) Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, первенствующий член Св. синода, архимандрит Александро-Невской лавры.

¹⁷ Речь идет о причте и хоре придворной церкви, находившейся в Зимнем дворце.

¹⁸ *Te Deum laudamus* (лат.) – «Тебе Бога хвалим» – начальные слова католического благодарственного гимна, приписываемого Амвросию Медиоланскому и исполнявшегося по случаю победы или какого-либо торжественного события. Этим термином автор, как и многие другие иностранные наблюдатели в России, обозначал благодарственные молебны в православных храмах, на которых ему приходилось неоднократно присутствовать.

¹⁹ Дж. К. Адамс имеет в виду трикирий и дайкирий, употребляемые во время архиерейских богослужений для благословения верующих.

²⁰ Кокс Уильям (1747–1828) – английский путешественник и историк. Его трехтомные заметки «*Travels into Poland, Russia, Sweden and Danemark*», опубликованные в Лондоне в 1784–1790 гг., были широко известны и неоднократно переиздавались.

²¹ Имеется в виду завеса, прикрывающая царские врата со стороны алтаря. Она подвешивается на металлических кольцах к медному стержню и то открывается, то закрывается, в определенные моменты по ходу богослужения, скрывая престол от взоров молящихся.

²² Вел. кн. Анне Павловне было 15 лет.

²³ Речь идет о медали «В память Отечественной войны 1812 г.». На ее аверсе было изображено лучезарное «всевидящее око», под которым располагалась дата «1812 годъ», на реверсе надпись, приведенная Дж. К. Адамсом. Серебряная медаль на голубой андреевской ленте для ношения на груди предназначалась строевым офицерам и солдатам армии и ополчения, участвовавшим в боевых действиях в 1812 г. Из нестроевых ее получали священники и медицинские чины, находившиеся под огнем.

²⁴ Горчаков Алексей Иванович (1770–1817) – русский военачальник. С 1781 г. числился в л.-гв. Преображенском полку. С 1790 г. полковник. Участник многих войн. В царствование императора Павла I стал генерал-майором, затем генерал-лейтенантом, побывал в отставке. В 1812–1816 гг. управляющий военным министерством. С 1814 г. генерал от инфантерии, с 1804 г. сенатор, с 1815 г. член Государственного совета. Племянник А. В. Суворова.

²⁵ Александр Александрович (1845–1894) – вел. кн., второй сын императора Александра и императрицы Марии Александровны, в 1881–1894 гг. император России Александр III.

²⁶ Адмира Лотроп излагала дошедшую до нее в искаженном виде историю захоронения св. Александра Невского.

²⁷ Автор отождествлял собор Пресвятой Троицы Александро-Невской лавры и саму лавру.

²⁸ Исидор, в миру Я. С. Никольский (1799–1892) – митрополит (с 1860 г.) Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, архимандрит Александро-Невской лавры, фактически первоиерарх Русской православной церкви.

²⁹ Предношение креста во время выходов и выездов было одним из патриарших отличий. Митрополит Исидор был удостоен не только этого отличия, но и права ношения двух панагий.

³⁰ Форма для американских дипломатов была установлена в 1813 г. госсекретарем США Дж. Монро. Со временем изменялась, но почти всегда вызвала протест у дипломатов.

³¹ Уиртс Джордж – американский дипломат, в 1884–1893 гг. секретарь дипломатической миссии в России.

³² Анн – дочь Лотропов, впоследствии вышедшая замуж за прибалтийского барона фон Хойнинген Хёне.

³³ Элен – дочь Лотропов, вышла замуж за преподобного д-ра У. Пралла, издавшего письма ее матери.

³⁴ Салтыков Николай Иванович (1830–1901), светлейший князь – российский придворный. Обер-шенк и церемониймейстер императорского двора.

³⁵ США вплоть до принятия в 1893 г. закона о назначении послов в порядке взаимности и присоединения к Венскому регламенту 1815 г. были представлены во всех странах, имевших с ними дипломатические отношения, посланниками (полное название – *Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary* – чрезвычайный посланник и полномочный министр) и, соответственно, принимали у себя дипломатов аналогичного ранга.

³⁶ Мария Федоровна, урожд. Мария София Фредерика Дагмар принцесса Датская (1847–1928) – с 1866 г. супруга вел. кн. Александра Александровича, в 1891–1894 гг. императрица России.

³⁷ Орден Св. великомученицы Екатерины был учрежден Петром I в 1714 г. и предназначался для награждения особ женского пола (единственным исключением был светлейший князь А. Д. Меншиков). Носился на красной ленте с серебряной каймой через правое плечо. Великие княжны получали орден при крещении, а княжны императорской крови – по достижении ими совершеннолетия.

³⁸ Гассер Рудольф, барон фон (1829–1904) – австрийский дипломат. В 1864–1883 гг. посол Австро-Венгрии в Штутгарте, Дармштаде и Дрездене, барон с 1866 г., в 1883–1903 гг. посланник Австро-Венгрии в России.

³⁹ Речь идет о хоругвях – иконах на материи или металле, прикрепленных к древкам в виде знамен.

⁴⁰ Имеется в виду клобук, белый цвет которого являлся принадлежностью сана патриарха, а в синодальный период – митрополита. Кроме того, во время богослужения на головы епископов и других иерархов церкви возлагаются митры, украшенные образками и цветными камнями. Митрополит Исидор в 1877 г. был пожалован «митрою, украшенной драгоценными камнями с водруженным на ней по киевскому обычаю крестом».

⁴¹ Белую форму носил Кавалергардский лейб-гвардии ее величества полк, шефом которого со 2 марта 1881 г. состояла императрица Мария Федоровна.

⁴² Имеется в виду иконостас и расположенные в нем царские врата, проходить через которые могут только священнослужители.

⁴³ Антифон – песнопение, исполняемое поочередно двумя хорами.

⁴⁴ А. Лотроп описывает трикирий, но она ошибается, отмечая, что их было два. На самом деле во время службы помимо трикирия используется еще и двухсвечный дайкирий. См. примечание 19.

⁴⁵ Интересно сравнить рассказ А. Лотроп с отчетом о празднике, помещенном в одной из столичных газет. «Крестный ход из Исакиевского собора к Александро-Невской лавре. Крестный ход с хоругвями, иконами и крестом сопровождало многочисленное духовенство, в праздничных светлых облачениях. В Казанском соборе встречено местным духовенством, которое примкнуло к нему... Сюда прибыли к 11 часам все находящиеся в Петербурге высшие государственные сановники, придворные чины, члены государственного совета, министры, сенаторы, генералитет, члены дипломатического корпуса, придворные дамы и прочие высокопоставленные особы. Все присутствовавшие были в полной парадной форме, со всеми орденами и регалиями. Божественную литургию совершал высокопреосвященный митрополит Исидор, и благодарственный молебен был соборно отслужен всем духовенством лавры и столичных церквей. По окончании богослужения крестный ход при колокольном звоне, возвратился в том же порядке. Устроенное на Марсовом поле гуляние с обычными играми, представлениями, картинами и прочим привлекли, несмотря на пасмурную погоду, массы народа. Вечером город был иллюминирован». «Новости или Биржевая газета». 31 августа 1885 г. № 239. С. 2.

Национальные православные церкви и приходы Петербурга

Т. М. Смирнова

Формирование национальных диаспор Петербурга сопровождалось строительством храмов и созданием церковных приходов, служивших центрами не только религиозной, но и культурной жизни общин в целом. Отдельные православные приходы и церкви действовали в разные периоды для грузинской, греческой, эстонской, латышской диаспор Петербурга.

Непростая история вхождения Грузии в состав Российской империи привела в Петербург представителей нескольких династий различных грузинских царств. Синодальным определением 4 марта 1734 года грузинскому игумену Евстафию и священнику Христофору было разрешено совершать регулярные богослужения в церкви Кадетского корпуса для грузинского царевича Вахтанга и его домочадцев¹. И хотя в той церкви грузинское духовенство служило относительно недолго, начало было положено. Члены грузинских царских семей в своих петербургских домах освящали церкви, а при переезде по другим адресам переводили за собой и церкви. Первая такая церковь была устроена в доме грузинской царицы Анны, вдовы царя Симеона, в 1745 году, в бывшем дворце Петра II (Университетская набережная, 11), принадлежавшем уже Кадетскому корпусу. Церковь святителя Николая Чудотворца, специально перевезенная для царицы из Москвы, действовала в доме до ее кончины. До 1762 года действовала церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в доме некоего грузинского царевича (ни имя царевича, ни его адрес в Петербурге неизвестны)².

Царица Дарья, третья супруга умершего грузинского царя Ираклия II, который в 1783 году подписал Георгиевский трактат о протекторате России над Грузией, в 1803

году была выслана в Петербург, где поселилась в наемном доме в приходе Симеоновской церкви. В июле 1804 года в доме царицы Дарьи была освящена церковь, закрытая после ее кончины в 1807 году³.

Известна также церковь Похвалы Пресвятой Богородицы в доме царевича Иуллона, сына царя Ираклия II. После присоединения Восточной Грузии к России (1801) царевич поднял восстание, в 1805 году попал в плен и был сослан сначала в Тулу, а потом в Петербург, где и умер в 1816 году. А его домовая церковь упоминается еще и 10 лет спустя⁴.

На Литейном, 13, в доме еще одного сына Ираклия II, царевича Фарнаваза, в апреле 1845 года была освящена церковь Преображения Господня. В 1850 году царевич переехал в дом сенатора А. Денфера, куда была перенесена и церковь. А в 1852 году, после смерти Фарнаваза, церковь еще раз сменила адрес – она была перенесена в дом его дочерей Елены и Саломии на Владимирский пр., 14, где функционировала до 1867 года. В этой церкви хранилась фамильная реликвия – ковчег с частицами мошей великомученика Георгия и святителя Иоанна Златоуста, частицы ризы Богородицы и Креста Господня. После смерти Елены и закрытия церкви ковчег был отдан в собор Царского Села⁵.

На 9-й линии Васильевского острова, в доме 4, почти 30 лет – с 1818 по 1846 год – действовала церковь Спаса Нерукотворного. В этом доме жил царевич Теймураз, один из сыновей последнего грузинского царя Георгия XIII. После присоединения Грузии к России он бежал в Персию, но в 1810 году сдался русским властям и был отослан в Петербург. В столице он занялся научной работой: собирал и переводил рукописи, исследовал род-

ной язык. За свою деятельность царевич в 1837 году был избран академиком. Домовая церковь была закрыта в связи со смертью владельца⁶.

На Васильевском острове находилась еще одна грузинская церковь – в доме царевны Елены, урожденной княжны Амилахвари, на Большом пр., 6, угол 2-й линии, 13. Церковь Спаса Нерукотворного была освящена в 1845 году и действовала до смерти Елены в 1866 году⁷.

В 1810 году к России была присоединена Западная Грузия. Вдова имеретинского царя Давида (внука Ираклия II) Анна была отослана в Петербург с невесткой и внуком. В доме, где они поселились, в феврале 1811 года была освящена церковь Рождества Христова. После смерти Анны церковь перешла к царице Марии, жене имеретинского царя Соломона II, другого внука Ираклия II, и действовала до 1841 года, когда была упразднена уже в связи со смертью последней⁸.

Таким образом, многочисленные домовые грузинские церкви упразднились из-за смерти владельцев. Но в Петербурге была величайшая грузинская святыня, доступная всем православным – в Красногорской Большеохтинской часовне на Георгиевской улице находилась чудотворная икона Грузинской Божией Матери, праздник которой отмечался 22 августа⁹. Между тем грузинская община Петербурга росла, и в начале XX века насчитывала около 6 тысяч человек. Для удовлетворения потребностей верующих в октябре 1905 года в Духовной академии впервые была проведена литургия на грузинском языке, затем ежемесячно, каждый первый понедельник, службы проходили в церкви Таврического дворца. Но петербургские грузины хотели создания

собственного прихода, и в 1908 году светлейшая княгиня Е. А. Багратиони начала сбор пожертвований на постройку отдельного грузинского храма св. Нины, однако он протекал вяло¹⁰.

В начале 1916 года в Синод было передано прошение комитета проживавших в Петрограде грузин, датированное 15 декабря 1915 года, об учреждении отдельного прихода. 10 марта 1916 года Синод разрешил учредить особый приход для петербургских грузин и назначить туда штатного священника и псаломщика с казенным жалованьем. До постройки собственного грузинского храма Петроградскому митрополиту предлагалось отвести для прихода одну из столичных церквей¹¹. 19 ноября 1916 года петербургским грузинам временно была предоставлена для богослужений старинная (освящена в 1760 году) церковь Трех Святителей вселенских Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста на Васильевском острове, в ограде Андреевского собора. Следует отметить, что храм именно в этом месте мог быть выделен не случайно: упоминавшаяся ранее церковь в доме грузинского царевича Теймураза (В.О., 9-я линия, 4) располагалась именно в приходе Андреевского собора. Кроме того, в Трехсвятительской церкви не было собственного прихода и прихода. 14 января 1917 года епископы Кирилл и Антоний открыли в церкви Трех Святителей отдельный грузинский приход, в котором служил о. Иосиф Чинджавадзе¹². Грузинский приход просуществовал чуть больше года и закрылся в марте 1918 года из-за отъезда прихожан из Петрограда, но церковь действовала как обычный православный храм. Однако в январе 1930 года церковь была закрыта, а в ее помещении расположилась трикотажная фабрика¹³. Через 60 лет, в 1991 году, церковь Трех Святителей была передана общине Андреевского собора и снова стала действующей.

В 1989 году в Ленинграде проживало 7,8 тысячи грузин. В 1990-е годы их численность значительно увеличилась. Согласно переписи 2002 года в городе их было 10,1 тысячи человек, что представляется маловероятным. Грузинская диаспора Петербурга живет насыщенной

национальной культурной жизнью, составной частью которой является и церковная традиция. В 1992 году возрожденному грузинскому православному приходу (настоятель Скירתладзе) была передана церковь иконы Шестоковской (Шестаковской) Божией Матери на Старорусской ул., 8, угол Кирилловской ул., 2 (архитектор Н. Н. Никонов, построена в 1896–1901 годах для Шестаковского Вознесенского женского монастыря Тверской епархии, закрыта в советский период). В церковь была перенесена икона Трех Свя-

тителей вселенских Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста из храма на Васильевском острове. 19 мая 2002 года церковь Шестоковской Божией Матери освящена митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским о. Владимиром и представителем Грузинского патриархата Ахалцихским епископом Федором (Чуадзе). Настоятель церкви о. Роман Вепхвадзе, священник о. Лаврентий Бетлимишвили¹⁴.

***

Греки в Петербурге могли посещать любые православные храмы, но стремились услышать в церкви родную речь. Поэтому, когда греческая колония города после Крымской войны (1853–1856) выросла, богослужения для нее на греческом языке стали совершаться в утреннее время в одном из приделов Казанского собора. Позднее для этих служб был специально приглашен из Константинополя архимандрит Григорий Виглерис. Но этого оказалось недостаточно, и видные деятели греческой общины ходатайствовали об учреждении отдельного прихода и возведении собственной церкви в районе своего компактного расселения. В 1859 году ходатайство было удовлетворено, и греки получили место для строительства собственной церкви на Летней Конной площади у Лиговского канала (адрес в XX веке – Лиговский проспект, 6). Основ-

Церковь Трех Святителей

Икона Трех Святителей

ные средства на строительство внес грек-предприниматель, отставной поручик Димитрий Георгиевич (Егорович) Бенардаки. Очень помогли с решением вопроса о греческом храме официальные лица – посланник Греческого королевства в Санкт-Петербурге князь И. М. Суццо и консул И. Г. Кондоляки, затем много делал и новый посланник г. Метакса. Жертвовали на постройку и содержание храма также князь А. Мурузи, генерал С. А. Костанди, Ф. Родоконаки, семейство г. Хартулари и др.¹⁵

25 мая 1861 года митрополитом Исидором была заложена однокупольная церковь Св. великомученика Димитрия Солунского со звонницей и дома причта при ней. 31 мая 1865 года в присутствии греческого посла и общины в национальных костюмах митрополит Исидор освятил главный, а 26 октября 1866 года – последний придел церкви¹⁶. В связи с постройкой храма была проведена новая планировка площади и появилась еще одна улица. В 1870-е годы площадь была переименована в Греческую, а образовавшаяся новая улица названа Греческим проспектом¹⁷.

Проект церкви в византийском стиле выполнил профессор архитектуры Р. И. Кузьмин, долгое время живший в Греции. Современники считали греческую церковь уменьшенной копией великой христианской святыни – Софии Константинопольской. Живопись восковыми красками была выполнена профессором П. М. Шамшиным и художником К. Л. Бремсоном, который готовил краски по собственному оригинальному рецепту. Иконы для храма были написаны в Греции. В церкви был одноярусный иконостас, вырезанный из ореха¹⁸.

В церкви хранились списки чтимых греками чудотворных икон «Благовещение», «Богоматерь Елеуса (Милующая)», «Преподобномученица Параскева» и крест с частицей Животворящего Креста¹⁹. В алтарной апсиде была огромных размеров фреска «Тайная вечеря». Храм имел и свою местную икону – образ Димитрия Солунского. Интерьеры отличались от русских православных храмов: по примеру греческих церквей, здесь были места для сидения, а вместо паникадила под куполом на железных полосах на-

Церковь Шестоковской
Божией Матери

ходился серебряный обруч (хорос) для 200 свечей, что давало хорошее и равномерное освещение. Под храмом находился подвальный этаж с плоским сводом, опиравшимся на один столб в центре, там были пневматические печи для отопления, и располагалась крипта с приделом для панихид. В крипте впоследствии были похоронены Д. Г. Бенардаки с супругой и их сын Константин²⁰, тела которых мумифицировались естественным образом, что выявилось при сношении церкви.

Церковь Шестоковской
Божией Матери

Храм вмещал тысячу человек, службу вели на греческом и церковнославянском языках. Первоначально, еще до завершения всех работ, в храме служило духовенство церкви Святых Симеона и Анны (Моховая ул.), приглашенное по предложению князя Мурузи, который жил в приходе той церкви. Духовник семейства Мурузи о. Василий Смарагдов имел прекрасное греческое произношение. Весной 1866 года из Греции прибыл постоянный причт, назначенный Афинским синодом, так как церковь подчинялась греческому посольству. Первым настоятелем храма с его освящения и до своей смерти в 1892 году был архимандрит Неофит Пагидас (Стефан Антонович). Вместе с ним несколько лет служил иеродиакон Мисаил Калиспери, однако в начале 70-х годов он и некоторые другие греческие священнослужители, не сумевшие приспособиться к петербургскому климату, вернулись в Грецию. Греческое посольство приняло решение принять в помощь о. Неофиту постоянного русского священника. Им стал о. Михаил Уствольский. Вместе с ним принимали участие в праздничных богослужениях его сыновья-семинаристы Михаил и Стефан. После смерти о. Михаила в церкви последовательно служили русские священники о. Софроний Горонович из Полтавы, о. М. Буткевич, о. Петр Пречистенский. В богослужениях участвовали и другие священники²¹.

В течение двух лет, с 1892 по 1894 год, настоятелем греческой церкви был архимандрит Прокопий Кукуларис, после него (до 1907 года) – архимандрит Агафангел Георгиадис, а последним перед революцией настоятелем – архимандрит Софроний Дука. Хор для церкви организовал г. Коноплев. Композитор и хормейстер К. А. Брагин написал специально для церкви греческую обедню. Регентами в храме в разное время также были г. Кислов и Н. И. Григорьев²².

Престольным праздником греческого храма был день святого великомученика Димитрия Солунского (Фессалоникского) 26 октября (8 ноября). Кроме главного праздника, в храме особо торжественно отмечали также Благовещение, день освобождения Гре-

ции от турецкого ига – 25 марта и дни греческого царского дома²³.

В 1886 году в греческой церкви были проведены реставрационные работы под руководством архитектора К. С. Афанасьева. Тогда же эрмитажный реставратор обновил росписи храма. В 1907 году петербургские греки получили разрешение на строительство собора, но не воспользовались им. Греческий храм на Лиговском проспекте действовал до 1938 года. Летом 1938 года церковь Св. Димитрия Солунского была закрыта, в 1964 году как «малохудожественная» была снесена для постройки на ее месте БКЗ «Октябрьский»²⁴. В настоящее время отдельного греческого прихода в Петербурге нет, но с 2002 года время от времени богослужения на греческом языке проводятся в церкви Духовной академии (службу ведет В. Анцибор, декан факультета иностранных студентов) и в церкви Димитрия Солунского в Коломягах.

***

Православие в Прибалтике получило распространение с первой трети XIX века, когда в 1836 году в Риге была учреждена православная кафедра. Однако это вызвало конфликт с лютеранским немецким дворянством в Прибалтике, и православные эстонцы и латыши стали переселяться в другие регионы Российской империи. Не зная русского языка, в Петербурге они были вынуждены посещать лютеранские кирхи – эстонскую и латышскую, действовавшие с 1840-х годов. Но такая ситуация не устраивала ни верующих, ни церковные власти.

Эстонцы в конце XIX века в Петербурге и губернии составляли значительную группу населения – их насчитывалось более 64 тысяч человек, причем 60 процентов (39,6 тысячи) проживали в сельской местности. В Петербурге в тот период проживало до 10 тысяч эстонцев²⁵. Большинство эстонцев были лютеранами, но было немало и православных. Для православных эстонцев, проживавших в Петербургской губернии, богослужения на родном языке в тот период проходили в шести храмах (Павловский собор в Гатчине, Николаевская церковь в с. Заянье Гдовс-

кого уезда, Андреевский собор в Кронштадте, Екатерининский собор в Луге, Троицкая церковь в с. Клопицы Петергофского уезда, Знаменская церковь в Нарве)²⁶.

В Петербурге православные эстонцы, которых насчитывалось около 4 тысяч человек, селились преимущественно в Коломне. Некоторые верующие специально ездили по воде в Кронштадт, чтобы посетить православную службу на родном языке в Андреевском соборе. Но в начале 1890-х годов ситуация стала улучшаться. В ноябре 1892 года в Покровском храме Санкт-Петербургского Епархиального Братства Пресвятой Богородицы на Боровой ул., 50, были проведены первые в Петербурге православные вечерни на эстонском и латышском языках. Эта церковь была центром прозелитизма (перехода в православную веру из других христианских конфессий и иных вероисповеданий) в Петербурге, в ней также велись службы на немецком и английском языках, совершалось присоединение к православию (крещение) евреев и мусульман. Первые службы для православных эстонцев совершал кронштадтский священник о. Адам Симо, для латышей – ректор Духовной семинарии архимандрит Питирим (Окнов), выходец из Латгалии²⁷.

Первая православная литургия (обедня) на эстонском языке состоялась 2 января 1893 года в храме Воскресения Христова в Малой Коломне, в его нижней церкви

Михаила Архангела, на Воскресенской (ныне Кулибина) площади в створе Торговой (ныне Союза Печатников) улицы. В дальнейшем эстонские службы проводились по воскресным и праздничным дням. С 1894 года здесь же шли службы и для православных латышей²⁸.

31 декабря 1894 года при церкви Михаила Архангела (Воскресенской) был учрежден самостоятельный эстонский православный приход во главе со священником Павлом Петровичем Кульбушем, выпускником Санкт-Петербургской духовной академии. (В декабре 1917 года о. Павел постригся в монашество под именем Платон и был рукоположен в сан епископа Ревельского, а 15 января 1919 года трагически погиб. Канонизирован Русской православной церковью как новомученик²⁹.)

Латышский православный приход был учрежден несколько позже. В начале XX века богослужения на латышском языке совершались в надвратной Скорбященской церкви (церкви иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радости») Александро-Невской лавры. Церковь создана по проекту архитектора И. Е. Старова в 1783–1785 годах. Службы проводил о. Адам Петрович Симо, специально приезжавший из Гдовского уезда, где он в то время был сельским священником. 20 ноября 1903 года петербургский митрополит Антоний обратился в Синод с просьбой учредить постоянный причт при Скорбященской церкви

Церковь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радости» (Надвратная церковь Александро-Невской лавры)

для богослужений на латышском языке. Такое разрешение было дано 19 декабря 1903 года, а 12 января 1904 года указом Синода при том храме был учрежден отдельный латышский приход во главе с о. Адамом Симо³⁰.

На основе эстонского прихода выросло новое русско-эстонское православное Братство во имя священномученика Исидора Юрьевского (утоплен в проруби в Крещенье 1492 года в Юрьеве – Тарту). Священник Павел Кульбуш и протоиерей Философ Орнатский (председатель Общества религиозно-нравственного воспитания) составили устав Братства, утвержденный 8 июня 1898 года. Согласно уставу, задачи нового братства состояли в подробном и основательном изучении православного учения, чтобы давать ответы «всем вопрошающим и наставлять всех нуждающихся в этом», а также знакомиться с обличением сект, «чтобы в житейском быту уметь защищать православное учение и поддерживать колеблющихся». Понятно, что такие задачи были весьма актуальны для православных эстонцев, так как большинство их соотечественников принадлежали к лютеранской церкви. Кроме религиозных задач, приход и братство ставили перед собой также задачи благотворительности, обучения детей и национально-культурного развития прихожан, что превращало их в центр культурной жизни петербургских православных эстонцев. Интересно, что членами братства могли быть не только православные эстонцы, но и представители других национальностей³¹.

Торжественное открытие братства состоялось 29 ноября 1898 года в зале Общества религиозно-нравственного просвещения. Председателями братства до 1917 года были последовательно епископы Гдовские, vikарии Санкт-Петербургской епархии Вениамин (Муратовский) (до 1901), Константин (Булычев) (до 1904), Кирилл (Смирнов) (до 1910), Вениамин (Казанский) (по 1917), но практически всю работу возглавлял о. П. Кульбуш. Русско-эстонское православное братство объявило сбор средств на строительство собственного храма, и первым жерт-

Эстонская православная церковь Исидора Юрьевского

вователем стал о. Иоанн Кронштадтский, внесший 300 рублей³².

Место для церкви было получено на Екатерингофском проспекте (ныне – Римского-Корсакова), 24, на углу с Лермонтовским проспектом, 11. Член братства архитектор А. А. Полещук в 1902 году создал проект трехпридельной пятиглавой двухэтажной церкви на 720 человек с примыкающим домом для школы с общежитием, залом для бесед на 300 человек, книжным складом и библиотекой. 30 марта 1903 года была освящена деревянная часовня, закладка каменного храма состоялась 24 августа, а 21 декабря того же года епископ Гдовский Константин (председатель братства) освятил при участии о. Иоанна Кронштадтского

временную церковь. На освящении о. Иоанн выступил с прочувствованным словом: «Этот храм для эстонского народа, но не чужд и для русских православных людей, здесь живущих... все службы и таинства будут совершаться в нем не только по-эстонски, но и по-русски... соединять людей двух народностей в одно духовное тело». Два придела верхнего храма – главный, во имя Исидора Юрьевского, и правый, преподобного Серафима Саровского, – были освящены в сентябре 1907 года, левый – апостолов Петра и Павла – в мае 1908 года. Нижний храм (часовня) святителя Николая Чудотворца освящен в марте 1908 года³³.

Здание церкви в русском стиле не отличалось особыми архитек-

турными достоинствами. Иконостас и образа для временной церкви исполнило Общество взаимопомощи русских художников. В постоянном храме был выполнен запрестольный витраж. В столярной мастерской П. С. Абросимова по рисункам архитектора А. А. Полещука были сделаны двух- и трехъярусные иконостасы, образа для них писал художник В. Т. Перминов. Престолы были облицованы белым каррарским мрамором. Святынь в храме не было, но в 1910 году из дворцовой церкви великого князя Павла Александровича была передана маленькая икона с изображением преподобного Серафима, написанная на части того камня, на котором он, по церковному преданию, простоял на молитве тысячу дней³⁴.

Богослужения в храме проводились ежедневно, в будни все службы, а по воскресеньям и праздникам – ранние обеды – проходили на церковнославянском языке, субботние всенощные были смешанными, а поздние литургии – на эстонском. Главным храмовым праздником был праздник священномученика Исидора 8 (21) января. Службы часто совершали православные эстонские священники из других церквей (из Гатчины – А. П. Симо, из Кронштадта – Н. А. Симо, из Клопиц – П. А. Саар, из Луги – М. М. Вийк). Взрослых прихожан в 1911 году было 2453 человека³⁵.

При братстве работали два любительских хора – эстонский и русский, под руководством А. К. Оя и К. П. Пуу, и струнный квартет под управлением К. Ф. Кикаена. Часто в церкви пел хор Императорской оперы под управлением М. П. Нийта, который занимался переложением православных песнопений на эстонский язык³⁶.

Русско-эстонское православное братство и эстонский приход вели также большую просветительскую работу. В октябре 1896 года была открыта эстонская церковно-приходская школа с 5-летним сроком обучения и двумя классами (для мальчиков и девочек), она работала до июня 1917 года. Изучались закон Божий (катехизис, богослужение, священная и церковная история), церковнославянский и русский языки, арифмети-

ка, геометрия, география, история, естествознание с основными сведениями по физике, химии, ботанике и зоологии, черчение, чистописание, чтение; проводились внеклассные занятия по пению, немецкому и французскому языкам; девочки учились рукоделию. В школе преподавали три приглашенных учителя и члены причта, учащихся в среднем насчитывалось 120–130 человек ежегодно, при школе работало общежитие на 25 мальчиков и 25 девочек. Весной 1909 года школа приняла участие в церковной школьной выставке по отделу «инородческих» школ. На выставке демонстрировались учебники, ноты с эстонскими песнопениями, работы учащихся – тетради, чертежи, рисунки, а также фотографии из школьной жизни. Экспозиция произвела благоприятное впечатление, поскольку училищный совет Синода неоднократно организовывал экскурсии для участников выставки непосредственно в эстонскую школу³⁷.

При эстонской церкви, в обширном зале для религиозных чтений и бесед, с 1905 года работала катехизаторская школа для взрослых с занятиями два раза в неделю. На книжном складе хранилась и реализовывалась религиозно-назидательная литература, в том числе на эстонском языке. Активно работали библиотека и читальня, начало которым положил проф. Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Лопухин, пожертвовав в 1900 году около 100 богословских книг. В читальне было до 20 наименований периодической печати, в том числе эстонские издания «Eesti Postimees», «Uus Aeg», «Valgus», «Olevik», «Linda». Братство осуществляло помощь больным, немощным, престарелым. Для преодоления проституции было учреждено Убежище для «безместных» девушек и женщин³⁸.

В 1918–1920 годы русские и эстонские богослужения неоднократно возглавлял митрополит Петроградский Вениамин. С 1918 года настоятелем Исидоровской приходской церкви служил протоиерей Александр Пакляр, священником о. Карп Эльб. При церкви был создан Детский союз, деятельность которого распространялась не только на приходских детей, но

и на содержащихся в приютах и интернатах. Детскую библиотеку в то время собрала Е. А. Кобко, работала духовная библиотека для взрослых, по воскресеньям читались лекции со световыми картинками и проводились религиозно-философские чтения для интеллигенции. В 1920-х годах в эстонском приходе действовал Благовестнический миссионерский кружок, он открыл наружную часовню при храме, где продавались свечи и церковные предметы. Вырученные средства шли на просветительскую деятельность и помощь голодающим, для которых также проводились денежные сборы. В августе–сентябре 1920 года в здании братства проводились концерты духовной и светской музыки³⁹.

Эстонский приход оказывал помощь Петроградскому богословскому институту, в 1923 году предоставил ему помещения эстонской церковно-приходской школы. Позднее приход содержал Свято-Троицкий собор Зеленецкого монастыря, Федоровский собор в Товарищеском пер., церковь Михаила Архангела за Невской заставой, Тихвинскую церковь в Лесном, церкви преподобного Серафима и Умиления в Петергофе, Борисоглебскую церковь на Калашниковской наб., Лаврскую киновию на Правом берегу Невы, Спиридоньевскую церковь в Ораниенбауме, Богоявленскую церковь на Гутуевском острове⁴⁰.

С начала 1930-х годов советская политика по отношению к религии и церкви значительно ужесточилась. В октябре 1931 года Скорбященская церковь латышского прихода по решению Ленгорисполкома была закрыта, в ней располагалась дирекция Музея городской скульптуры. В декабре 1931 года Ленсовет принял постановление об изъятии у Исидоровской церкви эстонского прихода зала для бесед, но верующие воспротивились и «дошли до Москвы», в результате чего постановлением ВЦИК от 1 августа 1932 года это решение было отменено. Однако администрация Октябрьского района не оставила попыток отобрать помещения и закрыть церковь, и 14 июня 1933 года члены прихода обратились в Ленинградский обком ВКП(б) с хода-

тайством. В нем, в частности, говорилось: «Имея в виду, что церковь наша является единственной в СССР церковью для православных эстонцев, что наш храм никогда не был местом распространения пропаганды каких бы то ни было направленных против советской власти учений, что закрытие церкви лишило бы огромную массу эстонцев, выходцев из Эстонии, возможности совершать религиозные обряды и фактически свело бы на нет предоставленную Конституцией свободу веро-

исповеданий, просим вас дать указание в том, чтобы храм наш оставался открытым для верующих»⁴¹. Благодаря настойчивости верующих закрытие церкви оказалось отложенным на полтора года. Но по постановлению президиума ВЦИК от 1 февраля 1935 года церковь была закрыта, впоследствии сильно переделана внутри и занята живописно-оформительским комбинатом⁴².

Возвращение обеих церквей Петербургской епархии (но без восстановления национальных

приходов) произошло в начале 1990-х годов: Скорбященской церкви – в 1993 году, Исидоровской – в 1994 году, и в том же году была освящена часовня в ее здании⁴³.

Конфессиональные различия населения Петербурга – во многом следствие многонациональности нашего города на протяжении всей его истории. Однако они не являются разделительным маркером, а тем более – барьером в реально существующей общности жителей Петербурга. Мы разные, но мы – вместе.

¹ Крылов Н. С. Документы о «национальных» православных приходах Петербурга в фондах РГИА // Город нашей общей судьбы: Материалы науч.-практ. конф. и семинаров / Под ред. Т. М. Смирновой. СПб., 2005. С. 166.

² Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Ист. церков. энциклопедия: В 3 т. СПб., 1994–1996. Т. 3. С. 291, 300–301.

³ Горгидзе М. Ф. Грузины в Петербурге: Страницы летописи культур. связей. Тбилиси, 1976. С. 105.

⁴ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 305–306.

⁵ Там же. С. 295, 307.

⁶ Горгидзе М. Ф. Указ. соч. С. 105, 115–117.

⁷ Там же. С. 109.

⁸ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 308.

⁹ Справочная книга для петербургских богомольцев / Сост. Л. Петров. СПб., 1883. С. 151.

¹⁰ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 232.

¹¹ Крылов Н. С. Указ. соч. С. 167.

¹² См.: Краткие сведения о церквях и священнослужителях Санкт-Петербурга. СПб., 1895. С. 4–5; Ведомости Санкт-Петербург. градоначальства. 1917. № 14.

¹³ Вечерняя красная газ. 1930. № 5.

¹⁴ Сатаева С. «Для Бога мы все одинаковы» // Многонациональный Петербург. 1999. № 1. Май.

¹⁵ О – Ъ А. К. Краткий исторический очерк Греческой посольской церкви в Петрограде. К 50-летию сооружения храма. Пг., 1915. С. 1–2, 4.

¹⁶ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 176.

¹⁷ Петров П. Н. Описание Греческой посольской церкви святого великомученика Димитрия Солунского в Санкт-Петербурге. СПб., 1865. С. 14; Городские имена сегодня и вчера: Петерб. топонимика: Справочник-путеводитель. Изд. 2-е. СПб., 1997. С. 38.

¹⁸ О – Ъ А. К. Указ. соч. С. 1–2; Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 176.

¹⁹ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 177.

²⁰ Петров П. Н. Указ. соч. С. 20, 22, 31–32; О – Ъ А. К. Указ. соч. С. 5.

²¹ О – Ъ А. К. Указ. соч. С. 4–6.

²² Там же. С. 6, 8.

²³ Там же. С. 1; Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 177.

²⁴ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 177.

²⁵ См.: Высочков Л. В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII – XIX в.) // Петербург и губерния: Ист.-этногр. исслед. Л., 1989. С. 120–121; Юхнёва Н. В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург. История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 26.

²⁶ Чижов А. (диако́н), Алексеев А. А. Русско-эстонский Исидоровский приход в Петербурге–Петрограде–Ленинграде (1894–1933) // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода: Сб. церков.-ист. ст. Л., 1989. С. 133.

²⁷ Кульбуш П. (свящ.). О православных эстонцах в Прибалтийском крае и в столице. СПб., 1897. С. 28; Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 134.

²⁸ Кульбуш П. Указ. соч. С. 29; Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 134.

²⁹ Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 134.

³⁰ Крылов Н. С. Указ. соч. С. 172; Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1.

³¹ Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 134–135.

³² Там же. С. 135; Кульбуш П. Указ. соч. С. 31–32.

³³ Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 135–138; Шульц С. С. (мл.). Храмы Санкт-Петербурга: История и современность. СПб., 1994. С. 120.

³⁴ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 190.

³⁵ Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 138–139.

³⁶ Там же. С. 138.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 139–140; Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 191.

³⁹ Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 140.

⁴⁰ Там же. С. 141.

⁴¹ Цит. по: Чижов А., Алексеев А. А. Указ. соч. С. 141.

⁴² Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 191.

⁴³ Шульц С. С. (мл.). Указ. соч. С. 120.

Карл и Эмилия. Легенда и быль

Н. В. Лаврентьев

Санкт-Петербургу всего триста лет, но в его летописях есть забытые имена, исчезнувшие реки и каналы, уничтоженные временем улицы. Часто с ними связаны романтические истории, оставшиеся в памяти людей.

Я хочу рассказать о давно исчезнувшей улице, долгое время носившей имена двух погибших влюбленных и проложенной рядом с местом их гибели и захоронения. Эта улица называлась проспектом Карла и Эмилии.

В рассказе собраны в одно целое все сведения, довольно разрозненные, о существовании этого проспекта и могилы Карла и Эмилии.

В микрорайоне, ограниченном с востока Тихорецким проспектом, с запада и юга – проездом Раевского, а с севера – Светлановским проспектом, между домами № 10, корпус 1 и № 12, корпус 1 по Тихорецкому проспекту начинается небольшая пешеходная дорожка, которая делит микрорайон на две почти равные части и доходит до Светлановского проспекта.

С декабря 1952 года до 6 октября 1975 года эта дорожка именовалась Тосненской улицей, а до декабря 1952 года – проспектом Карла и Эмилии. Проходила она от Тихорецкого проспекта, бывшего проспекта Бенуа, до Светлановского проспекта, бывшей Ананьевской улицы, а до 1912 года Александровского проспекта.

Известна эта улица тем, что на ней до 30-х годов XX века находилась могила Карла и Эмилии. Как полагают топонимисты, улица образовалась из лесной дорожки, шедшей от могилы влюбленных. Впервые улица Карла и Эмилии упоминается в картографических источниках 1912 года. Название было сначала фольклорным и слу-

жило данью популярной легенде. Затем оно стало официальным, хотя административного распоряжения о наименовании улицы (или проспекта) так и не было издано.

В разных источниках улицу Карла и Эмилии называют по-разному, например, в топонимическом справочнике Петербурга «Городские имена сегодня и вчера» ее называют проспектом Карла и Эмилии, а в книге Н. А. Синдаловского «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» говорится, что так называли слободскую улицу.

Так или иначе, проспект или улица существовали в действительности и носили свое название около сорока лет.

История любви петербургских Ромео и Джульетты знакома многим по книге Льва Успенского «Записки старого петербуржца». И многих трогает история влюбленных Карла и Эмилии, которые не посмели нарушить родительские запреты и, отчаявшись получить согласие на брак, покончили с собой.

...И смерть пришла:
наступило за гробом свиданье

М. Ю. Лермонтов

Но что произошло на самом деле? Ведь романтическая история обросла деталями и домыслами...

Впервые легендой о Карле и Эмилии заинтересовались в 1916 году члены кружка по изучению Лесного при Лесном коммерческом училище. Они установили, что Карл был молодым ремесленником (слесарем), а Эмилия – дочерью местного булочника. Подтвердились и обстоятельства их трагической гибели, произошедшей, предположительно, летом 1855 года. Жили они, по-видимому, в одной из располагавшихся поблизости немецких колоний, скорее всего на Гражданке*.

Юноша и девушка очень любили друг друга – так, что не в силах были расстаться. Однако их родители из года в год отказывали детям в женитьбе. Последний отказ они получили, когда им исполни-

* На месте современного Гражданского проспекта находилась деревня Гражданка. – Ред.

Место могилы Карла и Эмилии.
Между домиком трамвайного диспетчера и зданием НИИ цитологии

лось по пятьдесят лет. Тогда влюбленные покончили с собой. Об их трагической гибели существуют разные предположения. Так, Лев Успенский в своей книге «Записки старого петербуржца» сообщал: «Тогда, взявшись, за руки, пожилые влюбленные пошли на Круглый пруд, который находился недалеко от Серебряного пруда, и бросились в него (точнее, Круглый пруд находился на нынешнем перекрестке 2-го Муринского и Институтского проспектов. – Н. Л.). Наутро, когда их тела вытащили баграми из воды, все увидели, что мертвые Карл и Эмилия продолжают держать друг друга за руки. По совету местного священника прихожане назвали их именами эту слободскую улицу». Много лет спустя Сергей Глезеров в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 11 сентября 1999 года написал: «...Влюбленные покончили с собой, утопившись в Ольгинском пруду, который находился в те времена в Беклешовом лесу...». А знаток Петербурга М. И. Пыляев сообщал, что «не получив согласия на брак, они отравились именно на этом месте. Здесь же, в Беклешовом лесу, за Лесным, недалеко от места своей гибели, они были похоронены. Могила была устроена прямо в лесу, а не на местном колониستمском кладбище, так как Карл и Эмилия были самоубийцами». Старожил Лесного Г. Н. Есиновская в своих воспоминаниях в газете «Витрина» в июле 1994 года сообщала: «Легенда гласит, что двум влюбленным – Карлу и Эмилии – из-за неравенства их положения не разрешали пожениться. Они не могли послушаться родителей и решили умереть вместе, пронзив друг друга шпагами».

И наконец были найдены точные сведения о Карле и Эмилии. Их обнаружил Сергей Глезеров в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга и опубликовал статью под названием: «В глухом лесу у торфяных болот...» в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 15 апреля 2000 года. Эти сведения были собраны краеведом Лесного Сергеем Александровичем Безбахом в 1916 году, в то время он еще был учащимся Коммерческого училища, в 1920-х годах стал преподавателем краеведе-

Лесной - Corps Forestier
Могила Карла и Эмилии - Tombeau de Charles et Emilie.

Могила Карла и Эмилии

ния и сыграл значительную роль в петроградском, а потом и ленинградском краеведении; был хранителем Музея северных окрестностей Ленинграда, сотрудником Центрального бюро краеведения при Российской академии наук, а также автором многих публикаций о Лесном. Скажу несколько слов и о Коммерческом училище. Оно было открыто 14 сентября 1904 года, находилось на углу Институтского проспекта и бывшей Малой Объездной улицы, рядом с особняком профессора Лесотехнической академии Д. Н. Кайгородова. 25 февраля 1916 года в училище был организован кружок изучения Лесного. В прошлом году 14 сентября состоялся митинг, посвященный 100-летию со дня открытия Коммерческого училища, проходил он на месте, где стояло училище, в митинге приняли участие учащиеся и учителя 74-й, 76-й, 105-й, 145-й и других школ, сотрудники Детского исторического музея на Болотной улице, 13, представители Краеведческого центра «Лесное» и главные гости – выпускники бывшего Коммерческого училища, ставшего после революции обычной школой Выборгского района.

Материалы, собранные Безбахом, хранятся под общим названием «Лесной в старину», один из документов был посвящен Карлу и Эмилии. К нему прилагаются воспоминания старожила на немецком языке, повествующие об этой истории. Лист перевода почти истлел от

времени, на первый взгляд – это чистый, старый, желтый лист бумаги, но если приглядеться, то на этом листе можно различить продавленные литеры букв пишущей машинки, которые позволяют прочесть данный документ.

По этим воспоминаниям, молодого человека звали Луи Брудерер (не Карл), а девушку Эмилия Каретан, так написано в переводе, но в немецком оригинале фамилия звучит, как Keritin (Керитин). Тела влюбленных нашли ранним утром в четверг 4 августа 1855 года. Произошло это в Беклешовом лесу вблизи торфяных болот, «они лежали с воскресенья вечера несколько дней и имели все признаки разложения. Она была менее обезображена, хотя целый мир насекомых глотал обоих мертвецов, его лицо окрашено было в зеленовато-синий цвет, что делало лицо неузнаваемым. В обоих телах пули прошли сквозь сердце. Она умерла моментально, он, по-видимому, сильно страдал». Очевидно, Карл (Луи) сначала застрелил Эмилию, а затем покончил с собой.

При досмотре места происшествия при молодом человеке были найдены 18 пуль в коробке, портмоне с 2 рублями и 85 копейками серебром, письмо на имя возлюбленной, а в кармане пальто – кинжал. По словам старожила, причиной столь «печального поступка» послужило несогласие на брак матери девушки, а также тот факт, что Карла (Луи) забирали в солдаты, напоминая, история произошла в

конце Крымской войны. После судебного вскрытия, покойные были положены в два гроба и похоронены на опушке леса, «могила ежедневно украшалась зеленью и цветами, причем рисунок представлял собой крест. Впоследствии был водружен там простой крест».

Лес в середине XIX века находился на всем пространстве к северу от нынешней площади Мужества, и места эти были глухими и малопосещаемыми. К концу позапрошлого века лес, принадлежавший Беклешовым (отсюда и его название, в начале XX века существовал сад «Беклешовка», находился на месте завода «Красный Октябрь», на площади Мужества), а затем городскому голове В. А. Ратькову-Рожнову, стал постепенно нарезаться на участки и застраиваться дачами. Так могила влюбленных оказалась среди дачных построек, а затем, когда рядом был выстроен Политехнический институт, — среди оживленного студенческого пригорода.

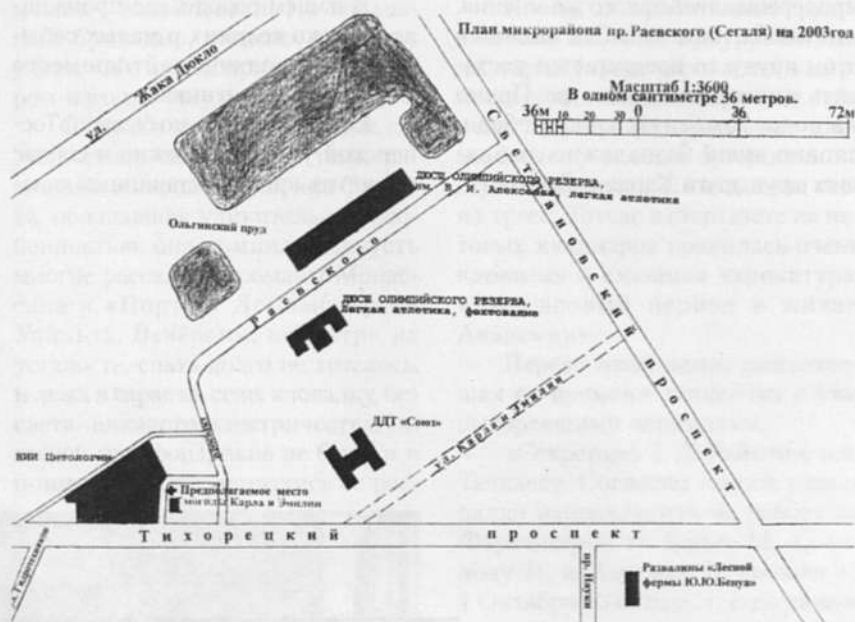
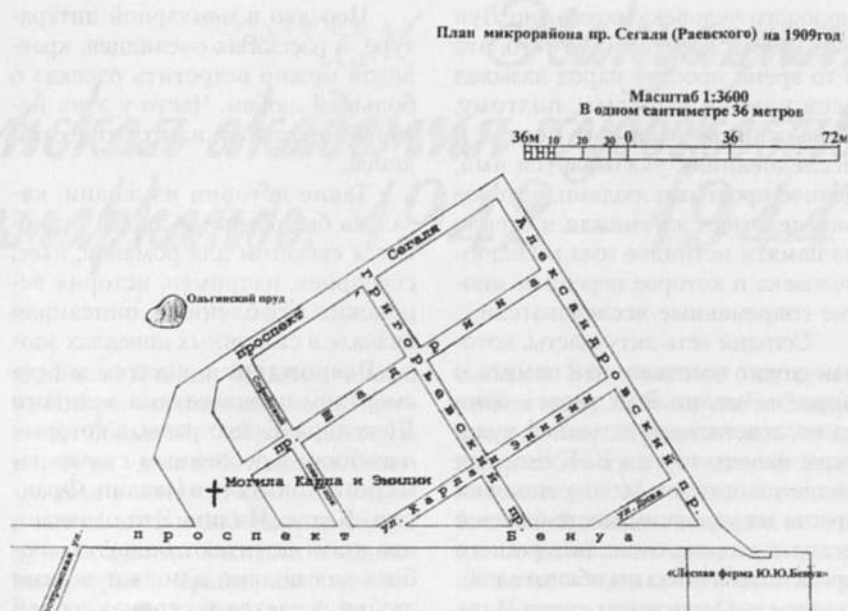
На картах Петербурга начала XX века обозначено точное место могилы — на пересечении нынешних Тихорецкого проспекта и улицы Гидротехников (бывшей Костромской улицы). Можно даже относительно точно указать место — сквер на трамвайном кольце на проезде Раевского, между домиком диспетчерской и зданием НИИ цитологии.

По многим воспоминаниям, это захоронение было одной из достопримечательностей Лесного и местом поклонения молодежи. Так, например, М. И. Пыляев писал: «Но еще больше публики сосредотачивается в Сосновке у могилы Карла и Эмилии, в конце леса у большой поляны...».

Вот как он же описывал саму могилу в статье, напечатанной в 1898 году в газете «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции»: «Могила эта с металлическим крестом, на котором доска с надписью по-русски и по-немецки. "Карл и Эмилия" ... и далее в стихах:

*Nur leiset tritt an diese Stelle,
Stör nicht der reinsten Liebe Ruhe
Du bist in Dunkei, Sie in Heile,
Weih eine Träne Ihn
und eingebot daze.*

Im Sommer 1855

*Тихо встань на этом месте
И вознеси молитву со слезой.
Ты — во тьме, они — на свете,
Не тронь чистой любви покой.
Летом 1855 года*

...Над могилой бревенчатый сруб в три венца, окрашенный в зеленую краску, над которой поставлена довольно высокая проволочная решетка зеленого цвета, на замке, и под решеткой на могиле посажены цветы. С трех сторон могилы устроены скамейки, испианные и изрезанные так же, как и бревна сруба над могилой, многочисленными инициалами и изречениями посетителей».

И, как уже сообщалось, по описанию Пыляева, могила находилась «в конце леса у большой поляны...». На предреволюционных открытках леса, правда, уже не видно, с обеих сторон находились заборы дачных построек. А к 1910 году рядом проложили проспект Карла и Эмилии.

Благодаря воспоминаниям немецкого старожила мы знаем не только точную дату смерти влюбленных, но и обстоятельства их трагической гибели, произошедшей 31 июля 1855 года по старому стилю. В этом году 15 августа исполнилось 150 лет со дня смерти Карла и Эмилии. Кстати, об имени

молодого человека: возможно Луи был назван Карлом из-за того, что в то время простой народ называл всех немцев Карлами, поэтому, возможно, во всех документах и исследованиях указывается имя, данное простыми людьми, которое впоследствии затемнило и стерло из памяти истинное имя молодого человека и которое переняли многие современные исследователи.

Сегодня есть энтузиасты, которые хотят восстановить память о Карле и Эмилии. В их числе – один из исследователей немецкой культуры нашего города В. Г. Бем. Он является автором идеи установки креста на условном месте бывшей могилы, а также очень интересного проекта памятника погибшим влюбленным на Ольгинском пруду. И так как большинство исследователей придерживались такого же мнения, что влюбленные погибли именно в этом пруду, то предлагается поставить памятник в его центре. Прямо из воды взметнутся два лебедя, словно души безнадежно любивших друг друга Карла и Эмилии...

Нередко в мемуарной литературе, в рассказах очевидцев, краеведов можно встретить рассказ о большой любви. Часто у этих историй печальный или трагический конец.

Такие истории из жизни, казалось бы, обычных людей становятся сюжетом для романов, пьес, сценариев, например, история веронских влюбленных, описанная вначале в старинных новеллах эпохи Возрождения, а затем в бессмертном произведении великого Шекспира. Есть страны, в которых погибшим влюбленным ставят памятники, они есть в Италии, Франции, Китае, Индии. Это означает, что люди почитают большую любовь как подвиг, а подвиг во имя любви остается в сердцах людей надолго, иногда навечно.

В нашем городе, где произошло столько великих и малых событий, тоже должно найтись место для такого памятника.

Если побродить по бывшей Тосненской улице, то можно и сейчас встретить крышки старинных кана-

лизационных люков, участки булыжной мостовой (хотя эти фрагменты постепенно исчезают). При замене труб на участке, где бывший проспект Шадрина зарос травой, было выкопано множество булыжников. А в сквере, где предположительно были захоронены Карл и Эмилия, все клумбы обложены булыжниками, которыми в недалеком прошлом еще мостили близлежащие дороги. На третьем пути трамвайного кольца на поверхность выступает участок мостовой.

Все эти оставшиеся памятники говорят о том, что еще в 60-е годы XX века здесь проходила улица, так как улицы, особенно на окраинах города, часто были замощены булыжником.

Восстановить улицу не представляется возможным, но следы ее остались.

Конечно, и саму могилу найти сейчас не удастся, но это и не обязательно. Работы исследователей и интерес любознательных граждан уже говорят о том, что об этом месте помнят.

Занесено

Эвакуация. Всероссийская академия художеств в Самарканде. 1942—1944*

М. А. Бойко

Заканчивалась, иногда даже досрочно, учеба, и мы, студенты, месяцами работали в колхозах и совхозах, помогая местному населению собирать урожай риса, хлопка, сахарной свеклы, винограда. Убирать свеклу и виноград было относительно легко, к тому же их разрешалось, к нашему удовольствию, есть до отвала. Помню, как по полю разносились крики клавших на носилки вытасненную «коллегам» из грядок свеклу: «Анечка Гривнина, где ваша кучка?».

Тяжелой и очень непривычной была уборка риса: приходилось стоять в воде, кругом тучи комаров, многие начали болеть малярией. Но, пожалуй, самой трудоемкой была уборка хлопка. Нам доставался третий сбор (два первых уже сделаны колхозниками, и в коробочках было совсем мало ваты). Кусты хлопка невысоки, колючи, собирать вату надо внаклонку двумя руками с каждой борозды справа и слева, идя вдоль нее, и класть в при-

вязанный к талии большой мешок, из которого постепенно пересыпать в еще больший. Собрать дневную норму не удавалось, кажется, никому, хотя к концу дня ломило спину и плечи, хотя и работали даже при луне поздними южными звездными вечерами. Правда, наиболее лихие мальчики, чтобы добрать по весу до зачетной нормы, клали в мешок с ватой камни. Но колхозный бригадир, видимо, знал эту уловку и с места приемки с позором изгонял «жуликов».

С нами в колхоз на хлопок ездила очень талантливая темпераментная живописец Марина Озерова, обладавшая удивительной особенностью: она помнила наизусть многие рассказы и романы Мопассана и «Портрет Дориана Грея» Уайльда. Вечерами, несмотря на усталость, спать долго не хотелось, и лежа в сарае на сене, вповалку, без света, никакого электричества, ни свечей или фонариков не было и в помине, мы заслушивались ее рас-

сказами. Было полное ощущение чтения вслух. Потом, уже в Самарканде, мы проверяли ее дар, держа перед собой книгу: память ее была потрясающей. Мы завидовали, считая, что ей сдавать экзамены не стоит ни малейшего труда при таком свойстве — однако это, оказывается, касалось лишь художественной литературы, но не научной.

Иногда за заработанные трудодни нам платили кукурузой или джугарой (вроде гороха, ею в мирное время обычно кормили свиней). Джугара разваривалась плохо, поэтому ее мяли бутылками на стульях и столах. По академии стоял треск. Тотчас в стенгазете на истовых кулинаров появилась очень ядовитая и смешная карикатура: «Джугаровый период в жизни Академии».

Передо мной лежит пожелтевшая от времени записочка с уже выгоревшими чернилами.

«Секретарю Т. Д. Райкома, тов. Тачкаеву. Согласно Вашей разрядки направляются на работу на Фархадстрой тт. Бойко М., Соколову И. и Лаурину В. сроком до 1 Октября 1943 года, т. е. до начала занятий.

Зам. директора
Акад. худ. А. Гутлиб. 21/VI 1943».

Целым этапом в самаркандской жизни академии стал Фархадстрой. Нас отправляли смешанной бригадой — архитекторов и искусствоведов. Первые должны были оформлять стенды в колхозах, писать лозунги и т. д., вторые — вести агитацию и пропаганду: читать строителям, в основном узбекам, газеты, сводки Совинформбюро, рассказывать о боевых и трудовых успехах нашего народа, разъяснять значение событий на фронте.

Коридор второго этажа школы.

Справа — аудитории-кабины, слева — двери в комнаты общежития студентов. Рисунок И. Бартенева. 1943 г. Самарканд

* Окончание. Начало в № 4 (26) за 2005 г.

Однако студентам-искусствоведкам пришлось на Фархадстрое заниматься не только этим. Неожиданно для самих себя мы оказались... архитекторами-строителями. А получилось это потому, что, стремясь долго не объяснять и так не очень хорошо знающим русский язык узбекам, кто такие искусствоведы, решили: всем назваться архитекторами, будущими строителями домов, тем более что для нашей работы здесь это, в конце концов, не имело большого значения. Однако руководство района, узнав, что к ним прибыли квалифицированные силы, в которых остро нуждался Фархадстрой, решило использовать нас по прямому назначению, по нашей специальности. Мы, искусствоведы, содрогнулись, но решили, что честь мундира, то есть имя академии, пятнать нельзя, и раз уж назвался груздем, то полезай в кузов: будь до конца архитектором!

Я и Иринка работали наравне с нашими ребятами архитекторами как строй-мастера. Сперва было жутко, но, к счастью, я работала (Ира вначале болела) вместе с нашей архитекторшей – студенткой Ингой Гуревич, которая во всем мне помогала. Затем на очереди возникло новое страшное дело: какие-то курсы повышения (!) технических знаний (!!), знаний стройматериалов. Одна надежда, что срок нашего пребывания здесь истечет раньше, чем они активно начнут действовать. Ведь только до 1 октября мы были на Фархадстрое, хотя нас усиленно оставляли еще на 1 год. Условия жизни были исключительно хороши: нам выдали матрасы, спали под орехами на воздухе, обедали вкусно, сытно и дешево 2 раза в день в столовой ИТР (инженерно-технических работников), получали 800 граммов хлеба в день, зарплата была 700 рублей, карточки отоваривали на сахар и промтовары. Те, кто до нас уже провел здесь месяц, например Валя, получили шелковые кофточки, лыжные брюки – все по дешевой государственной цене. Работали с 7 часов утра до 9 вечера, с перерывом в 3 часа на обед. Всякие хозяйственные и личные дела откладывали на воскресенье.

Мне повезло: я попала на участок, где производили бетониты,

Марина Бойко

Ира Соколова

т. е. камни из бетона, необходимые как опалубка для главной плотины ФархадГЭСа. Очень часто приходилось сожалеть, что забылось все то небольшое, что я знала из химии и физики. Но что можно было сообщить в изменении, скажем, деревянных форм, в которые заливается бетон для камней, в правильной расстановке людей, в улучшении плоскостей кирпича – словом, все, что в моих силах, я делала с необычайным энтузиазмом и величайшим интересом. Конечно, основную роль играла Инга. Но так было приятно вкладывать хоть малень-

кую частицу в это большое дело. Когда Инга была больна, я одна вершила дела, и было страшно: подобные производства были открыты и на других участках Фархадстроя, но комиссией признаны неудачными и приостановлены. А их руководители и строймастера направлены к нам в обучение. Мы добились не только качества, но даже еще большей производительности – ведь для плотины их надо тысячи. Я столкнулась здесь с настоящим энтузиазмом в работе, с подлинным стахановским движением и рационализаторскими предложениями. Словом, газеты ожили! Хотелось получить переходящее красное знамя для нашего участка. Рядом с нами работали удивительные люди: как они любили труд, как горели на работе! Прийти раньше, а уйти с работы много позже ничего не значило для них, раз от этого выигрывало дело. Был форменный интернационал: русские, узбеки, корейцы, украинцы, евреи, чувашки работали вместе.

Люди растворялись в этих огромных участках, да их почти и не было, так как многих послали на работу в колхозы. Сыр-Дарья здесь широка и могуча, над ней высится скала Фархад. Чудный степной воздух и дивные вечерние панорамы мы наблюдали там. Все это напоминало мне произведения художников раннего Ренессанса, Флоренцию, в частности. Красота

Валя Душечкина

на Фархаде была какая-то «от вечности»: величавая, безмолвная, грандиозные пространства уже выкопанного русла будущей реки, светлый цвет лесса с яркими густыми тенями и пересохшей травой на поверхности земли. Мне почему-то казалось, что так должна выглядеть Долина царей в Египте или что-нибудь в этом роде. На Фархаде часто и много в раскапываемых захоронениях находили серебряную и золотую утварь и украшения, а бесчисленные глиняные амфоры-кувшины разных величин уже никого не удивляли. К сожалению, эти ценности расхищались бригадирами. О планомерных искусствоведческих раскопках или хотя бы контроле над этим говорить не приходилось.

Ощущение некой первозданности еще усилилось, когда как-то мимо нас, крича что-то по-узбекски, несколько человек провели по руслу почти обнаженного загорелого мужчину, вымазанного чем-то черным. На его голове и теле колыхались большие птичьи перья. Мне, пораженной увиденным, знающие люди объяснили, что это публично наказывают, позорят за попытку сбежать со строительства Фархада.

Затем я попала одна на другой участок, на строительство маленькой гостиницы. Руководил работами опытный прораб, осуществляли их узбеки из трудотряда. Здание возводили из самана*. Читая план и нехитрый разрез я умела (спасибо лекциям И. А. Бартенева).

Вначале прораб испытывал ко мне огромный пиетет, все время старался вести профессиональные разговоры о методах строительства, о сопромате, видимо, желая показать, что и он не лыком шит. Я что-то мямילה в ответ, как могла уклонялась от таких тем. Кончились наши собеседования тем, что он, видимо, решил, что к нему прислали одну из самых тупых студенток, и, к моему облегчению, отстал от меня. А гостиница строилась медленно. «Трудбойцы» вовсе не рвались к работе, часто устраивали перекуры, завтракали лепешками, изюмом, пили чай, просто гре-

лись на солнцепеке, отдыхая (спрашивается – от чего?). Однажды вдруг все эти 10 или 15 человек сорвались и куда-то убежали, и отсутствовали несколько часов. На мои сердитые вопросы затем объяснили, что мимо торопливо шла похоронная процессия (из-за жары усопшего в Узбекистане хоронят в тот же день до захода солнца), вот они и решили отдать последнюю дань уважения умершему. По ритуалу, всовывая ноги в специальные тапки, они поочередно водружали себе на плечи носилки с запеленутым в саван телом. Конечно, это был предлог, чтобы только не трудиться – часть своих работяг я-то нашла на базаре! В результате неспешной работы прямоугольные проемы окон как-то подозрительно стали по мере кладки саманных «кирпичей» походить на проемы, заканчивающиеся арками. Так я и не увидела конца начатого мною строительства – заболела малярией.

Возвращалась я в Самарканд с Филей Гепнером, архитектором, который работал неподалеку и с которым мы вместе жили здесь, в заброшенном железнодорожном вагоне.

Сесть на полустанке в поезд на Самарканд оказалось делом нелегким. За минуту остановки надо было ухитриться влезть в набитый людьми вагон, охраняемый проводником. Мало того, что почти все из них держали дверь на ключе, так некоторые еще отгоняли и вениками, и швабрами, тыча куда попало в пытающихся проникнуть внутрь. Все это привело к тому, что мы, наконец, решились ехать на крыше очередного поезда. На нее забрались между вагонами по лестнице, прибитой с торца. Я задремала, хотя сначала было и страшно. Когда очнулась, обнаружила, что лежащий у меня на коленях рюкзак разрезан и украдены документы, золотые часы и дорожка мне фотография моего жениха Виктора Демина, пропавшего без вести на фронте. Подозрение пало на спящего рядом, здесь же на крыше, человека, так как поезд-то не останавливался за это время нигде. Но Филя, гревшийся на лестнице между вагонами, объяснил мне, в ответ на мое настойчивое стремление задержать этого спящего и свести в милицию в Самарканде, что

он видел, как ко мне подошли двое, что-то нагнувшись, сделали и перепрыгнули на другой вагон. Филя – за ними и говорит: «Ребята, отдайте документы, я все видел». А они между собой: «Давай его скинем». Была уже ночь, поезд шел полным ходом, на крыше этого вагона, кроме них, никого. Потом, посмотрев на Гепнера (а он на Фархаде зарос щетиной, был в ватнике), спросили: «Ты что, из тюряги? Ну, иди», а когда он пошел, ткнули ему в спину ножом. Спас ватник – плечо было оцарапано и только чуть кровоточило. В Самарканде в милиции все записали, но ничего, конечно, не нашли, а узнав примерное место перегона, даже посочувствовали, сказав: «Да, там действительно работает шайка, мы ее ловим». Документы мне потом восстановили.

Видно, мне на роду было написано почти в течение полувека – со школы и до выхода на пенсию – возглавлять либо общественную работу, либо на службе руководить подчиненными, хотя, видит бог, к такого рода деятельности я никогда не рвалась, все выходило как-то само собой. Так, поступив в 1939 году в Академию художеств, я сразу на первом курсе ФТИИ была избрана старостой, и дальше пошло-поехало. В Самарканде и до окончания в 1946 году института была в профкоме всей академии, а в Загорске – даже его председателем. Чем только не приходилось заниматься! И пополнять заметками стенгазеты, ввиду отсутствия других корреспондентов, и вместе с дирекцией распределять промтовары, получаемые в конце войны по американской помощи (теперь бы сказали – «секонд-хэнд») и так далее. Помню, когда однажды окончили тяжелую миссию распределения (получено товаров мало, желаемые – все) и раздачи всевозможной одежды среди сильно побносившегося коллектива института, оказалось, что мы не учли еще нескольких безусловных претендентов. Заместитель директора А. С. Готлиб, веселый, обаятельный человек, взаимная любовь студентов к нему и наоборот, вызвал меня к себе и спросил: «Ну, что там у тебя в заглазнике еще осталось?». На что я с удивлением ответила: «Ничего». Сказалось от-

* Саман – сырцовый кирпич из глины с добавлением резаной соломы, мякни и др.

существование моего опыта в подобной работе. Тут пришел черед изумиться Готлибу. Отечески пожурился меня, он прочел лекцию, как надо вести такие щепетильные дела.

У меня сохранился шарж на студента Шнейдера, заросшего щетиной на лице и густой гривой волос на голове. Он был польским евреем, сыном дипломата, отставшим от своих родителей, спасавшихся бегством от фашистов. Не знаю, каким образом он приблизился к академии, но у студентов он был объектом бесчисленных карикатур и вообще притчей во языцех. Во-первых, он выделялся среди всех своей образованностью. Его знания были фундаментальны, и поэтому из частых споров по поводу толкования того или иного текста с преподавателем марксизма-ленинизма Гилем Шнейдер всегда выходил победителем: он читал и Маркса, и Энгельса в подлиннике, в то время как Гиль цитировал их нам по бумажке с записями из русских переводов. Во-вторых, Шнейдер очень смешно говорил на ломаном русском языке. Однако больше всего удивляла его страшная неряшливость. То ли он, как сын дипломата, привык в быту к обслуге, то ли это была черта натуры, не знаю. Однажды его соседи по комнате стали жаловаться на появление вшей, и подозрение пало на него. Привести себя в благообразный вид Шнейдер никому не давал. И вот мне, как профсоюзному лидеру, поручили заняться и этим! Шнейдер меня почему-то побаивался и после уговоров согласился: пришлось, преодолев брезгливость, и побрить, и постричь, и даже вымыть ему голову. Куда, в конце концов, он затем делся, не помню.

Вот еще один трагикомический случай: трагичный тогда и с улыбкой вспоминающийся сегодня. Заболела продавщица хлебом. И мне с Ирой Соколовой поручили наиответственнейшее дело – торговлю им. В результате мы... проторговались: ведь хлеб из пекарни привозили сырым, и на второй день в жаре он высыхал. Мы же по неопытности и в первый, и во второй день взвешивали по 600 граммов, то есть всю полагающуюся нам норму. Следующий месяц мы были без хлебных карточек –

А. С. Готлиб – зам. директора Академии художеств по хозяйственной части

нас подкармливала вся академия.

Одним из ярких воспоминаний остался новогодний вечер 1942/1943 года. Готовились к нему долго и обстоятельно, всей нашей большой комнатой, особенно много придумывала скульптор Люся Рахманинова. На веранде и в актовом зале устроили музей: были нарисованы композиции наиболее известных картин, в облике персонажей которых легко узнавались черты студентов, преподавателей, пап, мам, жен, мужей. «Экспонаты» эти были завешены чистыми листами бумаги, а экскурсию по музею вел И. А. Бродский. Как только он снимал бумагу-шторку, уже раздавался гомерический хохот присутствовавших, который не утихал, так как Бродский необычайно комично комментировал изображенное!

Затем был организован праздничный стол, что по тем временам было отнюдь не просто, да еще для большого коллектива людей, а ведь была вся академия. В добавление к улучшенному ужину-рациону каждому полагались два или три, не помню, жареных пирожка с курагой – гордость и гвоздь программы. Вся еда до поры до времени, чтобы не съели до положенного часа или не взяли лишнего (все строго рассчитано, всем одинаково), находилась в комнате напро-

тив главного зала, и ее охраняла я. И вдруг наш завхоз, некий Полищук, пробывший на работе в академии недолго и оставивший, прежде всего из-за своей лени, недобрую память, подошел к заветному столу с яствами и, схватив пирожок, быстро запихнул его в рот. На миг ошалев от неожиданности, я яростно вцепилась ему в руку с остатками злосчастной снеди и так возмущенно орала на него, что он выпустил захваченное и зашлепал своими огромными ножищами прочь.

Наконец столы накрыты: каждый принес с собой свой прибор – кто кружку, кто тарелку, кто миску, скатерти заменяла бумага, хрусталь – алюминий, и только у четы архитекторов Рославлевых стояли тарелки из настоящего дорогого фарфора. И. А. Бродский после официального поздравления сказал спич, мы, перемежая еду шутками, быстро расправились с нехитрыми порциями, стоявшими перед каждым прибором. Затем появились... Дед Мороз – маленькая, толстенькая Надя Штейнмилер и Снегурочка – это я: высокая, тоненькая, с корзиной разных даров. Подарки были замечательные, сделанные с выдумкой и любовью, а иногда и с каплей яда, смотря кому предназначались. Так, например, Елене Дмитриевне (жене проф. А. Д. Зайцева), которую все мы очень любили, сделали двух очаровательных крохотных зайчат в маленьком конвертике для новорожденных, пожелав завести собственных; солидной жене архитектора Рославлева, грешившей игрой в молоденькую, – малюсенькую изящную скакалочку; живописцу Пете (фамилию не помню), обладавшему изрядным животом, – небольшой корсет с оборками, косточками, шнуровкой и все это из бумаги. Но самым главным подарком был подарок студенту-живописцу Кочерге, незадолго до этого вечера прогремевшему чуть ли не на весь Самарканд своей выходкой – у знаменитого в те годы эстрадного певца Козина, приехавшего на гастроли, он ухитрился стащить концертный баян и... сдать его в кладовку академии. Конечно, пропажу быстро отыскивали, но рассказов и смеха по этому поводу было много. Так Кочерге мы приготовили очень искусно сделанный тоже из бумаги

небольшого размера рояль с клавиатурой, педалями и даже поднимающейся крышкой. Подавая подарок Кочерге, Дед Мороз со всякими присказками недвусмысленно пожелал ему в новом году превзойти самого себя и увести у кого-нибудь теперь уж рояль. Что тут началось! Кочерга стал метать в Деда Мороза и окружающих все, что попадалось под руку. Со стола летели чашки, ложки, тарелки (закрывая свой фарфор, легли ничком на стол Рославлевы) и пр. Пришлось вынести слишком захмелевшего вояку. Здесь Полищук оказался на высоте... Кочерга и в дальнейшем не успокоился, но его очередной трюк стал для него трагичным. Он стащил сапоги у секретаря райкома партии прямо в учреждении. Этого ему уже не простили... Кочергу отправили снова на фронт, где он погиб.

Потом на вечер были танцы.

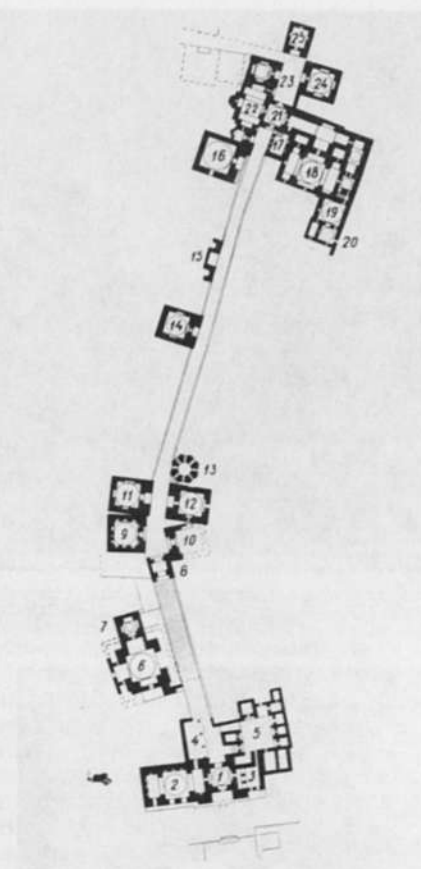
Помню легкое землетрясение, которое произошло как-то поздней осенью. Ночью я проснулась от ощущения, что меня кто-то трясет за плечо, открыла глаза, вокруг тоже начали просыпаться. Распахнулись окна, двери, кровать подо мной заколебалась, мы поняли, что это землетрясение. Очень противное чувство: некуда деваться, если земля ненадежна! Все-таки на улице-то высыпали все: знали, что в доме находится опаснее. Но толчки были легкие, и было их немного. На следующий день, несмотря

на уже очень прохладный воздух, нам не разрешили ночевать в доме; одевшись потеплее, захватив матрацы и одеяла, спали в саду, но толчков больше не было.

Как только становилось тепло, оживала наша спортивная площадка перед зданием школы: натягивали волейбольную сетку. Охотников играть было много, соревновались со страстью, болельщики в основном располагались на крыше и криками подбадривали, конечно, «свою» команду. Особенно запомнился А. А. Мыльников, очень он любил играть, а когда «болел», отдыхая, то с ним рядом на крыше неизменно сидела Машенька Рудницкая. Все знали – у них роман...

Иногда отправлялись на концерты в старый город. Идти надо было далеко, оркестр был более чем посредственный, но все-таки музыка! Поражал вид оркестрантов, одетых кто во что горазд и сидевших на каких-то почти скрипучих разнокалиберных стульях. Это после Ленинградской филармонии!

Известно, что «любовь и голод правят миром». С голодом мы постепенно разделялись, а вот вопросы любви, чувства, внешности в таком молодежном коллективе, как наш, неизменно интересовали. Помню, как поразила нас, девушек, невиданная тогда, но входившая в моду, прическа Маши Рудницкой – шестимесячная завивка. Хотелось даже дотронуться рукой до ее

План и средняя группа мавзолеев

волос, удивляли мелкие локончики, которые, как оказалось, не исчезают от воды – ни при мытье головы, ни от дождя.

Именно в Самарканде завязалось немало романов, некоторые затем преобразовались в семьи. Так случилось, например, с Любочкой Холиной и Сашей Игнатьевым – в дальнейшем известными скульпторами Ленинграда, или с живописцами Пен Варленом и Паночкой Дербизовой. Бесконечная нежность и бережность смуглого черноволосого корейца к беленькой-беленькой (русые волосы, очень белая кожа), такой русской Паночке, вызывали глубокую симпатию. Потом они стали родителями очаровательных детишек, необычных по своему облику. В часы отдыха от занятий часто восседала на ступеньках крыльца школы любившая пооригинальничать и необычной одеждой, и чувственным флиртом колоритная фигура – Тамара Старженецкая, – в будущем одна из значительных театральных художников-декораторов Москвы, а тогда студентка соответствующего факультета. На нее засматривался

Мастерская профессора В. М. Орешникова. Живописный факультет. Сидят: А. А. Мыльников и В. М. Орешников (справа). 1940-е гг. Кабинет искусств Российской академии художеств

Самарканд. Ансамбль Шахи-Зинда. XIV в.

Леня Тимченко

любвеобильный декан А. И. Сегал, постоянно вертевшийся тут же. Мне очень нравился высокий зеленоглазый Дима Яблонский, спустя годы ставший на Украине крупным архитектором. Увы, наши сердца не бились в унисон, и едва начавшийся роман быстро увял. Его «свертывание» подтолкнул и такой эпизод: случайно я увидела Диму samozабвенно целующимся с другой, кстати, считавшейся моей подружкой. Эта сценка охладила мое отношение к ним обоим. Безответной оказалась и многолетняя любовь Иры Соколовой к скульптору Лене Тимченко. Из ее писем еще

в Киров я знала, что Ира, как говорится, на него глаз положила. Леня действительно был необычайно душевным, обаятельным человеком, и о него обожглась еще не одна студентка. Для Люси Рыбаковой Самарканд стал началом большой, на всю жизнь, любви к архитектору Мише Штримеру. Поженившись в Загорске, они прожили вместе более пятидесяти счастливых лет. Часто попарно прогуливались по школьному двору поглощенные друг другом студенты – будущий театральный художник Мура Энгельке с живописцем Валерием Пименовым и искусствовед Эльга Кэо с архитектором Сашей Рочаговым. Казалось, в этой дружбе

Люся Рыбакова

четырех все уже определилось и скоро окончится двумя браками. Так и случилось, но, к удивлению, с точностью до наоборот: Мура стала женой Рочагова, а Эльга – Пименова. Тогда же соединились архитекторы Ира Бухман и Алеша Репников.

Почти за полтора года, проведенных в Самарканде, мы понемногу пообжились, и я даже стала звать маму сюда, хотя бы ненадолго. Идея казалась реальной – как раз в это время родители собирались перебазироваться в Казахстан. Это произошло благодаря деятельной энергии мамы, которая, с отчаянием видя, как отец постепенно гибнет от дистрофии, обратилась с просьбой в Москву, чтобы отца перевели из Кирова в аналогичную палату мер и весов в Алма-Ате. Теплый климат, обилие овощей и фруктов сделали свое дело – отец стал поправляться. Думалось, по пути на юг, приближаясь таким образом тогда и к Самарканду, матери проще и дешевле будет завернуть ко мне. Очень хотелось повидаться, тем более что в дальнейшем свидание становилось все более проблематичным: мы должны были скоро оказаться снова далеко друг от друга – родители на юге, я – на севере: все чаще в академии возникали разговоры о реэвакуации в Подмоскovie, в Загорск. Между нами возникла бурная переписка, о чем свидетельствуют письма и телеграммы, сохранившиеся у меня. Однако встреча так и не состоялась: сроки отъезда академии – с ноября 1943 года до середины января 1944 года – все время менялись, дата перебазирования родителей была определена. В результате в Алма-Ате побывала я и уже оттуда самостоятельно, а не в академическом эшелоне, добиралась в Загорск.

Предотъездная жизнь в Самарканде рождала у нашей ташлакской «семьи» двойные чувства. Очень хотелось уже вернуться домой, и поэтому раздражали бесконечные в течение нескольких месяцев «едем-не-едем». Одновременно грустно было покидать столь экзотичный для нас, северян, благодатный край. Собираясь вечером, вспоминали о прожитом, где было много хорошего, но не всегда. Однажды, например, нас обокрали. В

окна одноэтажного ташлакского домика заглянуть было нехитро. Видимо, изучив предварительно содержимое в комнатах, воры посетили нас ночью. Я проснулась от звука разбитого стекла и увидела, что столь знакомый очень добротный свитер Люси плавает в воздухе, вслед за ним начали взлетать и вещи других. Сначала я решила – сплю, а когда поняла, что через окно выуживают наше добро, закричала. Все вскочили и сразу обнаружили валявшуюся на полу удочку, в спешке брошенную вспугнутыми ворами. Миша быстро оделся и помчался на улицу. Отсутствовал порядочно, вернувшись, сообщил: «Улица пуста, никого нет, кроме двух военных». Наутро мы услышали по радио, что как раз в привокзальной части города ночью орудовала шайка, ее члены были переодеты в военную форму. Было очень противно, что кто-то подсматривал за нашей жизнью, и с тех пор мы с вечера заставляли окна планшетами: занавесок в хозяйстве не водилось.

Наконец стало ясно: едем! И мы задумали шикарный прощальный ужин! Наша маленькая печурка требовала много дров, и добыть их всегда было трудновато. Для праздника принести топливо вызвался все тот же неугомонный Штример. Оказывается, он давно заприметил плохо укрепленный большой мост через арык. Вечером, водрузив мост на спину, Миша двинулся, было, домой, но перед ним тотчас возник милиционер. Улика была на спине. Страж порядка заявил, что Миша арестован за хищение государственной собственности. Переговоры, где главным козырем была бедность несчастных студентов, закончились обещанием отпустить, но при одном условии. Миша в качестве тягловой силы должен отнести злополучный мост... в милицию. Идти было далеко... Вернувшись, усталый, но веселый Штример в красках рассказал о происшествии. А ужин мы все-таки потом организовали! Центром угощения была наша родная... картошка, в Самарканде стоившая дорого и очень мелкая. Ее сварили в большом цинковом тазу, и ели прямо в кожуре. Казалось, ничего вкуснее не бывает, что там гарнир – рос-

Третий выпуск ФТИИ Всероссийской академии художеств. Ленинград, 20 июля 1946 г. На фоне здания института слева направо: сидят – И. А. Бродский – ученый секретарь Академии художеств; выпускники О. Дряпкин, И. Лапина, М. Бойко, С. К. Исаков – профессор, преподаватель истории русского искусства, выпускники Л. Рыбакова, К. Роднин (стоит); стоят в первом ряду – Н. Д. Флитнер – профессор, преподаватель истории искусства Древнего Востока, выпускники Ф. Лейтман, Н. Косарева, И. Соколова (сидит), К. Корнилович, М. Хазанова, Г. Г. Grimm – профессор, преподаватель истории русской архитектуры, М. А. Голубева – доцент, ассистент Н. Н. Пунина; стоят во втором ряду – В. А. Ризник – преподаватель эстетики, выпускница Н. Павлова (Гепнер), М. И. Максимова – профессор, преподаватель истории античного искусства, М. В. Доброклонский – профессор, преподаватель истории западноевропейского искусства, Н. Н. Пунин – профессор, преподаватель истории нового западноевропейского искусства и курса «Анализ произведения изобразительного искусства», М. С. Альтман – профессор, преподаватель античной мифологии и истории античной литературы, И. А. Бартенев – декан ФТИИ, преподаватель истории западноевропейской архитектуры, А. И. Гербстман – преподаватель истории западноевропейской литературы, выпускник А. Гликман, С. В. Коровкевич – преподаватель истории советского искусства

кошные огромные алые сладкие помидоры! Пришли и гости. Среди разговоров, тостов и шуток выяснилось: мост как предмет охоты для отопления был знаком не только нам, и более удачливый в этом деле архитектор – дипломник Володя Афанасьев уважительно и с пониманием оценил и физическую силу Миши, и его дипломатический талант.

Наконец, в начале января 1944 года переезд состоялся. И мы ухнули из древней Средней Азии в древнюю Русь. Контраст был разителен! Там, в Самарканде, жара, яркие краски во всем, мечети, минареты, мавзолеи, кишлаки, гортанные звуки речей, крики осликов, процессии мерно колыхающихся верблюдов... Здесь, в Загорске, мороз, кругом белым-бело, сугробы снега, графика черных силуэтов деревьев, певучая речь баб в

платках и валенках, фыркающие лошади, запряженные в сани, и древняя Троице-Сергиева лавра, основанная в 1337 году. В ней, окруженные толстыми стенами с башнями, мы жили среди древних соборов, один из которых – XV века – украшала знаменитая «Троица» Рублева (теперь там ее копия, оригинал в Государственной Третьяковской галерее). Наше общежитие размещалось в палатах царицы Елизаветы Петровны, в которых она останавливалась, приезжая на богомолье. Музыкальный звон часов на изящной высокой колокольне XVIII века (в окончательном виде – творение В. Ухтомского) любили слушать прозрачными ранними утрами.

Начался новый этап жизни Академии художеств. Он продолжался полгода, до возвращения в Ленинград.

Рота особого назначения

Ю. И. Колесников

В мае 1940 года из личного состава 1-й особой бригады морской пехоты по приказу ГК ВМФ¹ было отобрано 43 человека.

Полный списочный состав группы не сохранился. Стали известны имена лишь некоторых:

1. Осипов Сергей Семенович.
2. Кадурич Николай Степанович.
3. Боровиков Лев Васильевич.
4. Фролов Павел Феоктистович.
5. Трапезов Василий.
6. Пронозин Иван Семенович.
7. Буряк Игнат Васильевич.
8. Кабанов.
9. Гнилицкий.

Эта группа прошла подготовку по выходу из подводной лодки «Правда» в подводном положении, которой руководили полковники И. И. Савичев и Н. К. Кривошеенко. Подготовка проводилась в порту г. Ораниенбаума на подводной лодке, ошвартованной к борту крейсера «Аврора». Ныне на этом месте установлен мемориальный знак.

Уже через год началась война, и эта группа составила основу нового подразделения – «Роты особого назначения» – РОН.

Острая необходимость в создании подразделения водолазов-разведчиков резко обозначилась уже в первые месяцы войны, но решать эти вопросы теперь приходилось в условиях войны в блокированном фашистами городе.

Обстановка, сложившаяся на Балтийском театре военных действий, особенно когда фашистские войска подошли к Ленинграду, поставила перед разведотделом штаба Балтийского флота (РО ШБФ) сложные оперативные задачи, в том числе ведение разведки на побережье в тылу врага. Большая плотность войск противника и сложные инженерные сооружения значительно затруднили проникновение нашей разведки за линию фронта. Без данных разведки окруженный город эффективно противодействовать не мог. В спешном порядке были созданы семь разве-

И. И. Савичев

Н. К. Кривошеенко

дывательных отрядов на следующих направлениях:

– два отряда в Ижорском укрепленном районе, из них первый – на Капорском направлении (командир отряда старший лейтенант С. А. Филипченко) и второй на Петергофском направлении (командир – старший лейтенант Е. В. Яковлев, затем капитан III ранга Д. У. Шашенков);

– отряд в Кронштадтском секторе (командир – старший лейтенант Пломадьало);

– отряд ленинградской ВМБ (командир – капитан-лейтенант Корсаков);

– отряд на Невском направлении (командир – капитан Г. В. Потехин);

– отряд на ладожской флотилии (командир – старший лейтенант Анашкин);

– разведывательные взводы на островных секторах Лавенсари и Сескар.

Однако в сложившихся условиях, когда начало смыкаться кольцо блокады города, наиболее реальным способом проникновения разведки в тыл противника остался только морской путь – высадка разведчиков морским путем с использованием водолазного снаряжения. Поэтому была создана рота особого назначения.

В конце июля 1941 года представителю Ставки Верховного командования, заместителю наркома ВМФ адмиралу И. С. Исачкову, который прибыл в Ленинград с заданием организовать оборону города на прибрежных направлениях, докладывал начальник экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОНа) контр-адмирал Ф. И. Крылов². В числе вопросов об эвакуации из Выборга водолазной школы он выразил опасение, что обученные водолазы могут быть использованы не по назначению. Был предложен вариант – оставить водолазов в составе флота, создав из них специальное разведывательное подразделение. Крылов предложил и кандидатуру на должность командира подразделения – хорошо известного ему лейтенанта Ивана Васильевича Прохвятилова, только что окончившего Высшее военно-морское училище им. Фрунзе. Крылов в свое время рекомендовал его при поступлении в водолазный техникум и ВВМУ.

Предложение адмиралом Исаковым было одобрено, устно был согласован штат.

11 августа наркомом ВМФ был издан приказ № 72/походный с поименным назначением личного состава роты (146 человек).

Этот приказ закрепил документально образование нового вида войск – Специальной разведки ВМФ. День 11 августа 1941 года вошел в историю флота как день рождения морского спецназа, но тогда, в грозном 41-м, никто не задумывался об этом. Было ясно одно – суровая необходимость заставила образовать новое подразделение водолазов-разведчиков, и никто из них не знал, какой службой и работой они будут заниматься и что они первые в этом боевом направлении.

Местом дислокации новой роты была определена школа на острове Голодай (Декабристов), что в конце Железноводской улицы, у памятника декабристам. Истинное наименование подразделения – «Рота особого назначения», открытое наименование – «Рота подводников ЭПРОНа».

От разведотдела штаба флота (РО ШБФ) куратором роты был определен заместитель начальника

И. С. Исаков

Л. К. Бекренев

РО ШБФ по агентурной разведке – капитан II ранга Л. К. Бекренев, впоследствии вице-адмирал, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба ВМФ.

Содружество и совместная служба профессионального врача-физиолога, инициатора создания специального подразделения водолазов-разведчиков Ильи Ильича Савичева и опытного водолаза-глу-

боководника Ивана Васильевича Прохвятилова под руководством разведчиков Л. К. Бекренева и Д. У. Шашенкова позволили сделать принципиально новое боевое подразделение в ВМФ, отработать тактику и методы их действия.

Ядром роты стали водолазы ЭПРОН и моряки из 1-й Особой бригады морской пехоты, прошедшие боевое крещение в войне с Финляндией и водолазную подготовку в Ораниенбауме под руководством И. И. Савичева

В архиве ВМФ сохранился и приказ начальника ЭПРОН от 07.09.41 г. № 51, согласно которому РОН передавалась в распоряжение разведывательного отдела штаба Краснознаменного Балтийского флота (РО ШКБФ). По штату рота должна была состоять из 146 человек, но фактически в ней более 120 человек никогда не было. В приложениях к приказу начальника ЭПРОН и в дальнейшем к приказу начальника РО ШКБФ имеются списки личного состава роты. Первоначально при формировании подразделения только за период с 31 июля по 25 августа 1941 года по состоянию здоровья было отчислено более 80 человек. Не менее 50 человек не прошли мандатную комиссию. Списки отчисленных из роты бойцов не обнаружены. Видимо, этот вопрос не так важен, поскольку по ходу военных действий основной состав созданного подразделения активно проявился в боевых операциях.

ПРИКАЗ

*Народного Комиссара Военно-морского Флота СССР
№ 72/походный 11 августа 1941 г.
г. Ленинград*

Содержание: О сформировании роты особого назначения при РО КБФ

Начальнику Разведывательного отдела КБФ:

1. Сформировать при РО КБФ роту особого назначения в составе 146 штатных единиц.

Роту комплектовать командирами и красноармейцами, водолазами, прошедшими специальную подготовку в Военно-Медицинской Академии и Управлении ЭПРОНа по прилагаемому списку.

2. Окончательную подготовку проводить в помещениях ВММА, ЭПРОНа

Командиром роты назначить лейтенанта тов. Прохвятилова, политруком роты – политрука тов. Маценко³.

Для руководства и консультаций военврача 1 ранга тов. Савичева И.И.⁴

3. Временный штат ввести в действие с 15.8.41 года, формирование закончить к 25.8.41 года.

4. Командиру Ленинградского Военного порта включить роту особого назначения на все виды довольствия.

*Зам. Наркома ВМФ адмирал флота Исаков И.С.
Военком моргруппы при Главкоме Северо-западного направления
капитан 1 ранга Белоусов.*

Состав роты особого назначения

I. Командный состав:

командир роты: лейтенант Провхитилов Иван Васильевич;
зам. командира по политической части: политрук Маценко Анатолий Федорович;
руководитель водолазной подготовки: военврач 1 ранга Савичев Илья Ильич.

II. Младший нач. состав:

командиры взводов, командиры разведгруппы:
старший лейтенант Арсирий Иван Федорович;
старший лейтенант Пермитин Федор Андреевич;
главный старшина Кирилов Иван Федорович;
главный старшина Осипов Сергей Семенович;
главный старшина Андреев Федор Тимофеевич;
главный старшина Никитин Николай Карпович;
старшина Пьянов Николай Георгиевич;
старшина Лукин Николай Кузьмич;
старшина Рядченко Петр Иванович;
старший лейтенант Иониди;
главный старшина Кудрин Николай Степанович.

III. Инструкторы водолазной подготовки:

Губенко Иван Трофимович;
Никитин Иван Павлович;
Федоров Леонид Дмитриевич;
Никифоров Николай Иванович.
Инструкторский состав был назначен в роту из учебного отряда подводного плавания (К УОПП) им. Кирова.

IV. Рядовой состав:

Алексеев Алексей Михайлович
Алексеев Леонид Александрович
Алексеев Николай
Ананьев Всеволод Иванович
Акимова Клавдия Павловна
Алейник Иван Петрович
Александров Алексей Николаевич
Александров Николай В.
Александров
Тимофей Иванович
Ахмедшин Александр М.
Антонов Василий Федорович
Абакумов П.В.

Боровиков Лев Васильевич
Боровков Михаил Федорович
Бурмак Александр Игнатьевич
Будяк Игнат Васильевич
Борисов
Владимир Александрович
Байков Петр Иванович
Баранов Николай Михайлович
Бисов Виктор Тимофеевич
Башенков Михаил Сергеевич
Бадешин Алексей Васильевич
Беспалов Иван
Дресвякин Лазарь Алексеевич,
Делягин Алексей
Добрых Федор
Державин
Евстигнеев Владимир (юнга)
Егеров
Емец Константин Митрофанович
Жуковский Иван Иванович
Звенцов Михаил Семенович
Забейворота Михаил Иванович
Зайцев Александр Филиппович
Зайцев Владимир Иванович
Зорин Григорий Иванович
Зинкевич Петр Кузьмич
Иванов Семен Васильевич
Иванов Андрей Александрович
Корольков Александр Николаевич
Козлов Серафим Михайлович
Кучерук Иван Степанович
Колмогоров Борис Михайлович
Кривобок Алексей Кузьмич
Кобяк Владимир
Кухарев Т.
Бакшаев
Белов
Васильев Василий Евгеньевич
Васечкин Сергей Филиппович
Васильев В. Е.
Васильев А. Е.
Воротягин Павел Васильевич
Виноградов М.
Воробьев П.
Вечерко
Вершукон Константин А.
Волошин Николай М.
Зирин Леонид Александрович
Герасимовский
Вениамин Иванович
Громов Михаил Ильич
Гирштант Борис Яковлевич
Губаренко Иван Трофимович
Громадский Иван Николаевич
Гупаков Василий Савельевич
Грицуков Василий Герасимович
Горячкин Владимир Андреевич
Григорьев Николай Николаевич
Гнилицкий Алексей Степанович
Гельбаум Эстер Самойловна

Галич Галина
Герасимович Иван
Дибров
Николай Пантелеймонович
Денисов Георгий Васильевич
Данилов Александр
Майоров Дмитрий
Михайлов В. М.
Мусяенко Иван Степанович
Московчук В.
Махотин
Мозаев
Мишин Александр Павлович
Муравьев Евгений Федорович
Милорадов Василий Ефремович
Макаров Иван Васильевич
Мельников Петр Петрович
Морковный В.
Никитин Николай Карпович
Непомнящий Сергей Михайлович
Нерубацкий
Алексей Митрофанович
Налетов
Назаров Василий Яковлевич
Нестерюк Андрей Дмитриевич
Новожилов
Александр Александрович
Неизмайлов
Александр Иосифович
Наумов Николай Дмитриевич
Никифоров Никита Иванович
Онищенко Иван Парфенович
Куликов
Калашников Николай
Карпенко Александр
Коренков Иван
Костылев Иван Иванович
Кабанов Алексей
Кузьменков
Крюков
Кучка
Кмелин Афанасий Михайлович
Капустин А.
Кузнецов Александр Николаевич
Коваленко Иван Филиппович
Кунин Георгий Иванович
Кутров Егор Васильевич
Калинин Иван Степанович
Кудаков Александр Петрович
Костин Павел Иванович
Лукач Всеволод Дмитриевич
Лукин Николай Лукич
Лебедев Николай Андреевич
Лазуткин Семен Сергеевич
Ляшенко Дмитрий
Лунин
Мосяев Николай Никифорович
Матвеев Владимир Васильевич
Марков Иван Васильевич
Мухин Николай Емельянович

Смирнов Андрей Алексеевич
Семенов Василий Федорович
Савин Василий Григорьевич
Сидоренко
Иван Пантелеймонович
Сомсонов Дмитрий Азарович
Самойлов
Всеволод Владимирович
Скобцов Алексей Андреевич
Смирнов Николай Васильевич
Сизов
Телегин Валентин Павлович
Трапезов Василий
Третьяков
Владимир Прокофьевич
Татаринов Иван
Тихонов А. А.
Торачков Павел
Тутов
Терехов
Тюрин Алексей Филиппович
Теликанов
Александр Никифорович
Тихомиров Александр Агеевич
Орлов Алексей Михайлович
Осипов Сергей Семенович
Прокофьев Иван Иванович
Полянский
Михаил Александрович

Петров Михаил Алексеевич
Перепелкин Иван Иванович
Петухов Михаил
Продан Николай
Погребняк
Подмаска В.
Панфилов
Рядченко Петр Иванович
Романов
Рыков
Румянцев Василий Иванович
Спиридонов
Александр Андреевич
Сантанеев Владимир
Семенов Михаил Семенович
Сванишвили
Константин Иванович
Сергеев Алексей
Семенов Алексей Алексеевич
Смирнов Григорий Никитич
Соболь Николай
Сивкин Андрей
Семин Иван
Сенчаков Александр
Телегин Валентин Павлович
Тарачков Павел
Фролов Павел Феоктистович
Фролов Иван
Фадеев Вячеслав Ильич

Филин
Франчук Иван
Федоров Федор Иванович
Федоров Леонид Дмитриевич
Хаврошечкин Ф.
Хохлов Иван Семенович
Харитонов
Николай Иванович
Хуторной
Гавриил Григорьевич
Чистяков Алексей Иванович
Четверяков
Черных
Чернин Борис Давыдович
Чуриков Илья Семенович
Черепяхин Егор Михайлович
Шифрин Лев Менделевич
Шинкарев
Владимир Максимович
Шигин Иван
Шемякин
Удалов Иван Александрович
Усанов Алексей Александрович
Царьков Петр Иванович
Стулин Лев Ефимович
Симановский Александр
Штынин
Александр Николаевич
Юревиц Зифриц Жанович

Своего командира, Ивана Васильевича Прохвятилова, рота признала сразу, окончательно и бесповоротно. В нем им нравилось все: и то, что в прошлом он известный волаз, и его громадный рост (198 см), вес (128 кг), густой украинский выговор и даже молчаливая внушительная суровость. Наиболее неприятным у разведчиков считались поспать за какую-либо провинность на беседу к командиру. Прохвятилов в таких случаях говорил мало, но воздействие было удивительным. Между собой разведчики называли командира «батей».

В начале сентября 1941 года фашистское командование готовило генеральное наступление. Накануне, 30 августа, противник ценой больших потерь захватил станцию Мга, лишив тем самым Ленинград связи со страной по железной дороге. В Шлиссельбург фашисты вошли 8 сентября.

Падение Шлиссельбурга замкнуло кольцо блокады Ленинграда по сухопутной части линии фронта. В планы гитлеровского командования никогда не входило блокирование города, они собирались овладеть им с ходу и далее продвигаться в сторону Вологды, с наме-

И. В. Прохвятилов

рением выйти в тыл Москве. Поэтому во всей кампании на востоке в первый год войны Ленинград был целью № 1. Но захват города с ходу не получился, образовалось в блокадное кольцо. Можно утверждать, что в крах гитлеровского плана по захвату столицы внес немалую лепту Ленинград, сковав огромные силы противника, не позволив их использовать под Москвой.

Подвигу Ленинграда нет равных в истории мировых войн. Частица подвига в этом сражении принадлежит и роте особого назначения.

Проблем с комплектованием и подготовкой РОН было немало. Поставленную командованием флота на период подготовки задачу – отработать за 30 суток боевые действия с подводным форсированием рубежей протяженностью 1000 метров на глубинах до 20 метров – выполнить за столь малое время не удалось. Оставалось одно – приобретать опыт непосредственно в ходе боевых действий.

Конец августа – начало сентября 1941 года... Это были самые тревожные дни в Ленинграде. Фашистские войска теснили обороняющихся. Корабли флота повернули орудия главного калибра на берег и по картам обстреливали квадраты, где отмечалось скопление врага и размещение артиллерии.

Основные силы эскадры – линкоры и крейсера были вынуждены базироваться в Ленинграде и Кронштадте. Линкор «Марат» стоял в Петровской гавани Кронштадта, линкор «Октябрьская революция» находился в Морском кана-

ле, крейсера «Максим Горький» и «Петропавловск» в устье Невы и гавани торгового порта.

Один залп линкора весил 6 тонн, за одну минуту линкор обрушивал на врага 50 тонн снарядов. Поэтому не случайно, что на наши корабли были брошены крупные соединения авиации противника. Самые сильные налеты были 21–23 сентября. Серьезные повреждения от попадания крупных бомб получили линкоры «Марат» и «Октябрьская революция», и все-таки они оставались в строю и продолжали действовать.

Наиболее ответственными участками фронта, от которых теперь зависела судьба города, были форт Красная Горка, Ораниенбаумский плацдарм, Кронштадт. Общая численность моряков, сошедших с корабля на сушу для формирования морских бригад, составляла 125 тысяч человек. В самые трудные дни – 10 сентября 1941 года – по приказу И. В. Сталина Г. К. Жуков вступил в командование войсками Ленинградского фронта.

С 17 сентября бои под Ленинградом достигли еще большего напряжения. Одиннадцать дивизий противника при поддержке всей авиации группы армий «Север» предприняли попытку прорваться в город. С целью содействия нашим войскам было принято решение на ряде участков для сковывания сил врага в его тыл высадить несколько морских десантов.

В соответствии с приказом Г. К. Жукова 1-я дивизия НКВД с приданным батальоном моряков Ладожской военной флотилии 19 сентября должна была овладеть городом Шлиссельбургом и далее продвигаться навстречу 54-й армии в юго-восточном направлении. В конце приказа карандашом была дописана фраза об одновременной высадке в тыл противника отряда моряков без огневой поддержки. Отряд моряков был сформирован из 80 морских разведчиков штаба флота и 105 курсантов Морского пограничного училища. В его состав вошли 50 разведчиков из роты особого назначения.

Необходимо отметить, что всего в эти дни, с 19 по 26 сентября, было высажено 14 десантов, по крайней мере в трех из них участвовали разведчики из РОН.

Впоследствии Наум Соломонович Фрумкин, заместитель начальника РО ШБФ, вспоминал: «...генерал армии Жуков Г. К. приказал мне в ночь на 23 сентября с группой моряков высадиться восточное Шлиссельбурга для захвата плацдарма с целью облегчения высадки основному десанту, которым будет командовать заместитель начальника штаба ладожской флотилии, капитан 2 ранга Г. А. Визель. Я понимал, что задача, которую мне предстоит выполнить, чрезвычайно трудная, так как оборону в месте высадки занимает егерский полк, и все предыдущие попытки закрепиться на берегу успеха не имели. Численность отряда моряков водолазов-разведчиков, участвующих в этом десанте, определялась автоматически – 32 человека, так как было выделено всего два катера типа «КМ» вместимостью не более указанного количества. Командиром отряда я назначил командира РОН лейтенанта В. И. Прохвятилова...». Опасаясь упустить темное время суток, необходимое для скрытного перехода, Г. А. Визель и Н. С. Фрумкин решили приступить к выполнению задания немедленно.

23 сентября в 1 час 45 минут Фрумкин и Прохвятилов с 32 разведчиками из РОН на двух катерах «КМ» в шестибалльный ветер, при котором этим суденышкам и плавать было запрещено, вышли из Осиновецкой гавани в направлении к берегу, занятому врагом. В 4 часа утра, когда катера уперлись

в песчаную отмель, десантники сошли в воду и двинулись к берегу. Пройдя 1,5 мили вброд, моряки вышли на берег и залегли за прибрежными валунами и камышом. Катера, убедившись, что противодействия нет, ушли в Осиневоц. В разведку ушли старшины Н. К. Никитин, М. А. Петров и краснофлотец Н. Л. Лукин. Десант высадился в тылу противника в 3 километрах западнее деревни Липки и в 6 километрах от Шлиссельбурга, непосредственно в расположение противника. Радиосвязь десанта с командованием отсутствовала, так как при высадке размокли батареи питания. Возвратившаяся разведка доложила, что в нескольких метрах находится вражеская артиллерийская батарея. Отряд тщательно замаскировался и стал ожидать вечера. Для обозначения места высадки в сторону озера начали подавать электрическим фонарем условные сигналы.

Шли вторые сутки, у промокших и замерзающих разведчиков появились простудные заболевания, сильный кашель мог выдать их присутствие, поэтому дальнейшее пребывание рядом с противником становилось невозможным. На рассвете третьих суток разведотряд с боем перешел линию фронта в районе Южных Липок. При прорыве отряд потерял убитыми трех человек, десять разведчиков получили ранения. В бою моряки уничтожили около 70 фашистов, не менее 10 пулеметных гнезд и два миномета. Все участники этой опера-

Мыс Осиневоц. 1941 г.

ции были награждены. Прохвятилов был награжден орденом «Красное Знамя», Н. С. Фрумкину было присвоено звание полковника.

В то время когда моряки Фрумкина ожидали на берегу высадки основного десанта, разыгрался сильный шторм. Две попытки высадки десанта не увенчались успехом. 25 сентября, когда шторм несколько утих, командующий флотилией Б. В. Хорошкин, действуя согласно требованиям Г. К. Жукова, отдал приказ на высадку десанта в дневное время, непосредственно в лоб противнику. Выполнение этой операции осуществлялось под его личным руководством. Доставка десанта осуществлялась на транспорте «Чапаев» и двумя баркасами на буксире. В конвое входили канонерские лодки: «Олемка», «Буря», «Нора», сторожевой корабль «Конструктор», четыре морских охотника (МО-196, -206, -216, -261) и бронекатер БК-99.

Для непосредственной высадки десанта на берег были выделены пять катеров «КМ» и несколько прогулочных открытых катеров. Состав личного состава десанта не изменился (105 курсантов Морского пограничного училища, 50 водолазов-разведчиков из РОН и 44 краснофлотца караульного взвода флотилии). В 15 часов 20 минут корабли десанта подошли к отмели и прибрежным камням. Десантники покинули корабли и пошли к берегу, погружаясь до головы в воду. В это время противник обнаружил десант и начал интенсивный обстрел. Десант ожидал отвлекающий удар прохвятиловского отряда, но они к этому времени уже возвращались в Осиневоц.

Вот как вспоминает об этой десантной операции ее непосредственный участник – командир разведгруппы РОН, главный старшина Кадурич Николай Степанович:

«...Прошло более 60 лет, но я никак не могу вычеркнуть из памяти кошмар этой десантной операции, эту “психическую атаку”. Судьба нашего десанта была трагична. Мы шли по горло в воде к берегу под шквальным огнем артиллерии и пулеметов врага, вокруг сплошные взрывы и свист пуль. Моряки водолазы-разведчики старались двигаться рядом, не упуская из виду друг друга. При-

Бойцы РОН

ближающийся берег уже усеян трупами, вокруг крики, стоны и просьбы о помощи, но никто не отставал, только вперед. Прорвана первая линия обороны врага, в окопах рукопашные схватки и стрельба в упор. Бой продолжался и ночью. Утром 26 сентября, преодолев первую линию обороны, мы натолкнулись на вторую, более укрепленную. Я видел, что отдельные группы моряков уже пробивались сквозь цепи фашистов, углубляясь в тыл противника. Было такое впечатление, что количество фашистов не уменьшалось, а нас, моряков, становилось все меньше и меньше. Рядом со мной был только Гнилицкий, разведчик из РОН, санитар-инструктор Галина Галич и лейтенант

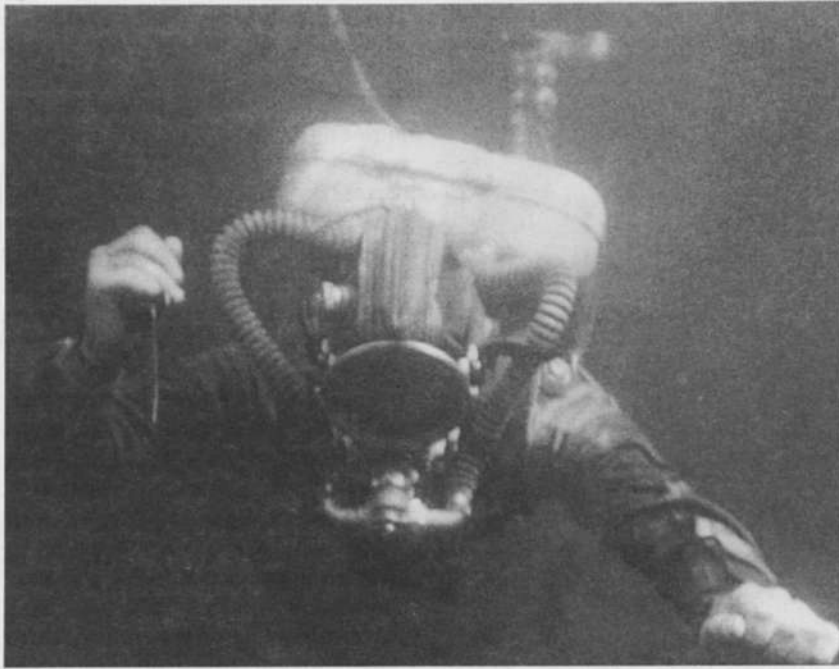
Гильбаум Эстер. Взрыв гранаты – и осколки вошли мне в ногу. Гнилицкий крикнул – отходите к берегу, я прикрою. У уреза воды мы спрятались за кустами. Преодолевая боль в ноге, я начал снимать обмотки с убитых, а девушки подтащили к берегу раненых и бревна. Удалось связать плот, на который погрузили трех раненых курсантов. Гнилицкий не отзывался, слышалась немецкая речь, по кустам ударила автоматная очередь. Приподнявшись, я бросил две гранаты. Войдя в воду и взобравшись на плот, мы начали двигаться от берега, используя приклады винтовок в качестве весел. Часов через 6 или 7 после 20-часового боя почти у самого Осиневца нас подобрал катер.

Судьба Гнилицкого и многих других моих сослуживцев осталась неизвестной. Порознь из нашей группы разведчиков возвратилось всего несколько человек и в том числе лейтенант Кирилов Федор Петрович. В этой десантной операции погибли наиболее подготовленные водолазы-разведчики.

Напомним, что РОН, по замыслу командования, была организована для обеспечения деятельности агентурной разведки. Эпизоды ее боевой деятельности, не связанные с выполнением основной задачи, диктовались необходимостью в сложившихся обстоятельствах. Загруженность личного состава РОН возрастала не от ее желания, а вследствие полученных приказов. Так, осенью 1941 года РОН участвова-

Бойцы РОН в ходе операции

Бойцы РОН в ходе операции

ла в форсировании Невы в районе Невской Дубровки. Затем они поднимали из-под воды боевую технику и боеприпасы. Подъем из воды танков и орудий был делом непростым и требовал нечеловеческих усилий. Первоначально к реке прорывались боковые траншеи, которые заполнялись водой. Разведчик в водолазном снаряжении из траншеи уходил в Неву, находил танк и крепил к нему трос. Танк вытаскивали тракторами или другими танками. Все это осуществлялось под непрерывным огнем противника. На такие работы РОН была вынуждена направлять самых лучших водолазов-разведчиков: Н. К. Никитина, Н. П. Никитина, А. А. Спиридонова, Н. С. Кадурина. Занимались делами, которые могли выполняться морской пехотой, саперами или ЭПРОном. После войны, когда станет остро вопрос о роли и месте специальной разведки, все это будет поставлено РОН в упрек.

В 1944 году военная обстановка в районе Ленинграда резко изменилась: фашистская группа войск «Север» была разгромлена, Финляндия была вынуждена выйти из войны, фронт далеко откатился на юго-запад.

В период подготовки к наступлению в мае 1944 года рота провела несколько успешных операций на северном побережье и островах

Финского залива. Разведка проводилась в белые ночи с использованием водолазного снаряжения.

Война есть война, и в ней всегда есть равенство между жизнью и смертью, несмотря на то, участвуешь ты в крупной боевой операции или это обычные будни войны, в которых в сводках Совинформбюро обычно сообщалось – «на фронтах без перемен». А будней войны у разведчиков было столько, что ими были заполнены все четыре года с 1941 по 1945 год.

В первые годы войны, когда опыта морской разведки и диверсий еще было мало, гибель лич-

ного состава была большой. Только в Шлиссельбургском десанте погибло около 30 водолазов-разведчиков. За период 1943–1945 годов в роте погибло не более 10 человек, и трое были ранены. Именно это и ничто другое, при таком количестве выполненных операций, говорит о возросшем военном профессионализме разведчиков и зрелости командиров. На фоне огромных успехов наших войск действия РОН и значение ВР не были по достоинству оценены командованием разведывательного управления главного морского штаба ВМС.

В октябре 1944 года разведывательное управление Главного морского штаба ВМФ (РУ ГМШ) приняло неожиданное решение о передаче РОН и ее имущества в АСО БФ. Начальник разведывательного управления Главного морского штаба (РУ ГМШ) ВМФ контр-адмирал М. А. Воронцов 2 октября 1944 года написал НШ БФ контр-адмиралу Петрову: «Имеющаяся при РО ШБФ рота легких водолазов уже давно не используется в должной мере для целей разведки. В связи с этим и отсутствием ближайших перспектив... имею в виду войти в ходатайство перед начальником Морского Генерального штаба (МГШ) о расформировании роты и передаче ее имущества в ведение ЭПРОНа...»

Начальник штаба БФ считал целесообразным оставить РОН в системе РО ШБФ до конца войны. Больше того, начальник РО ШБФ

И. В. Прохвятилов среди разведчиков РОН. 1944 г.

контр-адмирал Петров, его заместитель, капитан II ранга П. Д. Грищенко и командир РОН, капитан III ранга И. В. Прохвятилов были категорически не согласны с расформированием роты вообще. Они считали необходимым в мирное время иметь на флотах подобные подразделения и всячески их развивать и совершенствовать.

В конце войны, в октябре 1944 года, командир РОН лично обратился в РУ ГМШ: «...это дело новое, при известных условиях обеспечения обещает быть очень полезным на все время, пока существует разведка, тем более что никто не может гарантировать, что эта война последняя, да и в мирное время наличие таких войск исключать нельзя. Применяя даже низкого уровня технику, водолазы-разведчики (ВР) выходили на берег во всех случаях совершенно скрытно, несмотря на большую концентрацию сил противника и их высокую бдительность в местах высадки. Данные разведки были всегда достоверными. Как правило, подводная разведка применялась там, где обычные войска решить задачу не могли».

Прохвятилов предлагал для сохранения опыта войны в этом направлении на базе РОН создать школу легких водолазов-разведчиков РУ ГМШ, которая бы решала задачи подготовки кадров ВР, разработки водолазных снаряжений, необходимого технического обеспечения и совершенствования методов ведения разведки. Следует обратить внимание, насколько

выводы Прохвятилова вписываются в условия сегодняшнего дня.

В это же время с письмом к контр-адмиралу М. А. Воронцову обратился и заместитель начальника РО ШБФ, капитан II ранга П. Д. Грищенко (в прошлом знаменитый подводник). Он, кроме того, докладывал, что для размещения школы разведки КЭО БФ уже выделяет дом в поселке Стрельна.

На эти письма Воронцов ответил: «...на сохранение РОН согласен, но при условии более активного ее использования для целей разведки».

Письмо было направлено в адрес начальника РО ШБФ капитана II ранга Грищенко Григория Евтеевича (П. Д. Грищенко был его заместителем). Настойчиво выступали за сохранение и дальнейшее развитие подразделений ВР сотрудники РУ ГМШ капитан III ранга Д. У. Шашенков, капитан I ранга Л. К. Бекренев и полковник Н. С. Фрумкин, но все эти обращения не были приняты во внимание. В сентябре-октябре 1945 года БФ инспектировала ГМШ ВМС. В период инспекции начальник РО ШБФ капитан I ранга М. Д. Куликов и НШ БФ контр-адмирал Александров дали заключение: «Разведывательные отряды при РО БФ в мирное время иметь нецелесообразно». Заключение было включено в акт инспекции, который 10 октября был утвержден начальником ГМШ ВМФ адмиралом И. С. Исаковым

По иронии судьбы, адмирал И. С. Исаков, который своим при-

казом создал РОН в 1941 году, в 1945-м расформировал ее. Не поддающееся объяснению мнение: «Кадры разведки в мирное время готовить не нужно».

Далее события развивались очень быстро. 14 октября командующий БФ издает приказ о расформировании роты в срок до 20 октября. Легендарная рота особого назначения, выполнившая более 200 разведывательно-диверсионных операций, значение которых для осажденного города невозможно переоценить, перестала существовать.

20 октября 1945 года руководство РО ШКБФ в последний раз собрало личный состав роты на торжественное прощание. В краткой речи И. В. Прохвятилов, ощущая большое волнение, поблагодарил каждого за смелость и отвагу, за проявленную в очень трудное время для Родины любовь к ней, за честно выполненный воинский долг перед народом. В заключение он сказал: «Мы сделали все, что могли, и даже больше. Надеюсь, что на новом месте службы или работы вы не уроните честь и достоинство разведчика, которые были завоеваны нами в жестокой войне. Верьте мне, придет время, и о нашей роте еще вспомнят с глубокой благодарностью, потому что мы в новой морской профессии были первопроходцами и новые роты пойдут по нашим стопам, но уже хорошо обученные и оснащенные. Мы будем горды, если наш боевой опыт сохранится и поможет становлению новых подразделений».

¹ Подтверждение того, что лично ГК ВМФ Н. Г. Кузнецов не забыл уроки учения на ТОФ и дал указание на подготовку группы водолазов-разведчиков в мае 1940 года, т. е. после завершения войны с Финляндией, за год до начала войны. Но, конечно, одного этого указания было недостаточно.

² К моменту начала Великой Отечественной войны ЭПРОН состоял из Главного управления, пяти экспедиций (Балтийской, Северной, Черноморской, Тихоокеанской и Каспийской) и шести аварийно-спасательных отрядов. В состав ВМФ ЭПРОН вошел с 22 июня 1941 года.

³ А. Ф. Маценко на момент подписания приказа был старшиной 1-й статьи, помощником начальника политотдела ЭПРОН по ВЛКСМ.

⁴ Военврач I ранга И. И. Савичев был переведен с ТОФ в Ленинград в 1940 году.

София Израилевна Готхарт (Сагир) родилась 11 марта 1923 года в городе Витебске. С 1928 года жила в Ленинграде. После окончания школы в 1940 году поступила в Ленинградский городской педагогический институт. С началом войны учебу пришлось прервать. Во время войны оставалась в блокадном Ленинграде и работала сначала в госпитале, а потом экономистом на военном судостроительном заводе «Судомех». В 1945 году вышла замуж за Натана Львовича Готхарта, морского инженера, участника Великой Отечественной войны. В 1946 году родился сын Александр. После окончания войны продолжала работать экономистом. В 1955 году поступила в Ленинградский финансово-экономический институт, который окончила в 1960 году. С 1954 года до выхода на пенсию в 1978 году работала в Ленинградском специальном конструкторском бюро «Нефтехимавтоматика», сначала инженером-экономистом, а потом начальником планового отдела. Участник Великой Отечественной войны, награждена медалью «За оборону Ленинграда», а также и другими медалями. Умерла в Ленинграде в 1987 году. Похоронена на Преображенском кладбище.

Воспоминания блокадницы

С. И. Готхарт

Странное дело – память. Хочешь запомнить – не помнишь, хочешь забыть – не забывается. Даже через тридцать пять лет.

Летом сорок первого года я заканчивала первый курс Ленинградского городского педагогического института. Это был совершенно новый педагогический институт, он открылся в сороковом году и по замыслу должен был готовить преподавателей для ленинградских школ.

В воскресенье 22 июня я готовилась к экзаменам по новой истории, это был последний экзамен за первый курс.

Уже не помню, как сдавался этот последний экзамен, он никого не интересовал. Все были взбудоражены, все говорили о войне, хотя никто, конечно, не представлял себе, во что она выльется.

О том, что война будет страшная и что немцы через два с половиной месяца смогут приблизиться к Ленинграду и окружить его, – так никто, конечно, не думал и даже не мог вообразить себе этого.

В первые июльские дни сорок первого года наш институт по каким-то соображениям слили с Областным педагогическим институтом имени Покровского. Мы переселились в тот институт, он помещался на Петроградской стороне, недалеко от мечети – на Малой Посадской улице. В Институте Покровского нас стали называть «городскими», поскольку мы были из Городского педагогического.

Уже с Малой Посадской нас посылали работать на огородах. Мы

С. И. Готхарт

ездили на трамвае в Новую Деревню в какой-то совхоз. Никакого старшего среди нас не было, и кто хотел, тот ездил. Мы разыскивали бригадира, и тот посылал нас полоть капусту и морковь. Можно было работать, а можно было и загорать. Все это так не вязалось с общей тревогой и возбуждением, что мы наивно думали: а может быть, недолго будет война, походим немного на эти огороды, война и кончится. Через некоторое время нас с этих огородов сняли и послали рыть траншеи для укрытия населения во время воздушных налетов. Траншеи мы рыли в парке Ленина, там, где театр Ленинского комсомола, и еще в парке

Дзержинского – в конце Кировского проспекта.

Многих студентов, в том числе и меня, вызвали в институт почтовыми открытками. Нам объявили, что через два дня поедем в Петергоф на окопы – так коротко называли тогда строительство оборонительных сооружений. Сказали, чтобы мы взяли с собой простыни и наволочки (одеяла должны были дать на месте), что-нибудь из теплой одежды и обувь для работы. И еще – сколько-нибудь денег на всякий случай. Сказали, что мы поедем на месяц и нас сменит другая группа.

Наша группа состояла примерно из пятидесяти девчат и двадцати парней. Парни все были белобилетники, освобожденные от призыва по состоянию здоровья. Состав был смешанный, с разных курсов – второго и третьего, из нашего, «городского», и из Института имени Покровского.

Окопы были моим первым настоящим жизненным опытом. Все мы сильно выматывались. Работали мы без всяких выходных, и даже если у кого-нибудь из девчат наступало болезненное состояние, то все равно, за редким исключением, выходили на работу и выполняли свою норму.

Все мы очень плохо представляли тогда, что делается на фронте. Никто нам ничего не объяснял и не разъяснял. Газет за все это время мы не видели, и радио у нас не было.

Возвратились мы с окопов в первых числах сентября. Видимо,

держали нас до предела, потому что возвращение было неожиданным и очень быстрым. Близость фронта мы уже чувствовали. Это ощущение даже трудно с чем-нибудь сравнить. В воздухе стоял какой-то особенный неутраченный гул, и явно слышались толчки земли. И еще – над нами, очень низко, стали летать немецкие самолеты. Они нас обстреливали из пулеметов, и мы прятались в траншеи, которые только что рыли. Никто ничего официально нам не говорил, но до нас доходили разговоры военных, что передовая близко.

В институте, к нашему удивлению, шли занятия. Лекции шли на втором, на третьем и на четвертом курсах. И уже на другой день, как и все, сидели на лекциях.

Институт наш стал называться объектом (видимо, объектом МПВО, но я запомнила просто – «объектом»), и в эти же первые сентябрьские дни, чуть ли не на другой день после нашего возвращения с окопов, в институте была сформирована унитарная команда. Всем нам выдали противогазы, им тогда придавали большое значение. В институт приходило без противогаза не разрешалось.

«Унитарной» команда называлась, наверное, потому, что мы должны были и на крыше дежурить, и уметь оказывать первую помощь, и знать противохимическую защиту.

С утра у нас были лекции, но если начиналась тревога, то лекции прерывались, и та смена, которая в этот день дежурила, бежала на крышу на посты, а все остальные – и преподаватели и студенты – уходили в бомбоубежище.

После лекций мы очищали от хлама институтские чердаки и устанавливали там и на крыше деревянные ящики и засыпали в них песок. Ящиков на крыше поставили очень много, наверное, штук пятнадцать, и еще на чердаке штук пять. Песку затащили в избытке, он был и в ящиках, и вокруг ящиков. На чердаках были также баки с водой и огнетушители. Но песок считался главным средством против зажигательных бомб. Нам наскоро объяснили, как устроены эти бомбы, и показали, как их тушить. И еще нас учили оказывать первую помощь: накладывать шины, бинтовать, выводить из шока, переносить

С. И. Готхарт.
Конец 1940-х гг. – начало 1950-х гг.

раненых. И снова, в который раз, мы изучали устройство противогаса и что-то еще по противохимической защите – все были убеждены, что немцы применяют отравляющие вещества. Помню, что сама я смотрела на противогаз, как на ерунду, мне не верилось, что им можно спастись.

Первые воздушные налеты и бомбежки запомнились особенно. Когда горели Бадаевские склады, я дежурила на институтской вышке. На крыше института была застекленная вышка – наблюдательный пост. На вышке сидели обычно три человека (больше там не помещалось). Кроме этого, и на самой крыше находились дежурные – всего нас в одной смене было человек восемь.

Такого грохота зениток я еще не слышала. Небо хлопотало от разрывов. И было такое ощущение, что весь город гудит, трещит и все куда-то проваливается. Потом были бомбежки и тяжелее, но мы к ним уже в какой-то мере притерпелись. А в первые налеты был такой жуткий страх и такая незащищенность, что я даже не понимаю, как мы, девчонки, выдерживали и не убегали с крыш. Сидели, прижавшись друг к другу.

В той стороне, где были Бадаевские склады, в небо поднимались огромные клубы дыма и огромное пламя. Все это было таких невиданных размеров, что казалось, сейчас, прямо на глазах, запылывает весь

город. Горело долго, нас уже сменили, а мы все еще не уходили с крыши, стояли и смотрели на зарево.

Домой после той бомбежки я вернулась на другой день, когда закончилось дежурство. Я была потрясена, и поэтому сильный нагонный отчим мною почти не воспринимался. Дома знали, что я дежурю, и у меня было самое высокое оправдание. Мне кажется, что в этот день во мне произошел перелом – у меня исчез страх перед отчимом. Появилось что-то такое – долг, обязанность, что было выше его власти. Я даже набралась смелости и заявила, что завтра я снова пойду дежурить и что я вообще буду уходить из дома на дежурство через день. И даже припугнула: если я на дежурство не приду, то меня привлекут к ответственности за дезертирство. Два месяца назад так разговаривать с отчимом я бы не посмела. Теперь меня уже просто уговаривали – без угроз и без криков, – что надо стараться быть больше дома, что время опасное, что лучше быть всем вместе.

Врезались в память подробности еще одного сентябрьского налета. Это было в середине сентября. Я пришла из института домой, и мне кто-то сказал, что в «низочке» (так мы называли полуподвальный магазин на углу Невского и Литейного) дают крупу, если не изменяет память, чуть ли не гречу. Тогда прикрепления карточек еще не было, и можно было отовариться в любом магазине.

Очередь была длинная, она тянулась по Литейному проспекту. Я стояла на улице, и едва успела переступить порог магазина, как начался налет – и обстрел, и бомбежка, все вместе. Дверь в магазин сразу же закрыли, и я осталась в этом «низочке», а те, кто стояли на улице, кинулись в убежище.

Бомбежка и обстрел были очень жестокими. Я даже потеряла надежду выбраться живой. Свистело, гремело, сыпалась штукатурка, летели стекла из рам, пол ходил под ногами. Когда бомбы разрывались близко, трясло так, что, казалось, подпрыгивает весь дом. Даже невозможно было стоять. Длилось все это долго, наверное, больше двух часов. После, когда налет кончился, очередь восстановилась, но стала она значительно меньше. Многие, пере-

жив такой страх, разошлись. Я получала крупы в полубессознательном состоянии.

Первая половина сентября была теплая, некоторые дни были даже солнечными, но конец месяца был уже холодный.

Тревоги объявлялись часто, по многу раз в сутки – и утром, когда шли лекции, и после лекций, и ночью. То бомбежка, то обстрел, то все вместе. Ночью дежурить было тяжело; и спать хотелось, и холодно было на крыше, и просто было жутковато. В памяти – небо в аэростатах, лучи прожекторов, вой и оглушительные разрывы бомб и снарядов, запах гари. Из первых дежурств отчетливо запомнились – я это видела несколько раз – ракеты, которыми немецкие агенты откуда-то, наверное с крыш, а может быть, и из окон верхних этажей, подавали сигналы своим самолетам. Сначала я не понимала, что это такое, пока на каких-то ближайших занятиях нам это не объяснили. Мы запоминали ориентиры, откуда выстреливалась ракета, а начальник объекта сообщал об этом в штаб МПВО. Нас предупреждали, что немецкие агенты сигнализируют своим самолетам еще и фонариками, но таких сигналов я сама не видела.

Очень часто, по разным причинам, замена или не приходила, или задерживалась, и тогда дежурили без отдыха и, конечно, недосыпали, выматывались. Но молодость есть молодость. Тревоги и дежурства заканчивались, и – это было еще в сентябре – мы шли в большой актовый зал. Кто-нибудь играл на рояле, в том числе и я – тренькала что-то, и мы танцевали и пели, и было весело. Казалось даже, что никаких тревог больше не будет.

Помню хорошо, как первый раз тушила я зажигательные бомбы. Во время налета мы сидели на нашей вышке и вдруг услышали, как что-то загрохотало по крыше, как будто кто-нибудь камни бросил. Мы быстро спустились с вышки и стали по разным концам осматривать крышу. Крыша была немного покатою, и недалеко от края я увидела две зажигалки, они лежали близко одна от другой. Зажигалки были небольших размеров, цилиндрической формы. Потом на той же

крыше я тушила и другие зажигательные бомбы, они были крупнее, а по форме были похожи, как бы это сказать, ну, на фляги, что ли.

От страха я даже не видела, начали гореть эти бомбы или нет. Я взяла щипцы и подошла к первой зажигалке. Сердце у меня замирало – я боялась, что бомба взорвется в руках. На занятиях нам объясняли, как обращаться с зажигалками, но то была теория, а это – действительность. Отступить было стыдно, я ухватила бомбу щипцами и, не дыша, сунула ее в ящик с песком. Рядом с ящиком была деревянная лопата в виде совка, и я присыпала на эту бомбу сверху песку. То же сделала и со второй бомбой.

Всего в тот первый раз мы нашли на крыше пять или шесть таких бомб. Другие бомбы девочки загасили так же в ящиках с песком. Искали мы бомбы и на чердаке, но там их не было.

На вышке у нас был журнал, в него мы записывали обо всем важном, что происходило во время дежурства, в том числе, разумеется, и о зажигательных бомбах. Потом все эти сведения передавали по телефону в районный штаб МПВО.

Первые зажигалки страху на нас, конечно, нагнали. Но их сыпалось на город так много, что мы волей-неволей быстро с ними ос-

С. И. и Н. Л. Готхарты

воились, нужно их было только быстрее найти и сунуть в ящик с песком, чтобы не начался пожар. Мы действовали уже просто механически. Нас, правда, предупреждали, что какие-то зажигательные бомбы могут внезапно взорваться в руках, но у нас ни одного такого случая не было.

Слово «блокада» я впервые услышала от старосты Раи. Рая сказала мне и еще нескольким девочкам, что она была в райкоме комсомола и там говорили, что город окружен со всех сторон и что немцы хотят создать блокаду. Рая так именно и сказала: «Немцы хотят создать блокаду». Хотя, как я теперь понимаю, город уже был в то время блокирован.

Значение слова «блокада» я осознала не сразу. Странно было представить, что Ленинград отрезан от всей страны и что из Ленинграда невозможно никуда выехать.

Все шло такими темпами, что уже, наверное, на другой день после разговора с Раей о блокаде стали говорить все и во всеуслышание. И все равно в сознании это не укладывалось, казалось невероятным и невозможным.

Помню, как директор института после лекций собрал нас и сказал: «Мне поручено сообщить вам, что Ленинград окружен кольцом блокады». И хотя мы привыкли верить каждому директорскому слову, помню, я все-таки подумала: «Это что-то немислимое, этого не может быть, это повторяются какие-то чужие слова». Но директор объяснил нам, что железные дороги, которые соединяли Ленинград со всей страной, перерезаны немецкими войсками и что осталась только связь через Ладожское озеро и еще – самолетами. Директор призывал нас сохранять спокойствие, говорил, что Ленинград мы не сдадим и что окружение будет в самое ближайшее время прорвано.

Никто из нас, студентов, истинного положения не знал, и где находятся немецкие войска вокруг Ленинграда, мы почти не представляли. Доходили только слухи, что немцы заняли ближайшие пригороды. Помню, называли Дудергоф. В Дудергофе мы жили одно лето на даче, и я знала хорошо это место. Но некоторые говорили, что бои идут уже на окраинах города и что

положение очень и очень опасное. Передавались даже такие слухи, что готовят к взрыву заводы – их взорвут, если немцев не остановят.

Слухов в то время было очень много, они проникали со всех сторон – от соседей, знакомых и даже от совершенно неизвестных людей. По радио или в газетах все было сдержанно и неопределенно: «Враг у стен Ленинграда», «Враг у ворот Ленинграда». А по слухам знали, что немцы взяли Урицк, что они в Стрельне, у больницы Фореля, где-то недалеко от Средней Рогатки. Слухи распространялись мгновенно. Неожиданную новость можно было услышать в очереди, в трамвае, в институте, в бомбоубежище. Люди как будто перестали бояться, что за слухи могут привлечь и что за них можно поплатиться. Хорошо помню, что слухи о том, что немцы находятся вблизи Кировского завода, передавались не шепотом, а вполне открыто. Не верить этим слухам было невозможно, их повторяли совершенно разные люди.

Но в памяти сохранилось, что даже самые страшные слухи – новости или предположения – передавались сдержанно, без паники. Я не видела, чтобы кто-нибудь рвал на себе волосы, кричал, рыдал, хотя в городе, как известно, преобладали женщины, дети и старики со старухами. Трудно даже понять, как сохранялась такая выдержка в массе населения. Сейчас мне кажется, что эта сдержанность была своеобразной защитной реакцией.

И еще – злых или каких-нибудь злонамеренных слухов мне самой слышать не приходилось. Мне кажется, что их почти и не было. Нервы у всех были напряжены до предела, и распространителям такого рода слухов могли дать отпор любыми средствами.

А говорились, в общем-то, ужасные вещи: что немцы хотят бомбежками и обстрелами уничтожить Ленинград полностью; что запасов продовольствия в городе нет и нас ждет голодная смерть; что если немцы возьмут Ленинград, то уничтожат все население, и другое в таком же духе.

Что касается населения, то одни говорили, что немцы уничтожат всех без разбора, а другие, что только евреев. Одна наша хорошая

знакомая, Софья Андреевна Малеева, она работала в аптеке на углу Невского и Фонтанки, советовала мне выкрасить волосы перекисью, чтобы немцы не догадались, что я еврейка.

В сентябре я бывала в институте почти каждый день. Во-первых, через сутки было дежурство на крыше в составе унитарной команды, а кроме того, я старалась не пропускать лекции. Мне это самой кажется сейчас странным. Город бомбили и обстреливали почти каждый день и помногу часов подряд, и причин, чтобы не пойти на занятия, было более чем достаточно. Но почему-то все мы, за редким исключением, стремились в институт.

На Петроградскую сторону в институт я добиралась трамваем, садилась на углу Литейного и Некрасова. Но трамвай стал ненадежен, его приходилось долго ждать, а если он приходил, в него было не сесть. Поэтому я все чаще стала ходить в институт пешком. Иногда подсаживалась в трамвай по пути, если это, конечно, удавалось. Часто где-нибудь заставляла тревога. Это было обычным явлением: если куда-то идешь, то попадаешь под обстрел или бомбежку, и приходится прятаться в бомбоубежище (к ним вели указатели) или, если был рядом какой-нибудь сад или парк, в щели, отрытые в земле. Таких щелей по пути в институт было много: на Марсовом поле и в парке Ленина. Помню, некоторые, сидя в убежище, вытаскивали книжки или газеты и читали, чтобы отвлечься и скоротать время – иногда даже в то время, когда снаряды или бомбы рвались близко.

Занятия в институте продолжались и тогда, когда немцы в середине сентября подошли к Ленинграду вплотную. Сегодня это даже трудно представить. Фронт был на окраине города, бомбили и обстреливали систематически, а мы ходили в институт на лекции.

Теперь, когда я где-нибудь читаю, что немецкие войска были на расстоянии двенадцати или тринадцати километров от Дворцовой площади, мне и самой не верится.

Сейчас, вспоминая, трудно, конечно, проникнуться и мыслями, и душевным состоянием того времени. Но в памяти сохранилось:

несмотря на то, что бои шли совсем рядом, большинству людей, которых я знала, не верилось, что Ленинград могут сдать немцам. Это не громкая фраза. Те двенадцать или тринадцать километров до немецких окопов никто тогда не называл и не считал, и казалось, что расстояние от окраин города до центра очень большое. Конечно, боялись, что немцы могут прорваться в город, и в то же время не верили в это...

В октябре наступили холода, институт не отапливался, и мы сидели на занятиях в пальто, в шапках, в платках.

Когда начался голод, наша унитарная команда стала сокращаться. Некоторые девочки пали духом и вообще перестали ходить в институт, других не пускали родители, кто-то болел. Иногда, правда, исчезнувшие появлялись снова, но, в общем, унитарная команда редела.

Зиму с сорок первого на сорок второй год я вспоминаю с содроганием. То время было самым страшным и самым мрачным периодом блокады. Зима тянулась так долго, что казалось, ей никогда не будет конца. Было странным, что зимнее время по календарю всего только три месяца.

Холода наступили рано, в конце октября, и не отпускали всю зиму. Ноябрь, декабрь, январь, февраль – какие это были долгие и жестокие месяцы. Морозы держались до тридцати, до сорока градусов, казалось, они будут бесконечно. В памяти не осталось ни одного дня, чтобы он был помягче, ни одной оттепели, наверное, их и не было. И март был тоже суровым – до самого последнего дня. И даже в апреле было холодно. Теплые, по-настоящему весенние дни наступили лишь перед самым маем.

Но не только из-за необыкновенных морозов зима была такой длинной – не в меньшей мере из-за нескончаемого смертельного голода.

Норма хлеба все время уменьшалась. Мама, отчим и я, все мы получали иждивенческие карточки («изнеможденческие», как называли их люди с мрачным юмором). По такой карточке в начале блокады в сентябре давали на день триста граммов хлеба. Но очень скоро эта норма стала снижаться,

и уже в ноябре она дошла до минимума – общеизвестных ста двадцати пяти граммов. Другие продукты выдавались в то время в таких ничтожных количествах, и так редко, и так случайно, что на них нельзя было рассчитывать вообще. Из выдач того времени запомнились чечевица, пшено, горох, паточка, крахмал, конфеты «Крокет», яичный порошок. Но все это было мизерно, буквально горсточками.

Хлеб был самым ценным и самым реальным из продуктов. Сто двадцать пять граммов – это был маленький кусочек хлеба, липкого, глинистого. Он был такой вязкий, что когда его резали, почти не было крошек. Всяких примесей в нем было не меньше, чем самой муки. Если бы сейчас попробовать выпечь такой хлеб, его бы никто не взял в рот, а тогда – дай бог только побольше.

В очередь за хлебом шли рано, задолго до открытия булочной. Гнал голод, боялись, что не хватит хлеба, да вообще, это был самый важный и самый первостепенный жизненный акт. Сейчас трудно объяснить и, наверное, невозможно понять, что такое был хлеб в то время. То была наивысшая драгоценность, надежда на жизнь, сама жизнь. Это не выразить никакими словами.

Из булочной я приходила измёрзшая, отогревалась, съедала кусочек хлеба с горячей водой и шла в институт. Занятия заставляли подтягиваться, не распускать себя. Хотелось прилечь, но я знала: если я лягу, то в институт уже не пойду. Но иногда бывало и так, что я сникала полностью и укладывалась на кровать. Все было мрачно и все безнадежно, не хотелось ничего делать и ни о чем думать. Из этого состояния очень трудно было выбраться.

Когда я сравнивала день, проведенный дома в таком состоянии, и день, когда я была в институте, я видела: на людях, на занятиях было лучше. В институте исчезал страх, и даже появлялось что-то вроде подъема. Поэтому я, несмотря ни на что, стремилась в институт.

Люди от голода быстро слабели и менялись прямо на глазах. Мне кажется, что уже в октябре появилось слово «дистрофия» – это было крайнее истощение от голода.

Дистрофия изменяла облик людей. Худые с припухлостями

лица казались деформированными. А кроме того, сильно опухали ноги, шатались зубы и у некоторых было не все в порядке с психикой – от голода появлялись какие-то нарушения в сознании. Мужчины и сникали быстрее, и умирать стали раньше, чем женщины.

Это было то, что сейчас называют стрессом. На людей обрушились сразу все ужасы: голод, холод, бомбежки, обстрелы. Нарушились все связи жизни. Люди оказались беспомощными и беззащитными. И мне кажется, в первый голодный месяц люди умирали не только от одного голода, но также и от чувства безнадежности, от леденящего душу отчаяния.

Покойников с каждым днем было все больше и больше. Первое время хоронили в гробах, а потом стали просто заворачивать в простыни и тащить на саночках, на листах фанеры, на досках. А дальше стало еще чудовищнее. Трупы, полузаметенные снегом, лежали прямо на улицах. Они были и на нашей Чеховой, и на Литейном, и на Жуковской и на Марсовом поле – везде. Их сначала обходили, а потом, чтобы не ступать в сугроб, просто перешагивали. Трупы обнаруживали в подворотнях, во дворах, на лестницах, в вымерших квартирах. По городу ездили специальные машины, собирали эти трупы и отвозили в особые места. В памяти это слилось в одну сплошную жуткую картину.

Помню, как я наткнулась на неизвестный труп в нашем подъезде. Это был мужчина, может быть, он к кому-нибудь шел и упал, а может быть, труп подбросили, так тоже бывало. Я не знала, что делать, и пошла к управхозу Евдокие Николаевне. Это была энергичная и решительная женщина, она сама свезла труп на Литейный к Куйбышевской больнице.

Люди валились прямо на глазах. Это происходило так: идет человек, еле волочит ноги и вдруг начинает оседать, садится или падает. Иногда это был голодный обморок, человек еще дышал. А у другого была агония или уже остекленевшие глаза – все, конец, значит.

Первое время люди, у которых были остатки сил, как-то реагировали на это. Если видели, что человек упал, но еще жив, то подни-

мали его и даже иногда помогали дойти до дома. А потом наступил такой период, когда людей охватило отупение, бесчувственность. Не было ни физических, ни моральных сил оказать помощь упавшему. Никакое воображение не может этого представить. Люди проходили мимо. Ну и что, что упал. А через час твой будет черед, ты упадешь. И у меня такое состояние было, в особенности, в январе–феврале 1942 года.

Запомнилось из мрачного юмора того времени:

– Как живешь?

– Как «четверка» – от Голодая до Волкова кладбища.

Раньше это было понятно без объяснений: перед войной и значительное время после войны четвертый номер трамвая ходил по маршруту от острова Декабристов (по-старому – Голодая) до Волковой деревни, где находится Волковское кладбище.

Трамваи появлялись все реже и реже, а потом и вообще встали, и в институт я стала добираться пешком. Дорога до института была неблизкой. С улицы Чехова, где мы жили, я выходила на Некрасовскую, шла по Литейному, потом по улице Пестеля и через Марсово поле выходила на Кировский мост*; с моста сворачивала к мечети, а там уже рядом была и Малая Посадская. Иногда шла бездумно, а иногда фантазировала, как дурочка. В голову лезла всякая чушь: вот приду в институт, а там вдруг открыта столовая и всех нас накормят.

В ноябре–декабре Кировский мост казался мне горой, иногда я даже думала, что мне его не осилить. Мосты старались переходить быстрее, чтобы не попасть под обстрел. Но я через Кировский мост не шла, а брела. Иду, остановлюсь, постою немного, посмотрю назад: сколько-то я все-таки прошла, значит еще ничего, двигаюсь.

Однажды, когда я перешла Кировский мост, начался артобстрел, и вместе с артобстрелом бомбежка. Не знаю что – бомбы или снаряды – падали в замерзшую Неву и взрывались. Люди, которые были рядом, легли – так всегда де-

* Ныне – Троицкий мост. – Ред.

дали, если спрятаться было невозможно. И я тоже легла и съежилась около решетки моста. Рядом оказался какой-то парнишка-красноармеец, он протянул мне сухарь: «На, ешь».

Был еще один случай, когда я оказалась на мосту во время артобстрела. Но это было уже летом сорок второго года. Я переходила мост Лейтенанта Шмидта, и обстрел застал меня почти на середине моста. Рядом шло несколько человек, одни побежали, другие тут же легли. А я – не знаю, что со мной сделалось – вдруг вцепилась в перила моста, втянула голову и так осталась стоять. Снаряды рвались в Неве рядом с мостом. Из воды поднимались высокие фонтаны, и брызги долетали до моих рук, до лица. Казалось, свет кончался. Мне кричали: «Девушка, ложись!». А я как будто окаменела. Очень долго не могла прийти в себя после того случая.

За хлебом в нашей семье ходила обычно я. Вставала, как правило, в пять утра, надевала на себя все, что можно было надеть (иногда закутывалась в три платка – только глаза были видны), и шла в очередь к булочной. Хлеб получали на углу улиц Маяковского и Некрасова. Там до сих пор булочная, и по-прежнему вход с угла. Но я помню, был какой-то период, когда за хлебом стояли у другой булочной, чуть подалее, на улице Маяковского, в крупном сером здании, расположенном между улицей Некрасова и Басковым переулком. В этом месте сейчас столовая.

Мороз по утрам был лютым. Все старались одеться как можно теплее, мужчины повязывали женские платки, и иногда было трудно понять, кто перед тобой – мужчина или женщина. Но люди в очереди каждый день одни и те же, и поэтому начинаешь различать. Даже обращаешь внимание: кого-то уже много дней не видно – значит, умер. «Завтра мне уже не прийти», – говорит сосед в очереди, с которым часто видишься и даже успеваешь к нему привыкнуть. И больше его не встречаешь. Значит, умер.

В очереди переговаривались о разных житейских делах. Передавали какие-то известия, слухи. Иногда можно было услышать самую лучшую новость – завтра бу-

дут что-то давать, крупу, например. А часто, застыв от холода, стояли молча, замкнуто, во все равно было отрадное чувство – рядом с тобой живые люди.

Если рядом начинался артобстрел или бомбежка, очередь расходилась, люди прятались в убежище. Но у некоторых людей голод победил все страхи, они продолжали стоять у булочной, и их заставляли идти в убежище дежурные МПВО. Когда тревога заканчивалась, очередь устанавливалась, как была. Люди находили свои места, споров и недоразумений, как правило, не было.

Голодные, промерзшие насквозь, мы смиренно выстаивали очередь. Она вытягивалась обычно от улицы Некрасова до Ковенского переулка. Мы были каждый раз счастливы, когда узнавали, что хлеб привезли и булочную должны открыть. Но иногда – ждем, ждем, вроде бы уже и время, а булочная закрыта. Значит, хлеба еще нет, и надо стоять и ждать, пока привезут, а сколько ждать – никто не знает.

Метель, темно, холод адский, промерзла насквозь с ног до головы, а уйти боязно: вдруг привезут. И все-таки уже больше не могу. Говорю женщине, которая стоит за мной, что хочу пойти погреться. «Не уходите, – говорит она, – вон в той булочной, – она показала в сторону соседней булочной, которая недалеко, здесь же, на улице Маяковского, – хлеб уже привезли. И у нас привезли. Наверное, перевешивают». Я шла и узнавала – и в нашей булочной не было хлеба, и в соседней тоже. Соседка просто выдумывала, и сама верила в свою выдумку.

Было много случаев, когда из-за каких-нибудь перебоев на хлебозаводе (не подвезли вовремя муку, или не было воды, или по каким-то другим причинам) хлеб выпекался с запозданием. И тогда хлеб привозили в булочные не утром, а в течение дня, и даже к концу дня, когда уже начинало темнеть.

В таких случаях в очереди возникал панический страх, все боялись, что хлеба вообще не привезут. Но каждый раз находились какие-то люди, которые гасили панику. Эти люди, как и все в очереди, были еле живы, едва стояли на

ногах, но вот умели успокоить других и даже вселяли надежду, что хлеб будет. В большинстве случаев это были женщины. «Давайте постоим, – слышался чей-нибудь одинокий голый, неожиданно спокойный в такой обстановке, – ведь должны же привезти». И этот голос действовал странным образом успокаивающе. Он всегда поддерживался: «Нет, я не пойду, постою». И люди не расходились. Почему-то многие считали, что если будет очередь, то хлеб обязательно привезут. И я тоже так думала: раз люди стоят, значит есть смысл стоять и ждать, а если очередь расходится, то хлеб могут и не привезти. Очередь была коллективной надеждой. И когда люди не выдерживали и очередь начинала редеть, эта, даже слабая, надежда таяла.

И еще я вспоминаю, была сплоченность очереди. Если кто-либо, закоченев, не выдерживал и уходил домой погреться, его в занятую им очередь всегда впускали. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь сказал: «Вы здесь не стояли». Все-таки даже в таких условиях большинство людей вело себя достойно. И вообще, так мне запомнилось, люди в очереди в большинстве своем относились друг к другу сочувственно.

Был такой случай, когда хлеб в булочной не привозили три дня. Это было, по-моему, в январе 1942 года – после говорили, что случилась авария, замерз водопровод, который подавал воду на хлебозавод. Все эти три дня стояла трехдневная, точнее сказать, трехсуточная очередь. Люди договаривались между собой, уходили согреться, поспать, и оставался какой-то костяк очереди. Днем тоже подменивались, чтобы погреться – и так трое суток. Никто не знал, почему нет хлеба. И не знали, когда он будет. Стояли и терпеливо ждали. Уже терялась всякая надежда. Появлялись мрачные предположения, что кончилась вся мука и ее не могут подвезти. Но все-таки психика людей была настроена таким образом, что это очень страшное предположение старались отместить, и выдвигались версии обнадеживающие: хлеба нет потому, что промокла мука и ее сушат, хлеб уже выпечен, но его не могут при-

везти – нет бензина, и другие в таком же духе.

Потом, на второй день, наверное, появились более или менее достоверные слухи: на хлебозаводе случилась авария с водопроводом, и ту аварию уже вроде бы ликвидировали или вот-вот должны ликвидировать (именно «вот-вот»), и хлеб скоро выпекут и привезут.

По правилам, хлеб по карточкам выдавался так, что его можно было получить на два дня – на сегодня и на завтра. Все обычно залезали на день вперед. Взяв однажды хлеб на два дня – на сегодня и на завтра – дальше уже оставалось брать только на завтрашний день. И брали, и съедали. То есть, съедали сегодня тот паек, который предназначался на завтра. И так каждый день.

Получить хлеб за прошедшие дни, например, за вчерашний день, было невозможно, его, согласно правилам, не выдавали. Если одинокий человек, например, заболел и не мог выйти из дома – то его хлеб пропадал. Таких случаев было очень много, и очень много людей из-за этого погибло.

Никакие просьбы и мольбы на продавщиц не действовали. Просить в этом случае было абсолютно бесполезно. Скорее можно было выпросить хлеб на послезавтра. Это тоже было против правил, но я знаю, что в редких случаях у каких-то продавщиц вымаливали, обычно перед закрытием булочной.

За вчерашний день хлеб выдавался только в том случае, если вчера хлеб в булочную не привозили. Когда перебои с хлебом были три дня подряд, хлеб за все эти три дня выдали полностью, помню, что много тогда хлеба получили.

Когда булочную открывали, очередь, несмотря на холод и ожидание, не вваливалась, а входила какими-то порциями и подходила к прилавку всегда с правой стороны. Не помню случая, чтобы при этом был беспорядок или неразбериха. Возможно, люди боялись нарушить налаженность очереди, а может быть потому, что уже привыкли друг к другу. Но всегда, даже когда очередь входила в булочную и люди возбуждались от запаха хлеба, соблюдался порядок.

Продавщицы вырезали талоны из карточек ножницами. Они

обычно громко называли число, за которое вырезают талоны; но все боялись, что при этом могут быть захвачены и лишние талоны, и поэтому карточки после продавщиц всегда проверяли. Случаи, когда вырезали лишние талоны, бывали – иногда это происходило по ошибке, а иногда и не по ошибке. Продавщицы, как и во все времена, были разные.

На весы, когда на них продавщица клала хлеб, смотрели судорожным взглядом – а вдруг не довесит. Дрожащими руками брали свой паек и прятали в сумку, за пазуху, а некоторые тут же в булочной съедали его.

Однажды я выстояла очередь – это было в булочной на улице Маяковского – и получила хлеб на наши три карточки. Рядом с очередью, с левой стороны около прилавка, стоял мужчина, трудно сказать какого возраста, весь трясущийся. Я успела только открыть сумку, чтобы положить туда хлеб, а он выхватил у меня этот хлеб и стал запихивать его себе в рот. Он откусывал большие куски, давясь, быстро глотал их и все время трясся. Это было у всех на глазах. Я закричала, заплакала, а люди из очереди повалили его и стали бить ногами. Заведующая булочной вышла на крики и спросила, что случилось. Заведующей была Галя Лапина, она училась в той же школе, что и я – в шестнадцатой в Басковом переулке, но на класс старше, и я ее знала. Ее мать работала в торговле и устроила Галю в булочную, когда началась война. Я плачу, не могу даже говорить. Галя дала мне тогда маленький ломтик хлеба.

Таких случаев было очень много, но чаще хлеб выхватывали мальчишки.

Некоторые брали хлеб на каждую карточку отдельно, чтобы на каждого члена семьи норма была взвешена в булочной. Но мы так не делали. Я брала хлеб на всех вместе, и уже дома мы разрезали его на порции.

Дневной паек – ломтик хлеба весом в двести, сто пятьдесят или сто двадцать пять граммов некоторые съедали сразу, но многие старались разделить на три части: завтрак, обед, ужин. Очень часто не выдерживали это и съедали все

подряд. Так иногда бывало и со мной.

Если была возможность, то хлеб подсушивали, клали его на сковородку и ставили на печурку, подсушенный хлеб был вкуснее.

В продовольственных карточках имелись талоны на сахар, мясо, масло, крупу, макароны. Нормы были крохотные, но и по этим крохотным нормам выдавалось не полностью. Месяц кончался, и талоны оставались неотоженными.

У Айно Калью, эстонской девушки, моей ровесницы – она жила на нашей улице в доме 8, – мать работала в продовольственном магазине около Пяти углов. Вечером 31 декабря 1941 года Айно пришла ко мне и сказала, что в магазине, где работает ее мать, можно отоварить карточки вином. Было уже поздно, и мы стали спешить, боялись, что не успеем вернуться до комендантского часа. Я взяла с собой бидон. Получили мы разливное вино, красное, вроде портвейна. Я принесла домой литра три, наверное.

Помню, мать Айно водила нас по магазину и рассказывала, что в нем продавалось до войны: «Вот на этой полке стояло то-то, а на этой это». И мы слушали с разинутыми ртами. А потом мать Айно вывела нас из магазина черным ходом во двор. Мы пошли с Айно к нам домой и дома выпили вина, которое принесли, рюмки по две, наверное. Еды никакой не было, и мы сразу же захмелели. Головы наши закружились, мы стали что-то выдумывать, мечтать, фантазировать. Уверяли друг друга, что немцев после Нового года от Ленинграда отгонят и в Ленинград сразу же завезут очень много хлеба, сахара, масла и другого продовольствия. Говорили и еще какие-то небылицы, верили в них, и был какой-то подъем.

Вся повседневная жизнь была наполнена только мыслями о еде. С этими мыслями вставали, с этими же мыслями и ложились спать. Насыщения никогда не было. Помню, что бы я ни съела, голод все равно оставался.

Некоторые пытались заглушить голод горячей водой, много пили. Но это был наивный самообман, и, кроме того, говорили, что это способствовало отекам.

По каким-то дополнительным талонам выдавались шрот и дуран-

страдала от голода, как и все, но никогда не показывала этого, никогда не плакалась. У нее было какое-то особое, редкое терпение. Не было случая, чтобы она пожаловалась на что-то, сказала: «Я больше не могу» или «Я хочу есть». Наоборот, отдавала свое, отрезала от своего куска хлеба и не думала: надо так делать или не надо. Уж она не съела бы масло ни при каких обстоятельствах.

Мама была неграмотной и многого не понимала. Но что нужно особенно понимать, когда город бомбят и обстреливают каждый день и помногу часов подряд, когда хлебную норму, и так уже голодную, снижают, – и полная безнадёжность?!

Но, как я теперь понимаю, мама была из таких людей, у которых моральные устои не переосмысливаются в зависимости от условий, а существуют раз и навсегда. Мама, как и другие женщины нашего дома, дежурила на крыше, тушила зажигалки, и, помимо, у нее и мысли не было, что это страшно. Она вела хозяйство и считала себя ответственной за дом, за семью, заботилась о нас. Все это она делала тихо и незаметно. О себе думала в последнюю очередь. Конечно, ее сотворила такая природа. Мама была человеком с очень здоровой психикой и крепкими нервами. Помню, весной 1942 года она упала с лестницы сарая и вывихнула ногу. Ногу вправляли ей в госпитале при мне. Я не слышала от нее ни одного жалобного стоны или вздоха...

*Окончание
в следующем номере*

да. И то и другое – жмых, концентрированный корм для скота. Шрот – соевый жмых, а дуранда – от подсолнечника.

Дуранда была, как камень. Ее размачивали, пекли лепешки, варили суп. Из шрота тоже варили суп. Но шрот плохо разваривался, казалось, что ешь дерево или резину. Все это представляло, конечно, иллюзию еды. Жмыхи эти усваивались плохо. Жуешь, набиваешь желудок, ощущаешь тяжесть в животе, а сытости нет. Помню, думала: а что такое сытость?

Самой райской пищей была кашка из отрубей. Отруби были редкостью и по карточкам не выдавались. Достать их можно было только у спекулянтов. Когда удавалось что-нибудь сменить на отруби – это было счастье. Отруби казались таким деликатесом, что я даже удивлялась, почему мы их до войны не ели. Казалось, до конца жизни буду есть их с наслаждением.

Голод – в самой крайней его мере – люди переносили по-разному. Одни умели, и прилагали все силы к этому, держать себя в руках, другие не владели собой – были в полубезумном состоянии. Голодный инстинкт пересиливал рассудок. В этом случае всякие моральные соображения, стыд, со-

весть – исчезали, голод их отгонял. Никогда не забуду голодный психоз, который был со мной. Однажды объявили выдачу топленого масла. Я выстояла очередь и получила на три карточки что-то около трехсот граммов – видимо, всю месячную норму. Это было настоящее топленое масло, наверное, из тех поставок, которые пробивались по Ладожской дороге. Помню, что подумала: «Я только попробую кусочек. От запаха и вкуса масла у меня помутился рассудок, я как будто опьянела. Когда я пришла в себя, я поняла, что масло я съела. У меня было жуткое чувство, я не могла идти домой. Стояла и мерзла около дома и, наверное, замерзла бы совсем, если бы не мама. Она забеспокоилась, что я не возвращаюсь, и вышла меня искать:

– Что ты пропала?

– Я не могу идти домой, я съела масло.

– Ну, съела так съела, – вот и вся была мамина реакция. Это масло комом застряло у меня в душе на всю жизнь. Я сама осуждала такие поступки. Выходит, я тоже озверела. До сих пор вспоминаю об этом со стыдом.

Мама была для меня образцом человеческого поведения. Она

Два века славной истории

А. Г. Стернин

7 сентября 2005 года одному из старейших учебных заведений нашего города – Второй Санкт-Петербургской гимназии – исполнилось 200 лет. Это знаменательное событие вызвало желание рассказать петербуржцам о некоторых интересных событиях из богатой ими жизни знаменитой гимназии, находящейся в самом центре Петербурга – на углу Казанской улицы и переулка Гривцова – в величественном сером здании, построенном в 1912 году архитектором Л. П. Шишко.

Официально днем рождения гимназии принято считать 7 сентября 1805 года, когда попечителем Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцевым в столице были открыты губернская гимназия, уездное и приходское училища. Однако история старейшего учебного заведения началась значительно раньше, еще в 1803 году, когда появилось правительственное распоряжение об учреждении в столице Российской империи нового типа учебного заведения – гимназии. Вскоре были выбраны подходящие для гимназии здания на пересечении Большой Мещанской улицы и Демидова переулка. Но подготовка нового устава учебных заведений, ставшего впоследствии теоретической и практической базой создания гимназий, изрядно затянулась, устав был высочайше утвержден лишь в ноябре 1804 года. Только после этого благодаря стараниям попечителя Петербургского учебного округа действительно камергера Н. Н. Новосильцева и министра народного просвещения графа П. В. Завадовского открытие петербургской губернской гимназии стало возможным.

Первым директором губернской гимназии был назначен действительный статский советник И. И. Ростовцев, при Павле Петровиче занимавший должность директора училищ Санкт-Петербургской губернии. С момента своего

открытия гимназия привлекла к себе лучшие педагогические силы столицы. В течение 17 лет работал в гимназии учителем, а затем и инспектором Ф. И. Миддендорф, впоследствии директор Главного педагогического института. Преподавали в гимназии профессора Петербургского университета Христиан Фридрих Грефе (греческий язык), Я. Г. Зембницкий (естественная история), Т. О. Рогов (история), М. Г. Плисов (право). Иностранные языки – немецкий и французский – в гимназии преподавали в основном иностранцы: Крумбмиллер, Каттерфельд, Дюэс, К. А. Сент-Илер. Из стен губернской гимназии вышли многие будущие известные в Петербурге преподаватели – В. И. Лавониус и П. И. Полистовский, П. Попов и А. Шалон. Учили в гимназии действительно очень хорошо, и многие представители высших слоев русского общества того периода стремились определить своих детей именно в это учебное заведение. Так, в 1807 году в ней учился некоторое время до переезда в Москву будущий сенатор и член Госсовета князь П. А. Вяземский.

До 1811 года учились в гимназии будущие лицеисты – выдающийся дипломат, государственный канцлер князь А. М. Горчаков, И. В. Малиновский (сын первого директора Царскосельского лицея), А. Д. Илличевский (сын томского губернатора).

При губернской гимназии имелся пансион, где ученики жили постоянно. Распорядок дня пансионеров был довольно жестким – подъем в 6 часов утра, молитва с присутствием директора, потом завтрак, состоявший из чая с булкой, до 8 часов – самостоятельные занятия, затем – 2 урока до 12 часов, обед, а с 2 до 6 еще два урока, вечерний чай, повторение уроков, ужин, снова общая молитва и отбой.

Ярким событием в жизни гимназии были, безусловно, экзамены. Л. Ф. Поздеев, учившийся в гимназии в первой половине 20-х годов XIX столетия, вспоминал: «Публичные экзамены были у нас очень торжественны и обыкновенно разделялись на три вечера кряду. Сколько я помню, кроме попечителя округа и ректора университета экзамены наши посещали министр князь А. Н. Голицын, А. С. Шишков, князь Ливен. В последний день экзамена министр лично раздавал награды, заключавшиеся в книгах, похвальных листах, аттестатах, а с преобразованием гимназии в Высшее училище – и в шпагах. Очень живо помню, что наши экзамены посещал также Николай Михайлович Карамзин. Наше домашнее торжество оканчивалось пением и музыкой».

Во второй половине 20-х годов политика Николая I в области народного просвещения проявилась во введении сословного образования. Согласно новому «школьному» уставу гимназии становились учебными заведениями исключительно для детей дворян и должны были давать последним знания, «приличествующие их состоянию». Поэтому во Второй Санкт-

Педагогический персонал Второй Санкт-Петербургской гимназии в 1905 г.
1-й ряд: Шеве, Канделаки, Антонов, Козич, Селенс, Покровская, Протасов,
дир. Давиденков, Варницкий, свящ. Сажин, дьяк. Райков, Кузнецов,
Абрамов, Завадский-Краснопольский;
2-й ряд: Тихомиров, Сирахович, Земель, Грот, Казарин, Юндович, Иванов,
Иодынский, Глинка, Гензель, Чернякин, Марков

Петербургской гимназии изучались необходимые для молодого дворянина Закон Божий, древние языки – латинский и греческий, а также немецкий и французский, российская словесность и логика, математика и физика, география, история, статистика и черчение.

Одним из самых значительных директоров Второй гимназии за все время ее существования был Александр Филиппович Постельс, «человек неуклонного порядка и строгой дисциплины», занимавший это пост почти 20 лет – с 1837 по 1856 год. При нем заметно повысились как качество преподавания, так и уровень дисциплины, он оказывал немаловажное нравственное влияние на воспитанников гимназии и преподавателей. А. Ф. Постельс был деятельным администратором, с некоторым деспотическим оттенком, но в то же время «человеком правдивым, тактичным и с особой любовью поощрявшим всякие хорошие проблески и зародыши, подмеченные им в воспитанниках».

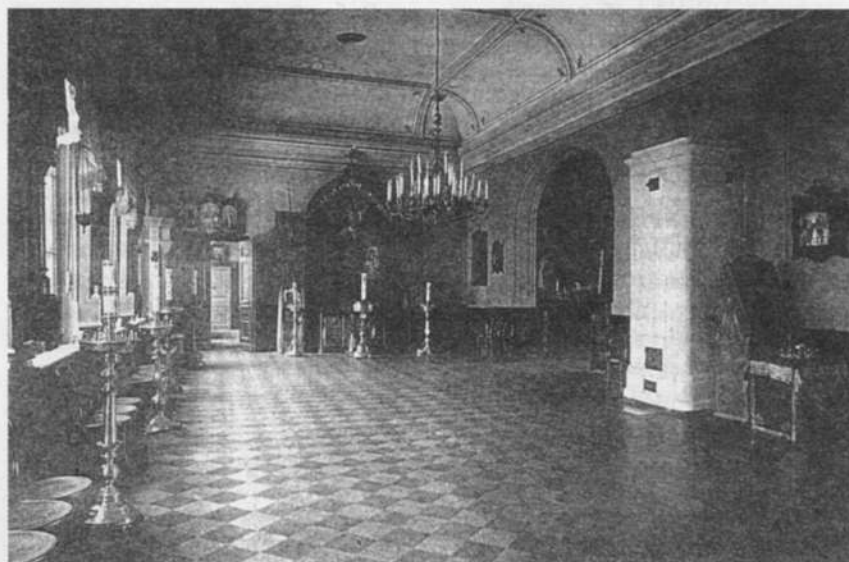
С 1840-х годов во Второй гимназии проводились различные конкурсы и соревнования между воспитанниками по разным предметам – по алгебре, истории, латинскому языку. Это были прообразы современных «олимпиад». Темы и задачи для конкурсов присылались

запечатанными и объявлялись, когда ученики, избранные для состязания, собирались вместе. В 40–50-е годы XIX века в старших классах гимназии проводились так называемые литературные беседы с целью содействия более основательному изучению учениками русского языка и словесности. Беседы проходили два раза в месяц и состояли в чтении учениками заранее подготовленных ими сочинений, причем как преподаватели, так и ученики делали автору замечания, высказывали свои возражения. Когда преподаватели по какой-

либо причине отсутствовали, проводились еще и «читательные беседы»: ученики читали по назначению учителей словесности и с одобрения директора исторические статьи, описания путешествий и т. п., но не журнальные романы и новости.

Во Второй гимназии были свой хор и оркестр, поэтому не реже 1–2 раз в год устраивались музыкальные вечера. Силами учащегося в гимназии ставились любительские спектакли. Музыкальные вечера, концерты и спектакли часто посещали официальные лица – министр народного просвещения, попечитель Петербургского учебного округа и прочие.

В 50–60-е годы XIX века во Второй гимназии преподавали такие блестящие педагоги, как В. Ф. Эвальд (история), Е. Х. Рихтер (математика), Сент-Иллер (естественная история). Среди их учеников много выдающихся имен, прославивших наше Отечество. Это и профессор А. А. Иностранцев, автор множества работ в области геологии, археологии, этнографии, палеонтологии и гидрогеологии, и выдающийся юрист, крупный ученый в области права, неутомимый общественный деятель А. Ф. Кони, и знаменитый путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, и Л. Н. Майков – историк литературы, пушкиновед, академик, вице-президент Академии наук. Позднее, на рубеже XIX–XX веков, в гимназии учились С. А. Жебелев – историк-эллинист, филолог-классик, член Академии наук, тра-

Церковь (левая сторона)

гически погибший в 1941 году в Ленинграде, А. А. Брянцев – заслуженный деятель искусств, народный артист СССР, основатель Ленинградского ТЮЗа, выдающийся ученый-математик, астроном А. А. Фридман, теоретически доказавший расширение Вселенной, дирижер, народный артист СССР, профессор Ленинградской консерватории, главный дирижер симфонического оркестра Ленинградской филармонии Е. А. Мравинский.

Революция 1917 года, перевернувшая общественно-политический строй в России, внесла коренные изменения и в жизнь Второй гимназии, не только переименовав ее название, но и решительно изменив сущность учебно-воспитательного процесса. После 1917 года гимназия императора Александра I (Вторая) стала называться Первой советской единой трудовой школой Казанского района. В 1920 году школа была переименована в 17-ю советскую единую трудовую школу I и II ступени Второго городского района. Столь частые изменения названий школы объяснялись не менее частым реформированием школ, реформированием и переименованием районов Петрограда. Первым советским директором школы стал в 1920 году А. Д. Александров, магистрант Петроградского университета, преподаватель русского языка. Через 3 года школа получила новый номер: это была уже 37-я советская единая трудовая школа. Из воспоминаний В. Л. Чистякова и П. П. Бондаренко известно, что курс обучения в школе тогда длился 9 лет и состоял из трех ступеней. Впоследствии такое деление было отменено, и классы стали считаться подряд от 1-го до 9-го. Выпускалось три девятых класса. Оценка знаний была трехбалльная: «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно», «неудовлетворительно». Трудовые занятия в школе проходили на высоком уровне, носили неформальный характер и приносили учащимся вполне конкретную пользу.

До революции значительную часть помещений Второй гимназии занимали пансион, квартиры для администрации и обслуживающего персонала. На третьем эта-

же поперечного флигеля размещалась гимназическая церковь. После 1917 года освободившиеся после ликвидации пансиона площади были переоборудованы под классы. Гимназическая церковь Рождества Пресвятой Богородицы была закрыта, а помещение переделали для спортивного зала, который находится на месте церкви и поныне.

В первое десятилетие советской власти школ в Ленинграде было еще очень мало. Они были переполнены, работали в две смены. В связи с этим качество обучения было низким. В каждом районе города руководство решило создать особые школы с хорошими условиями для учебы, так называемые образцовые. И в 1933 году 37-я советская единая трудовая школа была преобразована в Первую образцовую школу Октябрьского района (под таким названием школа проработала до 1941 года). Чтобы школа стала действительно образцовой, было сделано многое. Значительно сократилось число учащихся, в школе оставили только самых хороших учеников. Число классов резко уменьшилось, и стало возможным проводить занятия в одну смену. Особое внимание уделялось подбору хороших учителей – в то время еще работали педагоги старой школы, глубоко и разносторонне образованные, подлинные петербургские интеллигенты, всецело преданные своему благородному делу, – М. И. Гржибовский, А. А. Терещенко, А. А. Починков, В. В. Бакрылов, К. В. Ползикова-Рубец.

Среди выпускников школы предвоенных лет также немало замечательных людей – ученых, преподавателей, врачей: А. Жирмунский, сын выдающегося русского филолога В. М. Жирмунского, академик АН СССР, директор Института биологии моря во Владивостоке; Д. П. Прицкер – доктор исторических наук, профессор, участник войны в Испании, переводчик; О. К. Хмельницкий – член-корреспондент Академии медицинских наук, президент Всероссийского общества патологоанатомов; И. Б. Греков – доктор исторических наук, сын известного петербургского историка.

В первые дни Великой Отечественной войны в здании школы

на улице Плеханова был оборудован госпиталь, а школа была переведена в помещение школы № 239, в «дом со львами» на Исаакиевской площади. Вскоре кольцо блокады вокруг Ленинграда замкнулось, и госпиталь заполнился ранеными. Некоторые учителя и старшеклассники самоотверженно боролись за их жизнь. Другие в те страшные дни продолжали работать в 239-й школе. Преподаватель истории Первой образцовой школы Ксения Владимировна Ползикова-Рубец в годы блокады вела дневник, на основе которого после войны была написана книга «Они учились в Ленинграде». Книга эта рассказывает о судьбе многих учащихся и преподавателей школы. Почти все выпускники школы предвоенных лет воевали на фронтах Великой Отечественной, работали на оборонных предприятиях Ленинграда. Среди них – Марк Хаскинд, Дмитрий Эйхенбаум, Лидия Огнева, Мария Тырса, Олег Юпатов, Раиса Добкина, Софья Гликина. Все они награждены орденами и медалями, многие, к сожалению, посмертно.

В 1945 году школа вернулась в родные стены и стала называться 232-й школой Октябрьского района. Школа в те годы была мужская, работала в две смены, в ней изучали немецкий и английский языки. Педагогический процесс в тот период был полностью формализован, преподаваемый материал, особенно по литературе и истории, чрезвычайно политизирован и идеологизирован, стиль работы определялся вполне понятной ситуацией в стране, методика преподавания, учебный план, программы и пособия назначались вышестоящими органами образования, диктовались чиновниками от образования. Из-за этого сильно страдало и качество преподавания, так как даже самые хорошие и многоопытные учителя не могли полностью раскрыть свои способности в условиях тотального контроля свыше, в условиях тоталитарной советской послевоенной школы.

В начале 60-х годов обстановка в школе и условия работы изменились к лучшему благодаря определенным переменам в нашей стране. В 1962 году по решению исполкома Октябрьского района

232-я школа стала школой с преподаванием ряда предметов на английском языке. В том же 1962 году новым директором школы стала инициативная и энергичная А. И. Бойцова, при которой было проведено значительное реформирование школы. Было сокращено количество классов и учащихся, изменился преподавательский состав школы. К новым учителям предъявлялись очень строгие требования.

В 1987 году директором школы стала Людмила Маратовна Мардер, с именем которой связаны кардинальные преобразования в системе Второй гимназии. Л. М. Мардер участвовала во Всесоюзном съезде учителей, во многих мероприятиях, проводившихся органами народного образования нашего города, а главное, смогла организовать учебно-воспита-

тельную работу в школе в соответствии с требованиями современной жизни, эффективно используя открывшиеся в 90-е годы возможности. Под ее руководством были по-новому сформулированы цели обучения, в старших классах было введено специализированное обучение по выбору учащихся, появились новые предметы. Подбор учителей стал осуществляться на конкурсной основе. Педагогический коллектив и родительская общественность пришли к идее преобразования школы в гимназию. Был разработан устав, одобренный Министерством народного образования РСФСР. 10 сентября 1990 года 232-я школа решением Ленгорисполкома была преобразована в школу-гимназию № 232 Октябрьского района. А в следующем, 1991 году школе было возвращено ее историчес-

кое название – Вторая Санкт-Петербургская гимназия.

Два столетия отделяют нас от того дня, когда первые гимназисты вошли в кабинеты Санкт-Петербургской губернской гимназии. У гимназии богатая история, славные традиции, торжественные и веселые школьные праздники. Сложно переоценить значение Второй Санкт-Петербургской гимназии в деле становления российского образования, велик ее вклад в развитие науки, культуры и искусства нашего Отечества – ибо из ее стен вышли выдающиеся ученые, деятели науки и культуры, служившие и служащие России. Вторая Санкт-Петербургская гимназия знает и ценит свою историю, гордится своими выпускниками, своим настоящим, поддерживает славные традиции блистательного прошлого.

Программа «Информационный справочник по истории Петербурга»

Я несколько десятков лет собираю материалы по истории нашего города. Когда таких материалов набралось достаточно большое количество, я понял, что их надо как-то систематизировать, то есть создать справочник.

Программа «Информационный справочник по истории Петербурга» – результат многолетнего изучения литературы по истории нашего города. Литература была самая разная: газетные и журнальные статьи, книги. Сначала вся информация хранилась в записях на отдельных карточках, но такая система хранения была не очень удобна. С 1993 года информация стала заноситься в компьютер. Думаю, что этот справочник имеет больше достоинств, чем другие справочные издания: можно ежедневно пополнять базу данных, вносить изменения, исправлять ошибки и

опечатки, быстро получить любую справочную информацию, узнать литературу по интересующему вопросу и многое другое.

В справочнике представлена информация о скульпторах и архитекторах (около 3270); проспектах, набережных, улицах и переулках (около 1020); памятниках (более 1150); персоналиях, связанных с нашим городом (более 1600); различных разделах по истории города (более 265), мостах (более 195).

Согласно договору о сотрудничестве эту программу установили и работают с ней:

Российская национальная библиотека (Садовая ул., 18, наб. Фонтанки, 36, Московский пр., 165);

Центральная городская детская библиотека им. А. С. Пушкина (Большая Морская ул., 33);

Детская библиотека истории и культуры Петербурга (ул. Марата, 72);

Центральная библиотека им. А. С. Серафимовича Выборгского района (пр. Энгельса, 111);

филиал № 1 ЦБС Выборгского района (пр. М. Тореза, 32);

компьютерный зал гимназии № 74 Выборгского района (Болотная ул., 6);

Центральная библиотека Красносельского района (взрослая и детская) (пр. Ветеранов, 155);

библиотека школы № 571 Невского района (Караваевская ул., 10);

Центральная библиотека им. М. А. Шолохова Кировского района (ул. Лени Голикова, 31);

Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева (Моховая ул., 15).

Программа обновляется два раза в год.

В. А. Николаев

Военное поселение Охтинского порохового Завода

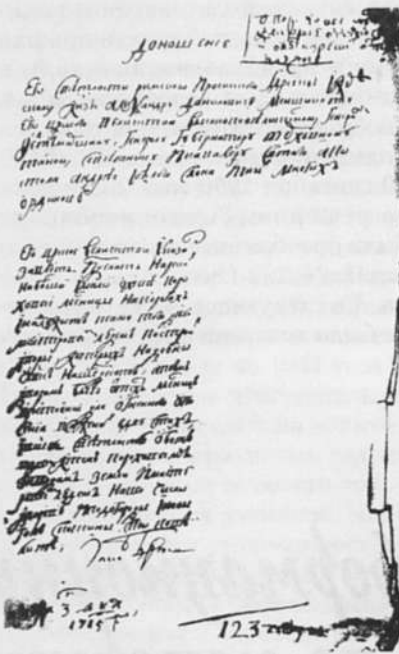
Н. П. Столбова

Военные поселения – особая организация службы в армии – были введены в Российской империи в 1810 году. Привлечение армии к хозяйственному труду не являлось новым для России: в армии всегда существовало военное хозяйство, но в военных поселениях такое совмещение превращалось в систему.

Инициатором создания и руководителем Отдельного корпуса военных поселений стал выдающийся военный администратор, генерал от артиллерии, военный министр – граф А. А. Аракчеев, поддерживал их создание и М. М. Сперанский – государственный деятель, автор плана либеральных преобразований: «Вместо неуравнительной рекрутской повинности, все части империи тяготящей... составить из двух разнородных частей – из крестьян-старожилов и из людей военных одно целое; привести первых в военное положение, не расстраивая им хозяйства и собственности; привести вторых в состояние оседлости, не расстраивая порядка службы»¹.

Преимущественно сельскохозяйственные военные поселения были созданы на казенных землях Петербургской, Новгородской, Могилевской, Херсонской и других губерний. Единственным в Петербургской губернии промышленным военным поселением, к созданию которого приступили в 1813 году, стало военное поселение Охтинского порохового завода, основанное с целью сокращения государственных расходов на его содержание.

Охтинский пороховой завод – крупнейшее казенное предприятие России по производству пороха и взрывчатых веществ – был основан под Петербургом в ходе петровских преобразований в первые годы строительства города. В до-

Донесение
генерал-фельдцейхмейстера
Я. В. Брюса на имя
А. Д. Меншикова об основании
Охтинского порохового завода.
1715 г. Фотокопия.
Музей завода «Пластполимер»

несении на имя князя А. Д. Меншикова от 3 июля 1715 года, подписанном начальником русской артиллерии генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом, говорилось: «Его царское величество указал завезть и сделать на реках Большой и Малой Охте пороховые мельницы на порогах и надлежит тамо того дела мастеровым людям построить дворы, которых надобно человек на шестьдесят, а тем дворам быть от тех мельниц в расстоянии от огненного опасения... Яков Брюс»². Первоначальный пороховой городок разместился в восьми километрах от устья Охты, в междуречье Охты и ее правого притока Лубьи (Малой Охты) на уже освоенных территориях, там, где в допетровское время находились

шведские кирпичные заводы. К 1716 году были построены первые сооружения: дерево-земляные плотины на Охте и Лубье, пороховая мельница («вододействующая толчея»), «крутильные» и «сушильные» избы. Первые рабочие завода, переведенные туда из Подмосквы, были вольными. С развитием завода «работных людей» стало не хватать; тогда начали использовать труд солдат, прикомандированных из воинских команд, которым разрешалось держать при себе жен и детей. В дальнейшем при создании военного поселения вся деятельность завода строилась на основе военной организации.

В 1813 году командиром завода был назначен Д. Ф. Кандиба, под руководством которого в ближайшее десятилетие на Охтинском пороховом заводе была введена новая военно-административная система. Ко времени устройства там военного поселения завод включал две плотины (непосредственно на территории и в Токсово), две бревенчатые «закладочные», пороховые «бегунные» фабрики (28 вододействующих и 37 сухопутных), три «крутильни» (из них две каменные), бревенчатую «розымочную», «селитерную варницу», завод для сублимирования угля и другие сооружения. Производительность составляла 52 000 пудов пороха в год. Число служащих: штаб-офицеров – 3, чиновников – 4, 3 дирижера, священник, фельдшер, пороховщиков – 640, селитерных – 5, плотников – 14, всего 877 человек. Всех построек на заводе было 179, из них 23 каменные³.

Рабочие завода – военные «хлебопашцы» и «ремесленники», «поселенные» и «непоселенные» были причислены к одной из рот. Срок службы определялся в 25 лет. Администрация, мастера, рабочие комплектовались только из армии.

В каждой «поселенной» роте было 40 хлебопашцев и 80 ремесленников, 6 унтер-офицеров, два офицера. Хозяину-хлебопашцу в окрестностях завода выделялся участок пахотной земли и сенокосных угодий, из казны – корова и лошадь, для помощи в хозяйстве прикреплялись два постояльца из «непоселенных» рабочих рот. Хозяева-хлебопашцы обязаны были «отправлять все общественные по наряду повинности по округу и Охтинскому пороховому заводу» три дня в неделю, три дня работали «на себя», чтобы прокормить семью и постояльцев («непоселенных»). Хозяева-ремесленники, не имевшие пахотной земли и не получавшие от казны провианта (наделялись огородной землей и сенокосами), употреблялись в работу на заводе по наряду четыре дня в неделю, два дня работали «на себя»⁴. Первая «поселенная» рота – рота № 2 была создана в 1816 году. В дальнейшем появились еще две: № 3 – в 1821 году и № 4 – в 1823 году, а также «непоселенные» роты № 5, 6, 7, 8, 9, 10. Находившаяся в составе Охтинского порохового завода рота № 1 была строевой артиллерийской ротой полевого содержания.

В 1820–1830-е годы Комитет для строений и гидравлических работ выполнил высочайше утвержденный проект переустройства Охтинского порохового завода. В те годы территория Пороховых получила дальнейшее развитие вдоль берегов Охты, захватив Ржевскую слободу, регулировалась также существовавшая застройка по берегам Лубы. В округе военных поселений был создан комплекс производственных, административных и жилых зданий. Были построены дома для офицеров, служащих, 283 дома для военных поселян (37 каменных, 246 – деревянных), казармы для солдат, кухни при непоселенных рабочих ротах, дом для школы кантонистов, баня, риги, мельницы, мосты и другие сооружения. Дома военных поселян, проект которых был высочайше утвержден 30 марта 1835 года, называли «связи» – две половины, связанные холодными сенями с чуланом и «аммуничиком» для «хозяина с помощником и постояльцем» каждая. Строились такие дома из кирпича и дерева заводскими масте-

рами «на крестьянский образец»⁵. Переднюю часть дома поселяне-ремесленники использовали как мастерскую, поселяне-хлебопашцы нередко сдавали в летний период дачникам из Санкт-Петербурга. В надворных постройках содержались коровы и другие животные⁶. Слободы Второй и Третьей поселенных рот располагались на левом и правом берегах реки Лубы (сейчас на 2-й Жерновской ул. сохранилось два дома военных поселян Третьей роты). Слобода Четвертой роты размещалась в Ржевской слободе. На Ржевской улице есть еще четыре дома того периода и дом командира Четвертой роты⁷. На шоссе Революции, 85, – здание казармы Первой строевой артиллерийской роты (1833, арх. З. Ф. Краснопевков) времен военного поселения. Для обеспечения военных поселян мукой была построена четырехвставочная конная паро-воздухопроводная мельница (1851, Капсюльное шоссе, 21); рядом, на Челябинской улице, 24, тем же архитектором (военный инженер И. Д. Черник) – еще одна мельница – пороховая (оба здания существуют). Лесная казенная дача, теперь Охтинский опытный лесхоз, тоже принадлежала округу военных поселений.

14 апреля 1827 года были высочайше одобрены чертежи на переустройство бегуновых фабрик, постройку каменных «крутилен», вододействующих фабрик для смешивания

в бочках веществ, входивших в состав пороховой смеси. Перестройка главной плотины с чугунными мостом и деталями была окончена в 1828 году, строительные работы по переустройству фабрик и крутилен – в 1829 году, выпуск пороха по усовершенствованной технологии был налажен в 1838 году.

Военное поселение Охтинского порохового завода подчинялось штабу округа военных поселений. Отчеты о его деятельности подавались самому императору: «...препровождая при сем записки... командира Охтинского порохового завода артиллерии генерал-майора Кандибы о состоянии вверенных ему поселенных батальонов и трех поселенных рот Охтинского порохового завода... объявляю, что государь император изволил читать сии записки...»⁸. Форма военных поселян тоже регламентировалась на самом высоком уровне: «Государь император высочайше повелевает иметь во всех гренадерских, пехотных и егерских полках, летних артиллерийских ротах и военно-рабочих батальонах кивера высотой 4 1/2 вершка по разосланному от меня во все ряды образцам...»⁹. 10 мая 1826 года за отличную организацию военного поселения командир Охтинского порохового завода Д. Ф. Кандиба был произведен в генерал-майоры.

Детей военных поселян называли кантонистами (*kantonist*, нем. – военнообязанный). Кантонисты

Пороховая мельница на Кабанихе. Сер. XIX в. Военный инж. И. Д. Черник. Челябинская ул., 24. Фото С. М. Столбова. 1997 г.

(рекруты) – военнообязанные, подлежащие призыву в одном из округов (кантонов). Не только дети, рожденные на Пороховых, значились по округу военных поселений, но и дети, «прижитые» до поступления на службу, тоже считались казенными детьми и подлежали выкупу у помещика и водворению по месту службы их отцов. Дети проживали в разных губерниях, по прежнему месту жительства их родителей: «...поселенных рот ОПЗ мастерового Афанасия Белоусова сын Федор 13 лет находится: Воронежская губерния Бирючевского уезда в деревне Голопузове у крестьянина Родиона Иванова, мастерового Михайлы Василыстого сын Иван 7 лет в Олонечкой губернии. Пудожского уезда, Купецкой волости у крестьянина Дмитрия Василыстого, мастерового Петра Михайлова сын Андрей семи лет Санкт-Петербургской губернии и уезда деревни Гавриловка, принадлежал графу Сиверсу, а ныне по смерти его, по духовному завещанию нарвскому купцу Крамеру...» (отец последнего ребенка был рекрутом из соседнего имения «Жерновка» – дача Безобразовых)¹⁰.

Солдатских детей готовили для несения военной службы в специальных кантонистских школах, в которые принимались дети с 12-летнего возраста. Заведовал школой офицер, назначенный командиром завода. Грамоте и письму обучал учитель – один из унтер-офицеров роты. Учителей ротных школ готовили в Военно-учительском институте. Туда направлялись наиболее способные унтер-офицеры и старшие кантонисты. Пройдя курс обучения, они возвращались в поселенные роты: «...приготовленные в Военно-учительском институте в звании учителей, выкомандированные для сего унтер-офицер учебного батальона гренадерского графа Аракчева полка и кантонист поселенных рот Охтинского порохового завода... Иван Поздняков, 22 лет... распределяются учителями по назначению в списке сделанному, с переименованием кантониста в звание вице-унтер-офицера...»¹¹.

Следующим этапом в подготовке заводских специалистов была Школа для образования мастеров

Кантонист. 1830-е гг. Фотокопия. Музей завода «Пластполимер»

Унтер-офицер Охтинского порохового завода. 1826–1828 гг. Фотокопия. Музей завода «Пластполимер»

и подмастерьев порохового, селитерного и серного дела. Школа была образована в 1830 году, когда были введены единые правила обучения на Охтинском, Казанском и Шостинском казенных пороховых заво-

дах. Располагалась она в районе Третьей поселенной роты, примерно на пересечении сегодняшних шоссе Революции (Пороховское шоссе) и улицы Коммуны (Колтушское шоссе). Принимались туда юноши 16 лет, окончившие школу кантонистов. При поступлении требовались знания в грамоте, грамматике, счете, началах рисования и черчения, наименованиях материалов и машин «при деле пороха употребляемых». Обучение (теория и практика) длилось пять лет. В 1845 году командующим Школой для образования мастеров и подмастерьев порохового, селитерного и серного дела был назначен крупный специалист в области пороходелия генерал К. И. Константинов. В 1852 году школа была преобразована в пиротехническую, в 1863 году – в Техническое и пиротехническое училище.

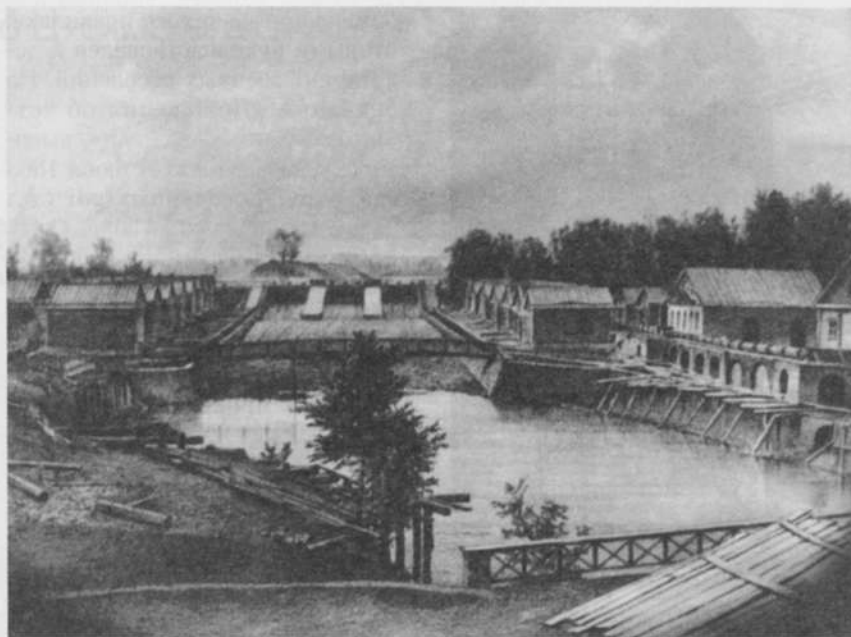
Старших кантонистов обучали литейному, медно-чугунному, жестяному, столярному и слесарному ремеслам. Условия обучения определялись договором между мастером и Охтинским пороховым заводом. На протяжении нескольких лет обучения ученик находился на полном материальном обеспечении учителя, который заботился и о нравственности ученика. Один из контрактов, к примеру, был заключен 1 августа 1855 года с подданным Швеции механиком Охтинского капсюльного заведения Остраном, который «по предварительном испытании взял для обучению слесарному мастерству... кантониста одного завода поселенной второй роты Владимира Максимова сроком на 5 лет» и обязался «все означенное время содержать кантониста сего на всем моем отчете... наблюдать за нравственностью и поведением его, увольняя в праздничные дни по обряду православному в церковь»¹².

В заводских школах кантонисты получали образование под надзором заводского начальства, находились в кругу служащих завода, приобретали практические знания по роду будущей своей службы, поэтому принимались на службу грамотными с зачислением в писари, кондукторы, топографы, мастера и подмастерья артиллеристского дела. Всем, закончившим обучение, выдавался мундир и амуниция.

Неуспевающие определялись в рабочие роты рядовыми¹³.

Во второй половине XIX века Охтинский пороховой завод оставался в России лидером по выпуску пороха и применению передовых технологий. В 1850 году была создана заводская химическая лаборатория, в 1861 году Охтинский пороховой завод со своей продукцией участвовал в Петербургской выставке мануфактурных производств. В 1855 году в связи с Крымской войной была отмечена особо высокая выработка пороха – почти 96 000 пудов. Впервые порох делали и зимой, для освещения применялись жировые лампы.

Следующим этапом развития завода был переход на выпуск призматического пороха. В его разработке в начале 1860 годов принимали активное участие блестящие русские ученые-баллистики – Н. В. Маиевский и А. В. Гадолин. «В 1862 году работа Маиевского и Гадолина над призматическим порохом была завершена, а вскоре, благодаря энергичной деятельности И. А. Вышнеградского, удалось наладить массовое производство пороха на Охтинском пороховом заводе. Это была крупная победа отечественной артиллерийской науки, в результате чего изготовление нового сорта пороха в России было освоено раньше, чем в Европе»¹⁴. Действительным

Охтинский пороховой завод. Конец 1850-х гг.(?) С лит. Джогина(?) Конец 1850-х гг.(?) Фотокопия. Музей завода «Пластполимер»

членом Артиллерийской комиссии профессор Вышнеградским были спроектированы специальные прессы, установленные в 1863 году; тогда же был введен бочечный метод обработки серы, селитры, угля, а также другие технические новшества.

Следующее переустройство – 1864–1868 годы – отличалось тем, что размещение зданий было впервые продиктовано требованиями техники безопасности: в 1868 году

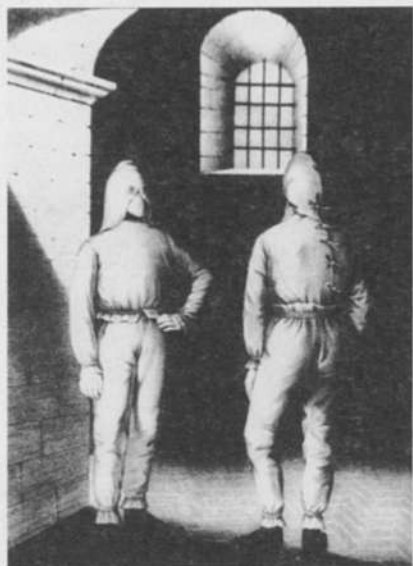
по проекту И. А. Вышнеградского были установлены водяные турбины, от которых проведены канатные передачи к отдельным фабрикам на расстоянии нескольких верст. После переустройства основные производственные сооружения включали 37 «бочечных», 23 «бегунные» фабрики, 2 водо- и 4 коннодействующие «крутильни», 5 прессовых покоев, порохополировальную, 4 вододействующие фабрики с прессами для производства призматического пороха и другие сооружения¹⁵.

В 1876–1878 годах для фабрики новых сортов пороха: бурого ружейного, крупнозернистого и призматического большой плотности завод был вновь переустроен. В 1877 году по проекту В. Н. Чикова было осуществлено освещение помещений прессов для призматического пороха дуговой электрической лампой, в 1879 году для освещения стали применять «свечи Яблочкова». То был второй, после Троицкого моста, случай установки их в Петербурге.

К 1883 году появилась фабрика еще одного сорта пороха – бурого призматического, выгодного для применения в крупнокалиберных орудиях. В 1886 году завод был переоборудован для выпуска 50 000 пудов в год бурого призматического пороха и 40 000 пудов в год ружейного пороха с бурым уг-

Военное учение при военном поселении. 1831 г. Фотокопия. Музей завода «Пластполимер»

Пороховщики. 1880-е гг.
Рис. М. Грибовского. Фотокопия.
Музей завода «Пластполимер»

лем¹⁶. В 1888 году З. В. Калачевым был получен первый отечественный бездымный порох.

В 1890–1895 годах консультантом научно-технической лаборатории Морского министерства состоял Д. И. Менделеев. В 1890 году он изобрел новый вид бездымного пороха «пироколлодий», в 1892 году организовал его промышленное производство на Охтинском пороховом заводе. Совершенствовалось и техническое оснащение завода: в 1893 году был завершен перевод основных производств на электрическую энергию – к водяным турбинам установлены генераторы трехфазного тока. В 1895 году впервые в России там Р. Э. Класоном В. Н. Чиколевым была построена центральная электростанция трехфазного тока высокого напряжения¹⁷.

В условиях военного поселения Охтинский пороховой завод работал почти полвека. В конце 1850-х годов в ходе либеральных реформ был поднят вопрос и об отмене казенных работ на Охтинском пороховом заводе.

1 марта 1859 года последовало высочайшее повеление о передаче округа военных поселений Охтинского порохового завода, состоявшегося «прежде в ведомстве департамента военных поселений, а затем в ведении Временной комиссии», в Артиллерийский департамент, предоставив ему управление округом «до предполагаемых пре-

образований на тех же правилах», которыми руководствовался и департамент военных поселений. На основании «Положения об устройстве военных поселян», высочайше утвержденного 4 июня 1863 года, округ поселенных рот был упразднен – поселяне увольнялись от обязанности казенных работ. Из изъявивших желание поступить в гражданское ведомство составлены были два общества: «поселян-ремесленников» и «поселян-хлебопашцев», прикрепленных к Полюстровскому участку Выборгской части. На бывших военных поселян распространялись на общих основаниях права собственности. Земля и строения, находивши-

ся в их ведении до реформы, передавались им безвозмездно, предоставлялись также некоторые льготы по налогообложению.

Постепенно в течение нескольких лет на Охтинском пороховом заводе был введен вольнонаемный труд, окончательно высочайше утвержденный 11 марта 1872 года. В связи с реорганизацией структуры завода было учреждено Общество потребителей служащих, мастеровых и рабочих Охтинского порохового завода и жителей селения «Пороховые», а также товарищества рабочих, членам которых оказывалась поддержка: содержание школы для бесплатного обучения детей мастеровых и рабочих или оплата обучения детей в местных училищах. После введения вольнонаемного труда не все бывшие военные поселяне захотели остаться на заводе, поэтому поиск новых рабочих велся даже в соседних городах специально командированными чиновниками, давались объявления газете.

Военное поселение Охтинского порохового завода, существовавшее на Пороховых почти пять десятилетий, является одной из малоизвестных страниц истории нашего города. Будучи частью военно-административной системы, сформированной в России в первой половине XIX века, оно иллюстрирует собой не только историю Охтинского порохового завода, но и историю страны в предшествовавшие либеральным реформам Александра II десятилетия.

Мастеровые в весенне-осеннем и летнем платьях. 1888 г.
Рис. М. Грибовского. Фотокопия.
Музей завода «Пластполимер»

¹ Сперанский М. М. О военных поселениях. СПб., 1825. С. 8.

² Охтинский химический комбинат 1715–1965: Очерки, документы, воспоминания. Л., 1965. С. 24.

³ Каменев К. И. Историческое описание Охтинского порохового завода. СПб., 1894. Ч. 2. С. 236.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 27. Оп. ОПЗ. Д. 51.

⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1286. Оп. 1. Д. 1502. Л. 8, 9.

⁷ Генеральный план округа военного поселения Охтинского порохового завода с показанием местности производства строительных работ в 1848 году // Музей завода «Пластполимер».

⁸ Приказы начальника Штаба генерал-адъютанта Клейнмихеля, отданные по отдельному корпусу военных поселений. СПб., 1826. № 256.

⁹ Там же. № 95.

¹⁰ Там же. С. 450.

¹¹ Там же. № 24.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 356. Л. 380.

¹³ Проект утверждения о военном поселении. СПб, 1817. С. 5.

¹⁴ Мандрыка А. П. Николай Владимирович Маиновский. М., 1954. С. 56.

¹⁵ Музей завода «Пластполимер». Экспозиция 7.

¹⁶ Там же. Витрина 5.

¹⁷ Там же. Витрина 10.

К столетию Цусимского сражения 1905 года

Андрей Подлесный — герой Цусимского сражения

И. Ф. Деряшев

Каждый год 27 мая Россия, ее Военно-морской флот во главе с кораблем № 1 крейсером I ранга Балтийского флота «Аврора» отмечают одну из самых трагических дат своей истории — день Цусимского морского сражения 14–15 (27–28) мая 1905 года.

Известно, что 38 кораблей и судов 2-й объединенной русской Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского, прошедшей огромный путь от Ливавы до берегов Кореи, 14 (27) мая 1905 года вошли в Корейский пролив, имея целью прорыв во Владивосток, но были обнаружены японским дозорным крейсером.

Японский флот под командованием адмирала Х. Того в составе 121-го корабля начал развертывание с целью навязать бой русской эскадре и уничтожить ее.

В ходе боя 14 мая, к утру 15 (28) мая 1905 года русская эскадра как боевая сила перестала существовать, результатом чего явилось окончательное поражение царской России в войне.

Одним из активных участников тех событий был броненосный крейсер I ранга с командой 570 человек, среди которых, в частности, был матрос, минный электрик Андрей Подлесный, воспоминания которого о своей жизни и службе на крейсере I ранга «Аврора» записаны и хранятся в архиве филиала Центрального военно-морского музея корабля-музея «Аврора», основное содержание которых предлагается читателям журнала «История Петербурга».

Андрей Павлович Подлесный родился 28 августа 1878 года в станции Каменской, недалеко от железнодорожной станции Сулин, Донецкой губернии, в семье железно-

А. П. Подлесный

рожного мастера. У отца с матерью было шесть сыновей и три дочери.

В 1877 году Андрей Подлесный поступил в 4-годичную железно-

рожную школу на станции Сулин, которую окончил в 1891 году. После ее окончания началась его трудовая деятельность на Московско-Киевско-Воронежской железной дороге, первоначально ремонтным рабочим, а затем до 1899 года — мастером по ремонту железнодорожных путей. Работа была тяжелой, по 14–18 часов в сутки, при зарплатке не более 10 рублей в месяц.

В 1899 году Андрей Подлесный был призван на действительную военную службу и направлен на Балтийский флот, на строящийся на верфи «Новое Адмиралтейство» крейсер «Аврора». 28 апреля 1900 года он был участником спуска в торжественной обстановке с эллинга крейсера на невскую воду.

С крейсера «Аврора» Андрей Подлесный был направлен в Электроминную школу в Кронштадт, после успешного окончания которой в 1901 году возвратился на крейсер специалистом — минным электриком.

Офицеры и матросы крейсера «Аврора» — участники Русско-японской войны. Фото 1905 г.

В 1905 году, 14 мая, будучи участником Цусимского сражения, во время боя с японскими крейсерами совершил героический подвиг: одним из снарядов был перебит электрический кабель управления рулем в боевой рубке, крейсер потерял управление и превратился в беззащитную мишень, стал крутиться на одном месте.

Андрей Подлесный, пренебрегая опасностью, под градом осколков рвавшихся снарядов, обдирая руки о рваную броню кабеля, в несколько минут устранил повреждение кабеля, и крейсер снова пошел по боевому курсу. Так минный электрик Андрей Подлесный спас крейсер во время боя от неминуемой гибели.

После возвращения из похода в Кронштадт за этот подвиг он был удостоен высшей награды, получаемой нижними чинами на службе в Российском флоте – Знаком отличия военного ордена 4-й степени.

В 1906 году он также был награжден медалью «В память русско-японской войны», а в 1907 году – медалью «В память похода эскадры адмирала Рожественского на Дальний Восток».

В марте 1906 года Андрей Подлесный был демобилизован из Российского флота и поступил на работу в Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске» (с 1922 года – «Электросила») электротехником, где проработал до июля 1914 года.

С началом Первой мировой войны Андрея Подлесного призвали из запаса в армию и направили на Адмиралтейский завод в Петрограде на выполнение работ оборонного значения, откуда он был командирован в Гельсингфорс, где работал как специалист по сооружению оборонных укреплений.

В 1918 году Андрей Подлесный был демобилизован и уехал в Вологду, где поступил на работу в Управление связи Северной железной дороги Вологда–Архангельск, до

Награды А. П. Подлесного

1924 года работал мастером по установлению электросвязи.

С 1924 по 1925 год Андрей Подлесный работал электробригадиром на Бумажной фабрике в поселке Невская Дубровка Ленинградской области.

С самого начала строительства Сясьского целлюлозно-бумажного комбината (СЦБК) и поселка Сясьстрой в Ленинградской области в 1926 году и до 1956 года Андрей Подлесный работал на СЦБК электромонтером, заведующим

Памятник на могиле А. П. Подлесного

электроустановками, заведующим электроотделом.

В годы Великой Отечественной войны Андрей Подлесный принимал активное участие в строительстве и оборудовании барж для эвакуации заводского оборудования СЦБК в тыл страны, а также эвакуации населения из блокадного Ленинграда через Ладожское озеро.

За заслуги в труде А. П. Подлесный был награжден орденом «Знак Почета». Также он был награжден медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда».

В 1956 году в возрасте 78 лет А. П. Подлесный ушел с работы на заслуженный отдых, являясь персональным пенсионером местного значения.

А. П. Подлесный был одним из первых наставников сясьской молодежи.

Мне, автору этих строк, 17-летнему юноше, жившему в поселке Сясьстрой вместе с родителями, работавшему в период с ноября 1944 года по октябрь 1945 года слесарем на Сясьской судостроительной верфи Северо-Западного речного пароходства, А. П. Подлесный при посещении судоверфи два-три раза пожимал руку.

А. П. Подлесный, один из старейших ветеранов крейсера «Аврора», часто бывал на крейсере и встречался с моряками-авроровцами и посетителями корабля-музея, в экспозиции которого выставлен фотоснимок 25-летнего Андрея Павловича Подлесного, а также его награды за совершенный подвиг в Цусимском сражении.

Андрей Павлович Подлесный умер 28 сентября 1973 года и похоронен на кладбище города Сясьстрой Волховского района Ленинградской области.

За могилой Андрея Павловича Подлесного ухаживают учащиеся одной из средних школ города.

КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

**Михаил Иванович
СОРОКИН**

*1 июня 1922, с. Никольское, ныне Гагинского района
Нижегородской области – 22 февраля 2005, Москва.
Советский военный деятель.*

Русский. Генерал армии (2 ноября 1981). В Вооруженных силах с 1941 г. Член компартии с 1943 г. Окончил Горьковскую школу радиостов (декабрь 1941), курсы «Выстрел» в Москве, Военную академию им. М. В. Фрунзе (1946–1949), Военную академию Генштаба ВС (1962–1964), Высшие академические курсы при ней (1971, 1978).

Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Южном, Северо-Кавказском, 1-м и 4-м Украинском фронтах с декабря 1941 г. Начальник радиостанции, комсорг отдельного артиллерийского дивизиона (декабрь 1941 – январь 1943), командир роты (январь–декабрь 1943), заместитель командира (декабрь 1943 – июль 1944), командир (июль 1944 – апрель 1945) стрелкового батальона, заместитель командира стрелкового полка (апрель 1945–1946).

Командир учебного батальона ВДВ (1949 – ноябрь 1950), парашотно-десантного полка (ноябрь 1950 – декабрь 1955), заместитель командира (декабрь 1955 – март 1957), командир воздушно-десантной дивизии (март 1957–1962) Дальневосточного ВО.

Заместитель командующего ВДВ (1964 – декабрь 1969).

1-й заместитель командующего Южной группой войск (декабрь 1969 – август 1972). Уполномоченный правительства СССР по делам пребывания советских войск в Венгрии.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией ГСВГ (август

1972 – август 1974), 1-й заместитель командующего войсками Дальневосточного военного округа (август 1974 – октябрь 1976).

Командующий войсками Ленинградского военного округа (2 октября 1976 – 1 ноября 1981).

В день назначения нового командующего округом в окружной газете вышла статья его будущего 1-го заместителя Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Зарудина Ю. Ф. с заголовком: «Идти дальше, добиваться большего». Сейчас трудно сказать, случайно ли она попала на страницы газеты, но при внимательном ознакомлении с ней становится понятно, что статья могла быть программой деятельности для М. И. Сорокина в ЛенВО.

Через три недели по прибытии принял первый в жизни парад войск округа, а через пять лет – свой последний парад войск, поскольку спустя несколько дней покинул Ленинград.

Первое знакомство и первый разговор с руководителями учебных заведений, командирами частей состоялся 7 ноября 1976 г. на Дворцовой площади, а последний разговор с военными руководителями округа с пожеланиями успехов в службе с обеих сторон также состоялся на Дворцовой площади 7 ноября 1981 г.

Вся служба в округе у Михаила Ивановича прошла под лозунгами выполнения решений XXV и XXVI съездов КПСС, делегатом которых он был.

В свете решений XXV съезда Военный совет округа одобрил инициативу личного состава гвардейского полка, который выступил в округе зачинателем социалистического соревнования в честь годовщины 60-летия Октября. Несмотря на внешние эффекты агитационного характера, все-таки это шло на повышение боевой подготовки, что считал своей основной задачей новый командующий. Так, в свете статьи Л. И. Брежнева на Октябрьском пленуме ЦК (1976) «Борьба за эффективность и качество» М. И. Сорокин опубликовал статью «Повышение качества и эффективности обучения – главный путь достижения успехов». Это было первое заметное выступление М. И. Сорокина в окружной печати.

27 декабря 1979 г. в Афганистан для поддержки просоветского правительства были введены части ВС СССР. В связи с чем в 1980 г. из состава Ленинградского военного округа были отправлены мотострелковый полк, мотострелковая бригада и военный госпиталь. М. И. Сорокин лично проверил каждое подразделение, их боевую выучку, мастерство и выносливость. Сформированные в округе части с честью и достоинством воевали в составе 40-й армии. Некоторые части и штабы привлекались летом 1981 г. на учение «Запад-81».

* Продолжение. Начало см. в № 1–4 за 2001 г.; № 1–6 за 2002 г.; № 1–6 за 2003 г., № 1–6 за 2004 г., № 1–4 за 2005 г.

получив положительную оценку его руководителей.

В конце сентября того же года в своем выступлении Михаил Иванович писал: «Мы сейчас находимся на завершающем этапе нынешнего года. Личным составом взяты высокие обязательства в честь съезда, обязательства в борьбе за осуществление его решений. Сейчас первоочередная задача состоит в том, чтобы обеспечить полное, качественное выполнение намеченного, всесторонне и на должном уровне подготовиться к итоговой проверке...».

То было его последним выступлением в окружной печати.

Успехи округа уже после отъезда командующего к новому месту службы разделили и его помощники: первые заместители командующего генерал-лейтенанты Ю. Ф. Зарудин (февраль 1973 – февраль 1978), В. А. Демин (февраль 1978 –

октябрь 1981), начальник штаба генерал-полковник Е. А. Тоузаков (июль 1975 – ноябрь 1980), члены Военного совета генералы В. П. Новиков (1975 – апрель 1979) и И. П. Репин (апрель 1979 – февраль 1982) и другие.

Главный военный советник в вооруженных силах Афганистана (ноябрь 1981 – сентябрь 1984).

1-й заместитель Главнокомандующего войсками Западного направления (сентябрь 1984 – июль 1987).

Заместитель министра обороны – главный инспектор ВС СССР (июль 1987 – июль 1990), с августа – заместитель Главнокомандующего ОВС государств – участников Варшавского договора.

В Группе генеральных инспекторов МО СССР (июль 1990 – май 1992).

Генерал-лейтенант (1965), генерал-полковник (1976).

Депутат Верховного Совета СССР 10-го созыва от Гатчинского сельского избирательного округа (1979–1983), народный депутат СССР (1989–1991). Кандидат в члены ЦК КПСС (с 1981).

Награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», «Знак Почета», медалями, чехословацким орденом. В 2002 г. награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени за большой вклад в укрепление обороноспособности страны, активную работу по патриотическому воспитанию молодежи и в связи с 80-летием.

Похоронен на Троекуровском кладбище.

Некролог:

Красная звезда. 2005. 25 февр.

Сочинения:

Берегите честь смолоду // На страже Родины. 1979. 24 авг.

Повышение качества и эффективности обучения – главный путь достижения успехов // На страже Родины. 1976. 29 дек.

С точки зрения инспекции // Красная звезда. 1989. 6 сент.

Литература:

Гатчинская правда. 1979. 9 февр.

Рецензия на монографию Ю. Р. Савельева «"Византийский стиль" в архитектуре России. Вторая половина XIX – начало XX века»

Т. А. Славина

Издательство «Лики России» выпустило в свет превосходную монографию Юрия Ростиславовича Савельева «Византийский стиль в архитектуре России».

Проблему «византийского стиля» в русской архитектуре затрагивали многие ученые, однако монография – первое издание, в котором развернута подробная картина становления и развития этого направления, которое, пожалуй, можно вместе с автором на-

звать «большим стилем» пореформенной эпохи.

Развитие «византийского стиля» совершенно справедливо связывается автором с петербургской архитектурной школой. Хотя стиль был представлен во всей России, именно Санкт-Петербург был центром распространения этого архитектурного направления на протяжении всей истории его существования. «Санкт-Петербург оставался центром «византийского стиля»

не только российского, но и европейского значения. Ни в одной из европейских стран этот стиль не имел столь широкого распространения, как в России», – пишет Ю. Р. Савельев, акцентируя значение российской столицы той эпохи для возникновения архитектурного явления европейского масштаба. Здесь ярко проявилась роль не только зодчих, но и петербургских инициаторов и покровителей «византийского стиля» – императоров,

церковнослужителей, сановников и предпринимателей.

Что представляет собой «византийский стиль»? Автор определяет его как самостоятельное направление в отечественной архитектуре эпохи историзма, опирающееся на византийские источники. Этот стиль обладает яркой характерностью хорошо узнаваемых архитектурных форм: компактными объемами, тяжеловатыми округлыми куполами и полукуполами, которые, как правило, опираются на кольцо арочных окон; такого же типа проемы в стенах; приземистые опоры с пирамидальными плотными капителями под пятами проемов. Горизонтальные полосы на поверхности стен образованы за счет использования каменной или кирпичной облицовки двух цветов и т. д. Это направление представлено более чем сотней памятников, преимущественно храмами, построенными по всей России и за рубежом. Связи русской архитектуры с византийским зодчеством восходят к IX веку: киевский князь Владимир, намереваясь выбрать религию (и политические связи) со сложившимися мировыми державами, предпочел «греческую» религию – за ее красоту. С того времени константинопольские мастера начали строить на Руси храмы; известно, впрочем, что почти сразу в русском зодчестве стали намечаться весьма яркие отличия от византийских образцов. В XIX веке решено было вернуться к началу пути – к первоисточникам. Следовало бы, впрочем, во введении или в заключении отметить принципиальное отличие русского «византийского стиля» от большей части исторических источников, в частности – узорный характер фасадных форм; нет сомнения, что имело место не механическое копирование, а глубокая творческая переработка исторического материала.

Храмы в «византийском стиле» строили по всей стране и в русских колониях за рубежом. В Петербурге это направление представлено такими выдающимися памятниками, как Иоанновский монастырь на Карповке (арх. Н. Н. Никонов) и Свято-Никольский собор в Кронштадте (арх. В. А. Косяков).

Автором проведена очень большая работа по обобщению теории

и практики второй половины XIX – начала XX века, свидетельствующих о неиссякаемом интересе современников к изучению византийских, армянских, балканских и других источников; собран огромный фактический материал по строительству в «византийском стиле» – проекты, исторические изображения, исторические и современные фотографии. Впервые в научный обиход введено множество документов, разысканных Ю. Р. Савельевым в архивах Петербурга и Москвы.

В монографии можно выделить несколько предметных «платформ».

Первая плоскость – сведения о подлинных византийских памятниках и генетически связанных с ними произведениях архитектуры Италии, Сицилии, балканских стран, Грузии, Армении. Ю. Р. Савельев рассматривает эти сведения в связи с развитием истории архитектуры как науки; этот предмет, как известно, зародился в России на рубеже XVIII–XIX веков, и первые его успехи связаны с деятельностью историков церкви, изучавших преимущественно письменные источники. В пореформенное время, как отмечает Ю. Р. Савельев, начинается систематическое преподавание церковно-исторических дисциплин в духовных академиях, и сложившийся в эти годы коллектив специалистов приступает к натурному изучению византийского зодчества. Так складывалась отечественная школа византиноведения, не имевшая себе равных по широте охвата проблемы. Эта школа была представлена рядом фундаментальных изданий, среди их авторов такие знаменитые историки и искусствоведы, как Н. П. Кондаков, Д. В. Айналов, А. С. Уваров. К изучению византийских памятников приступают и архитекторы – М. В. Красовский, Д. И. Гримм, А. М. Павлинов, Н. В. Султанов. Архитекторы той эпохи были разносторонними специалистами – проектируя, они одновременно изучали историю зодчества, делали обмеры памятников архитектуры и занимались их реставрацией, что давало им глубокое знание формальных приемов, характерных для зодчества разных стран; они писали теоретические трактаты, изуча-

ли гигиену и строительную технологию (что позволяло им отлично решать функциональные и конструктивные задачи при проектировании и строительстве).

Это была особенная эпоха в культуре России – эпоха торжества научного знания во всех областях. «Наука, живая, современная наука сделала теперь пестуном искусства, и без нее немощно вдохновение, бессилена талант!» – писал Нестор Кукольник. Это утверждение верно и для архитектурной профессии.

Другой предметный уровень связан с ролью заказчика в становлении архитектурных стилей, в том числе – византийского. Следует помнить, что именно Ю. Р. Савельев еще в начале 1980-х годов начал впервые в советском тогда архитектуроведении разрабатывать тему архитектурного заказа, убедительно показав на примере русского домонгольского зодчества абсолютную зависимость архитектурного замысла от воли и целей храмоздателей – князей, клириков или объединений «кончанских» хозяев. В настоящее время эта тема стала одной из самых заметных в историко-архитектурной науке. В своей монографии Ю. Р. Савельев написал о плееде инициаторов и покровителей «византийского стиля» – среди них были императоры, великие князья, знатные меценаты, – высокообразованные люди, поставившие своей задачей создание «национальной идеи» средствами архитектуры и искусства.

Справедливо деление истории «византийского стиля» на три основных периода – по царствованиям Александра II, Александра III, Николая II. Пожалуй, следовало бы дать перед основными главами книги краткий очерк формирования предпосылок появления «византийского стиля» в царствование Николая I, который хотя и не любил «византийский стиль», но очень много сделал для развития в российской культуре тенденции к изучению национальных начал: при нем были изданы первые книги по истории архитектуры, проведены первые реставрации памятников. Впрочем, на с. 27 автор указывает: «Только благодаря научному изучению средневековой киевской архитектуры в 1830–1840-х годах стала выявляться действи-

тельная история храмостроения эпохи князя Владимира и его сына Ярослава...».

Но вернемся к периодизации «византийского стиля». Автор прослеживает различия в композиционных и декоративных приемах архитектуры трех периодов, не без основания связывая эти различия с постоянно растущим уровнем знания о византийских источниках и особенностями творческого почерка разных архитекторов. Пожалуй, следовало бы больше уделить внимания политико-идеологическим основаниям становления «византийского стиля» на каждом этапе. Известно, что интерес к этой проблеме возник еще в царствование императрицы Екатерины II в связи с политическими амбициями России; однако в те годы не было нужды для воплощения этих амбиций в архитектуре, поскольку мощь империи отлично выражалась в классицистических образах и в конце XVIII, и в первой четверти XIX века. Храмы, построенные Константином Тоном, иногда называли «русско-византийскими», однако современник архитектора И. И. Свиязев видел в них воплощение исключительно «русского» стиля. Ответ на вопрос,

почему при Александре II стиливая ориентация серьезно изменилась, сам Ю. Р. Савельев дал в своих работах, посвященных роли государственного заказа в архитектуре второй половины XIX – начала XX века, и этот аспект должен был быть отражен в новой монографии.

В монографии уделено внимание описанию зданий, построенных в XIX – начале XX века, это высокопрофессиональный анализ пространственной структуры, тектоники и декора храмов и монументов. Здесь уместно обратить внимание будущего читателя на великолепно выполненный автором «зрительный ряд» – каждый объект представлен проектом, исторической и современной фотографией. Книга содержит более чем 350 иллюстраций, большая часть которых опубликована впервые!

Следует обратить внимание на раздел «Хронология строительства» (с. 255–262), где сотни памятников сведены в единую таблицу с иллюстрациями; таблица дает наглядное представление об эволюции «византийского стиля».

Еще одна примечательная особенность книги – тщательное внимание к личностям архитекторов. Читателю доставят истинное удо-

вольствие портреты храмоздатель и архитекторов – какие прекрасные, интеллигентные лица! Заказчикам, к сожалению, в том ряду места не нашлось.

Кроме подробного анализа творческих установок архитекторов, монография сопровождается краткими, но емкими биографиями мастеров этого направления.

Монография снабжена тщательно выполненным научным аппаратом: примечаниями к каждой главе, библиографией, именным указателем.

Книга написана хорошим языком и отличается превосходным полиграфическим качеством.

«Византийский стиль» – не первый труд молодого автора. Уже вышла в свет его монография о Н. В. Султанове, им написан раздел «История изучения русской архитектуры (конец XVIII–XX век. Исследователи и их труды)» в учебнике «История русской архитектуры» (СПб., 1994) и более сотни статей в сборниках и журналах.

Уверена, что «Византийский стиль...» займет подобающее ему место и в научных библиотеках страны, и в личных библиотеках людей, интересующихся отечественным культурным наследием.

О книге Р. Ш. Ганелина «Советские историки: о чем они говорили между собой». СПб., 2004. 214 с.

С. Н. Полторац

нужно созреть. Она может и не возникнуть, что часто и бывает.

Выход в свет воспоминаний члена-корреспондента Российской академии наук Рафаила Шоломовича Ганелина я рассматриваю как собственную жизненную удачу. Слушая многие годы его рассказы о минувшем, я горевал от мысли, что его воспоминания могут так и остаться «на уровне звуков», не выйдя из-под авторского пера. К счастью, мои прогнозы не оправдались.

Р. Ш. Ганелин написал о своей жизни очень немного. Его воспоминания – лишь часть того, что ему пришлось пережить. Но, возможно, это самая главная часть. Если не считать, конечно, самого личного и сокровенного, о чем обычно не пишут. Но и «общественная» часть жизни ученого, честно говоря, тоже очень личная и сокровенная. Узнать о ней нынешним ученым, да и вообще нашим современникам, очень важно: это ценный срез интеллектуаль-

У многих ярких людей в жизни наступает момент, когда хочется поделиться с окружающими историей своей жизни или какой-то ее важной части. До потребности делиться мыслями о прошлом

ной жизни Ленинграда, как довоенного, так и послевоенного.

По старой и, вероятно, не очень хорошей привычке я исчеркал книгу Рафаила Шоломовича вдоль и поперек. Цепляясь взглядом за многие фразы, насыщенные чеховскими полутонами. Это давало и до сих пор дает множество поводов для размышления. Жизнь исторического факультета ЛГУ, Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (теперь это Российская национальная библиотека), Библиотеки Академии наук СССР, Библиотечного института (ныне – Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств), ЛОИИ (в наше время – Санкт-Петербургский институт истории РАН). А какие имена ленинградских и московских историков вспоминает автор: С. Н. Валк, Е. В. Тарле, И. И. Минц, Б. А. Романов, И. И. Смирнов, С. Б. Окунь, А. В. Предтеченский, В. В. Струве, Н. П. Полетика, А. И. Молок, М. Н. Покровский, Л. Н. Гумилев, В. В. Мавродин, В. Я. Голант, Б. Д. Греков, П. В. Волобуев, П. А. Зайончковский, В. И. Старцев, Ю. С. Токарев, А. М. Некрич, Н. Е. Носов, А. Л. Фрайман, А. Я. Аврех – всех и не перечислять. Но дело ведь не столько в именах, сколько в том, что об этих ученых читателю рассказывается много нового.

В книге масса интереснейших деталей. Чего стоят воспоминания о «пожилой интеллигентной женщине» – стенографистке, которая по поручению парткабинета горкома записывала лекцию молодого Р. Ш. Ганелина. Именно она на I съезде Советов зафиксировала легендарную ленинскую фразу «Есть такая партия!»

Еще никогда мне не приходилось читать столько любопытного о Е. В. Тарле, умевшем «тактично и искусно» давать понять слушателям, насколько он эрудирован и компетентен. Я нигде не читал прежде о том, как Е. В. Тарле работал с книгами и периодическими изданиями в БАНе. А его утверждение о том, что нет смысла собирать свою библиотеку, поскольку «Публичная библиотека все равно лучше», – неожиданный для меня и, быть может, запоздалый повод для размышлений.

Книга подарила нам также имена людей, которые могли бы

быть уже давно забыты. Например, в 1950-е годы историкам самой высокой квалификации читал лекции о международном положении малозаметный лектор без ученой степени, о котором сам Б. А. Романов однажды просто сказал: «Молодец Столяров». Р. Ш. Ганелин запомнил эту фамилию и донес до читателей XXI века. Спасибо ему за это. Кстати, о Б. А. Романове. Вспоминая о нем, Рафаил Шоломович отметил множество любопытных моментов. Например, то, что Б. А. Романов считал важным для историка, его жизненной школы, – поездки по железной дороге: «Если ты пишешь о социальном, надо ездить поездом».

Р. Ш. Ганелин написал о том, как году в 1948-м присутствовал на защите кандидатской диссертации Л. Н. Гумилева. На защите была зачитана характеристика диссертанта, данная с места его работы: «Дана Гумилеву Льву Николаевичу в том, что он работает в психиатрической больнице им. Балинского. К книжному фонду относится бережно. Пользуется заслуженным авторитетом среди персонала и больных». Вот такая высокая оценка.

Ссылаясь на В. Я. Голанта, автор воспоминаний цитировал также и фрагмент письменного заявления некоего инженер-полковника Рабиновича: «В ответ на сделанное мне командованием предложение принять на добровольной основе участие в освободительной борьбе народа государства Израиль, сообщаю о своей готовности к такому участию, если партия и правительство сочтут его соответствующим интересам моей родины – СССР». Эта фраза для думающего человека расскажет о своем времени больше, чем пара десятков страниц из учебника истории.

Р. Ш. Ганелин – очень наблюдательный человек. Поэтому так ценны его впечатления о встречах с великими и простыми людьми. Он обращал внимание на «чрезмерную» скорбь Д. С. Лихачева, выступавшего на ленинградском истфаке на траурном митинге по поводу смерти И. В. Сталина. Он очень тонко описал отношение И. В. Сталина к ленинградскому писателю Борису Дмитриевичу

Четверикову. А чего стоят воспоминания о безызыскной деревенской старушке, после молитвы обращавшейся к портрету Г. М. Маленкова со словами: «Дай Бог здоровья Егорию Максимилиановичу. Сельскохозяйственный налог словинил. И государству, оказывается, жить можно, и нам полегче».

Р. Ш. Ганелин – поистине петербургский историк, поборник петербургской исторической школы. Об этом говорит многое, в том числе и мысль о том, что «зависимость между достоверностью документа, естественностью его происхождения – с одной стороны, и способом его попадания в архив – с другой, может быть не только не прямой, но даже обратной».

В книге много говорится об осмыслении самой страшной страницы истории нашего города – о блокаде. Автор написал о встрече с генералом М. С. Хозиным, командовавшим войсками Ленинградского фронта в самое тяжелое время. Оказывается, Хозин подписал в свое время приказ о снижении нормы выдачи хлеба со 150 до 75 граммов, но, к счастью, приказ не был осуществлен. Вспомнил генерал и о том, как сотрудники НКВД сообщили ему о раскрытии заговора профессоров Политехнического института, из которых якобы должно было в будущем образоваться общероссийское правительство, назначенное германскими властями. Хозин утверждал, что из ленинградских элеваторов чуть ли не до последних мирных часов накануне войны зерно вывозилось в Германию и Финляндию. Сообщал он и о том, что за несколько дней до 22 июня 1941 года дамы из германского консульства в Ленинграде одновременно забрали из ателье все свои наряды, включая недошитые, о чем бдительными портнихами было доложено в соответствующие органы. Одним словом, многое неизвестное о блокаде впервые сообщается в этой книге.

Книга Р. Ш. Ганелина, несмотря на легкость повествования и самоиронию, по своей сути глубока и нуждается в неспешном осмыслении. Очень бы хотелось, чтобы она имела продолжение. Это нужно читателям и, надеюсь, самому автору.

Музей «Дача Китаевой»

В июле 2005 года состоялось очередное заседание редколлегии журнала «История Петербурга», проходившее в г. Пушкине (Царском Селе). Перед началом заседания члены редколлегии ознакомились с экспозицией музея «Дача Китаевой». Заведующая музеем Татьяна Ивановна Галкина рассказала о том, как

Заседание редколлегии в Царском Селе

в этом доме летом, вскоре после женитьбы, отдыхал вместе с молодой женой А. С. Пушкин.

Члены редколлегии посетили также Лицей, в котором проходило духовное становление поэта.

Признанный исследователь истории Царскосельского лицея, сотрудник музея Светлана Васильевна Павлова рассказала о том, какая большая работа была проделана по реставрации помещений, по преданию им максимального сходства с Лицеєм начала XIX века.

Светлана Васильевна Павлова

Светлана Васильевна сообщила также о перспективах дальнейшего развития музея.

В ходе заседания редколлегии журнала «История Петербурга» обсуждались материалы, которые планировалось опубликовать в очередном номере. Особое внимание было уделено вопросу подготовки к 5-летию со дня выхода в свет первого номера «Истории Петербурга», которое состоится в феврале 2006 года. Было высказано предложение издать к юбилею отдельным томом дайджест лучших статей, появившихся в журнале за время его существования.

На переднем плане члены редколлегии В. Е. Павлов и Р. Э. Павлова

ПОЛНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗМА В ЦЕНТРЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИАГНОСТИКИ

*Новейший метод обследования –
метод биорезонансного компьютерного обследования.*

Абсолютная безопасность для организма, полная достоверность результатов.

За 1 час пациент проходит комплексное обследование, на которое могли бы быть потрачены многие дни. В план обследования входят:

- сердечно-сосудистая система;
- желудочно-кишечный тракт;
- мочеполовая система;
- опорно-двигательная система (включая обследование позвоночника, межпозвоночных дисков, суставов);
- бронхо-легочная система;
- эндокринная система (уровень гормонов, состояние щитовидной железы, надпочечников, гипофиза);
- нервная система (головной, спинной мозг, кровоснабжение мозга);
- зрительный и слуховой аппараты.

Устанавливается причина набора веса, выявляется индивидуальная предрасположенность к заболеваниям и осуществляется подбор наиболее эффективных лекарств.

Стоимость обследования 1250 рублей, для детей 1000 рублей.

Справки и запись по телефону: **973-18-88.**

Уважаемые петербуржцы!

Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова предлагает вам стать участниками викторины «Лермонтовский Петербург».

Ответы на вопросы викторины принимаются до 1 декабря 2005 года по адресу:
Литейный пр., 19, тел. 272-3660, 272-3878,
ст. метро «Чернышевская».

**Приглашаем всех желающих к участию!
Победители будут отмечены дипломами жюри.**

1. Назовите памятные места, связанные с пребыванием М. Ю. Лермонтова в Петербурге.

2. На страницах какого петербургского журнала М. Ю. Лермонтов напечатал около 30 стихотворений, в их числе: «Дума», «Поэт», «Три пальмы», «Журналист, читатель и писатель», повести «Бела», «Фаталист», «Тамань», вошедшие затем в роман «Герой нашего времени»?

3. В какой петербургской типографии в 1840 году вышел в свет единственный прижизненный сборник поэта «Стихотворения М. Лермонтова»? Кто принял участие в его издании?

4. Какой поэте М. Ю. Лермонтов посвятил это стихотворение накануне своего последнего отъезда из Петербурга?

*Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одной,
Нас обманули те же сны...*

5. Частым гостем семьи какого известного историка, писателя и критика являлся М. Ю. Лермонтов?

6. Какой необычный способ придумал М. Ю. Лермонтов для записи своих стихов, находясь под арестом и не имея под рукой пера и бумаги?

7. Участником какого петербургского оппозиционного кружка аристократической молодежи, существовавшего в 1838–1840 годах, был М. Ю. Лермонтов?

8. Назовите произведение М. Ю. Лермонтова и главного героя, маршрут которого от места службы до места жительства был таким:

«...Спустясь с Вознесенского моста и собираясь поворотить направо по канаве...», «...пронеслись вдоль по каналу, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на Симионовский мост, потом направо по Фонтанке – и тут остановились у богатого подъезда, с навесом и стеклянными дверьми, с медной блестящею обделкой...».

9. В этом доме известного петербургского богача в 30-е годы XIX столетия особой популярностью пользовались публичные концерты и костюмированные балы. Двери были открыты для всех: юнкера и генерала, мелкого чиновника и директора департамента. Именно здесь происходит завязка драмы «Маскарад». Назовите этот знаменитый дом и место, где он находится?

10. Назовите композитора оперы на сюжет поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», премьера которой состоялась в 1875 году на сцене Мариинского театра.

11. Назовите имена скульпторов памятников М. Ю. Лермонтову в Санкт-Петербурге. Где находятся памятники?

12. По Вашему мнению, являются ли литературные герои М. Ю. Лермонтова героями и нашего времени?

М.Ю. Лермонтов

1814-1841

Благодарим за участие!

Сведения об авторах

БОЙКО Марина Алексеевна – искусствовед, член Союза художников России.

БОЧАРОВ Алексей Алексеевич – главный специалист Российского государственного архива Военно-морского флота.

ГОТХАРТ София Израилевна (1923–1987) – блокадница.

ДЕРИШЕВ Петр Федорович – пенсионер.

ЗЕРНОВ Владимир Борисович – музейный художник, научный сотрудник. Исследует архитектуру Санкт-Петербурга и историю коренных финноугорских народов Приневья.

ИЛЬИНА Елена Николаевна – ведущий библиотекарь Библиотеки РАН.

КАЛЁНОВ Павел Александрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук.

КОЛЕСНИКОВ Юрий Иванович – капитан I ранга, ветеран подразделений особого риска.

ЛАВРЕНТЬЕВ Николай Владимирович – студент Лесотехнической академии.

ЛЕБЕДЕВА Наталия Петровна – методист научно-методического центра отдела образования Кронштадтского района.

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович – военный историк.

МОРОЗОВ Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных наук Ленинградского областного института развития образования.

НИКОЛАЕВ Валерий Александрович – автор программы «Информационный справочник по истории Петербурга».

ОРЛОВСКИЙ Бронислав Брониславович (1914–1996) – участник Великой Отечественной войны.

ПЛЕШКОВ Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института истории РАН.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

СИНДАЛОВСКИЙ Наум Александрович – писатель, исследователь истории Петербурга.

СЛАВИНА Татьяна Андреевна – доктор искусствоведения, академик архитектуры.

СМИРНОВА Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

СТЕРНИН Александр Григорьевич – выпускник Второй Санкт-Петербургской гимназии.

СТОЛБОВА Наталия Павловна – методист краеведения Дома творчества юных «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга, педагог, краевед, экскурсовод, автор ряда публикаций об Охте.

ФОКИН Михаил Михайлович – сотрудник Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

История Петербурга журнал

№ 5 (27) 2005

Корректор *Т. В. Королева*

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е. А. Тальянова*

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 24.10.2005. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1000) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ № 12410

Цена свободная

Читайте в ближайших номерах

О. А. Великанова
Музыкально-общественная
деятельность графа
А. Д. Шереметева

О. И. Молкина
«Интервью века»
О неизвестном интервью с
фигуристами Л. Белоусовой
и О. Протопоповым

*Е. В. Абарова, Н. П. Матвеев,
Т. С. Саркисова*
Недавнее прошлое
Павловского шоссе Царского Села

Н. А. Нарышкина
Государственный музей этнографии

В. И. Пleshков
Дж. К. Адамс в Петербурге

С. Н. Полторак
К 150-летию со дня рождения
князя А. Г. Гагарина

